

ПИОНЕР 8

АВГУСТ • 1972 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На снимке вы видите двух ребят из энского пограничного поселка — Машу Унгурия и Бориса Даника. В их школе один из лучших в стране отряд ЮДП. В школе есть своя пионерская застава — № 555. Цифры расшифровываются так: «Учиться на ПЯТЬ, трудиться на ПЯТЬ, границу охранять на ПЯТЬ».

Пионерская застава существует уже десятый год. Многие из юных друзей пограничников стали воинами Советской Армии и несут охрану рубежей нашей Родины.

В День пограничника, 28 мая, с севера, из поселка Никель, Мурманской области, и с востока, из поселка Посыет, Приморского края, вышли лучшие комсомольско-пограничники — началась Всесоюзная комсомольско-молодежная эстафета. Пограничники пройдут вдоль всей нашей границы, встретятся в Баку, а закончится эстафета в Москве 12 августа. Посвящается она 50-летию образования СССР.

Фотографии Я. Пенькова
и В. Смирнова.

На границе

Дозорная пограничная вышка. Отсюда видно на много километров вокруг. Часовой пристально глядит в даль. Там, за рекой, уже не наша земля.

Тихо на заставе. Но в любую минуту может прозвучать сигнал тревоги. И короткая команда: «Застава, в ружье!» Бывают случаи, когда враги пытаются тайком проникнуть через кордон. Но на какие бы уловки ни шли нарушители границы, они будут пойманы.

У советских пограничников есть надежные помощники — ребята из отрядов ЮДП. Много нужно знать будущим часовым Родины: уметь читать следы, ориентироваться по азимуту, метко стрелять, обращаться со сторожевой собакой, ездить верхом, работать на радиостанции. Всему этому учат своих юных друзей пограничники.

ТЫ ДЕРЖИШЬ В РУКАХ НАШ ЖУРНАЛ — «ПИОНЕР» № 8. На обложке его Артек. Почему? Да ты, наверное, знаешь сам. Там сейчас проходит **ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ ПИОНЕРОВ**.

В Артеке собрались ребята со всей нашей страны. И у нас в гостях артековцы. Они ведут урок в **ШКОЛЕ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ**.

И «**КОРАБЛИКОМ**» управляют в этот раз ребята, побывавшие в Артеке.

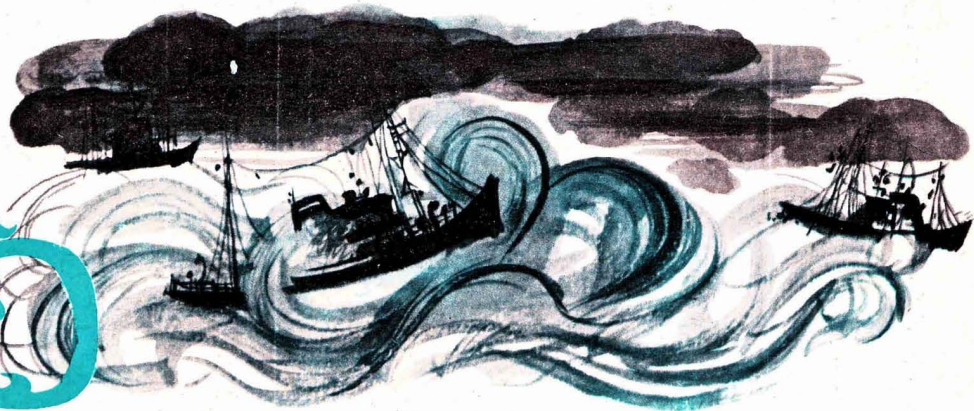
Кроме советских ребят, на слет приглашены гости из сорока стран мира. Среди них и пионеры-гельмановцы. У них нынче юбилей — двадцатилетие пионерской республики имени Вильгельма Пика. Об этом читай очерк **Натальи Елистратовой** «НА БЕРЕГУ ВЕРБЕЛИНЗЕЕ».

Август — разгар пионерского лета. И наш номер солнечный, ветер странствий шелестит его страницами...

Трудное путешествие совершают пионеры — действующие лица пьесы **Семена Лунгина** «БЕЗ ТРЕХ МИНУТ РОВНО».

Одни путешествия закончены, другие лишь начинаются.

В дорогу длиною почти в двадцать лет зовет тебя **Зоя Воскресенская**. Ее повесть «**ПАРОЛЬ — НАДЕЖДА**» — о детстве и юности Надежды Константиновны Крупской.

В Якутске закончил свое плавание **Сергей Иванов**. Долгий путь! Однако **Андрею Некрасову** пришлось поехать еще дальше, чтоб побывать на строительстве новой атомной электростанции...

Необычное путешествие предлагает тебе **Олег Кузнецов**. Что за путешествие? Ответ ты найдешь в правдивой сказке «**ПОХОЖДЕНИЕ ХИТРОГО СОЛЕНОПСИСА**».

Много путешествий можешь ты совершить, листая этот номер «Пионера» — в страну Фантазию вместе с **Виктором Балашовым**, в страну Поэзию вместе с **Александром Кушнером**...

Солнечный номер, ветер странствий шелестит его страницами. А песня в дорогу есть? Есть и песня! Ее написали **В. Боганов** и **А. Ануфриев**:

Артековец сегодня,
Артековец сегодня —
Артековец всегда!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ и
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Издательство «Правда»
Москва, 1972 г.

ПАРОЛЬ — НАДЕЖДА

3. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Уездный начальник

По пыльной, ухабистой улице Гройца шагал статный человек в форме капитана русской армии. Тщательно начищенные ботинки, белоснежный воротничок и манжеты, отлично пригнанный мундир, походка и выправка выдавали в нем кадрового военного. Капитан с досадой поглядывал на ботинки, которые постепенно тускнели от пыли, и начинал жалеть, что не велел заложить коляску. Но, видимо, сказалась многолетняя привычка к верховой езде, длительным пешим переходам и чисто военное отвращение к экипажам. У базара его нагнала линейка, запряженная парой великолепных лошадей.

— Константин Игнатьевич, милости прошу, садитесь, подвезу, — натягивая вожжи, пригласил его грузный пожилой мужчина с окладистой бородой.

— Благодарствуйте, Сидор Прохорович, мне недалеко.

— Ну, как вашей милости будет угодно, — обиженно процедил бородатый и, привстав на линейке, огрел плетью коренника. Лошади понесли, вздымая облака пыли.

— Пся крев! — выругался старый крестьянин, отряхивая дырявую войлочную шляпу.

Бабы с горлачиками и корзинами зататорили и, щурясь от пыли, стали фартуками прикрывать свои товары. Старая цыганка живо собирала карты, раскиданные

на шали, и посылала страшные проклятия на купца, его лошадей, жену и на весь его род. Но, завидев капитана, стала быстро тасовать тонкими коричневыми пальцами замусоленную колоду.

— Пан начальник, погадаю, всю правду скажу! — Она вытаскивала из середины колоды карты, разбрасывала их направо и налево, приговаривая:

— Кавалер, красавец писанный... Не одна бубновая дама по тебе сохнет. Позолоти ручку, красавец! — Цыганка протянула желтую ладонь. Капитан на ходу бросил ей монету.

— Счастье за тобой, как тень, ходит, только ты его схватить не умеешь.

Гадалка торопливо выкрикивала вслед офицеру:

— Эполеты генеральские заблестят на твоих плечах... Приятный разговор в казенном доме... Плюнь мне в глаза, сокол мой, если не сбудется...

Константин Игнатьевич усмехнулся: генеральские эполеты! Тут капитанские погончики еле на плечах держатся.

* Печатается с сокращениями.

По пыльной ухабистой улице Гройца шагал статный человек.

— День добрый, господин уездный начальник!

— Здоровеньки булы, пан Крупский.

— Здравия желаем!

— Здравствуйте, Константин Игнатьевич.

Это приветствовали военного начальника Гройцкого уезда Варшавской губернии капитана Крупского жители города. И в этих приветствиях Константин Игнатьевич улавливал доброе отношение, иногда лесть, а порой и злобинку.

Что и говорить, польский народ люто ненавидел русских колонизаторов, особенно царскую армию, штыки которой охраняли господство русского царя в Польше. Но капитан Крупский за три года пребывания начальником уезда завоевал себе добрую славу. Он был доступен для каждого, внимателен, справедлив и в нарушение всех правил говорил с поляками по-польски.

Крупский был хорош собой — высокий, с широким разворотом плечей и тонкой талией, каштановые кудри обрамляли лицо с правильными чертами, большие серые глаза смотрели из дремучих ресниц приветливо, внимательно. От своего отца, майора русской армии, он унаследовал не только горячий и вспыльчивый характер, но и умение сдерживать себя; унаследовал ненависть к угнетению, к палочной дисциплине и военную косточку: был он элегантен, подтянут, отлично владел саблей, револьвером, отлично держался в седле. Отец Крупского

был декабристом, за это его лишили офицерских погон и сослали в Тобольскую, а затем в Казанскую губернию. Константин Крупский состоял в тайной революционной организации «Земля и воля». Особая царская канцелярия занесла его в список «неблагонадежных».

Недоброе отношение к себе варшавского генерал-губернатора капитан Крупский чувствовал уже давно. Цыганка была в одном права: его, несомненно, ждет разговор в «казенном доме», но вряд ли этот разговор будет из приятных.

Подходя к земской управе, Константин Игнатьевич понял: день предстоит тяжелый. У забора стояли телеги с поднятыми оглоблями. Распряженные лошади лениво жевали сено. Во дворе было полно народу. На скамейке и на завалинке сидели старики. Мужики помоложе, с женами и ребятишками, расположились прямо на земле. Семьями обычно приходят погорельцы. А лето стояло сухое, жаркое — выгорали целые деревни. И по всем дорогам Российской империи тащились старики, малые дети, женщины. И над всеми дорогами неслось, как стон: «Подайте, Христа ради, погорельцам».

Старики — это ходоки от деревень. Наверно снова будут жаловаться на притеснения помещиков. Люди запыленные, усталые, с котомками за плечами. Многие пришли из дальних гминов. Всех пригнала сюда нужда.

— Кого будете принимать, вашбродь, погорельцев аль из стариков? — спросил писарь.

— Начнем со стариков...

— Проще, пане, — приглашает Крупский к себе в кабинет ходоков от мирских сходок. — Проще, пане, садиться...

Но старики стоят, опершись на посохи.

Пожар за одну ночь оставил около сотни жителей без крова. Всея деревней пошли по миру.

Константин Игнатьевич нервно накручивает на палец завиток на виске. Что может сделать уездный начальник, если в его бюджете нет средств на помощь от недорода, пожара, наводнения, эпидемий. Крупский понимает, что старики уйдут от него ни с чем. Проклятая нужда, законом установленная! Уездный начальник чувствует себя так, словно он виноват в этом.

— Ничем помочь не могу, — с отчаянием произносит он.

— Больные у нас, пан начальник. Не иначе холера.

— Везите в Варшаву, у нас в городе больницы нет!

И снова глущее чувство вины перед людьми. В уездном городе нет больницы! Один врач и приемный покой на весь уезд. А в Европе свирепствует холера. Она допозла и до Польши.

«Люди добрые! Дьявольский порядок установлен на Руси. Русскому мужику жи-

вется ничуть не лучше, чем вам. Он так же бесправен, нищ, голоден. Нужно все перевернуть и установить другой порядок — когда человек человеку будет друг. А как это сделать? Думаете, я знаю? Но помощь вам нужна сейчас. Сию минуту. Я бы дал приказ вырубить помещичьи леса и построить вам добрые хаты. Я бы отнял у помещика землю и отдал вам. Я велел бы выдать вам хлеба, чтобы вы не умерли с голоду. Но землю помещика, его леса, его добро охраняет царский закон».

Так думал Крупский, глядя на стариков, а вслух сказал:

— Я могу отпустить немного казенного леса... Постройте временное жилище.

Старики кланяются в пояс, готовы рухнуть на колени.

Крупский пишет записку, передает старейшему:

— Иди к лесничему.

— Пан начальник, нет у нас ни пил, ни топоров, все сгорело.

— Вам помогут солдаты. Я распоряжусь.

Приняв последнего просителя, капитан велел писарю пригласить к нему пана Радвана. Уездный архитектор с нетерпением ждал этого приглашения.

Крупский поднялся ему навстречу. Небольшого роста, с пухлыми щечками, реденькой бородкой и такими же волосами, архитектор был торжествен и явно волновался. Он с рвением относился к делу, которому служил. Ему казалось, все равно, что строить, лишь бы строить добротнo, красиво, с выдумкой. Но в уезде где ему было развернуться? Пан Радван считал себя неудачником.

— Итак, я вас слушаю, — сказал Крупский.

Архитектор пришел с большой папкой. Он развязал шелковые шнуры и, осторожно извлекая листы плотной бумаги, раскладывал их на столе.

— Вот, пан Крупский, на ваше милостивое утверждение, — сказал торжественно Радван.

На белоснежном листе плотной, чуть шероховатой бумаги был вычерчен фасад одноэтажного здания, раскрашенный акварелью. На светло-сером поле яркое, праздничное сооружение с крохотными зарешеченными окнами под самой крышей. Красный кирпич, зеленая крыша, кудрявые деревья вдоль фасада. Железная дверь с засовами была украшена круглыми блестящими заклепками и замками. Каждый шов кирпичной кладки, водостоки, белые кирпичные трубы на крыше с жемчужными дымками — все походило на яркую иллюстрацию из детской книжки.

— Вы отличный художник! — воскликнул Константин Игнатьевич. — Мне просто самому хочется сесть на эту гауптвахту.

— О, пан Константин, охраняй вас от этого пресвятая дева Мария! Я весьма польщен вашей похвалой, ведь архитектор прежде всего художник. Но это еще не все. Извольте взглянуть на конюшню, которая будет примыкать к гауптвахте.

Константин Игнатьевич взял в руки карандаш.

Пан Радван проворно извлек из папки кальку, на которой был чертеж этого же здания.

— Прошу ваши замечания сделать тут.

Крупский бросил острый взгляд на архитектора и занес карандаш над калькой.

— Белая, как снег, больница! — воскликнул пан Радван.

— Во-первых, мне хотелось бы окна опустить ниже и сделать их раза в четыре больше.

— Извольте шутить, пан капитан, это гауптвахта и в то же время острог. К гауптвахте примыкает конюшня. Может быть, сделать больше окна для лошадей?

— Нет, для людей.

Пан Радван в недоумении пожал плечами. Кто же разрешит делать тюрьму с большими окнами?

— Да, у нужды и неволи всегда малые оконца, — заметил Крупский.

Он раскрыл портсигар и предложил Радвану папиросу. Оба закурили. Крупский ходил по кабинету, словно забыв и о чертежах и о Радване. Потом круто повернулся на каблуках и встал перед архитектором.

— Скажите, пан Радван, вам известны случаи, чтобы из-за отсутствия в городе тюрьмы или гауптвахты на людей напал мор от холеры и туберкулеза?

— Не могу угадать хода ваших мыслей, пан Константин, — признался архитектор.

— Пан Радван! Холера снова охватила всю Европу. Сотни тысяч свежих могил каждый день. Холера подползла к нашему уезду. Туберкулез стал национальным бедствием поляков. Из пяти новорожденных выживает один. А у нас в уезде нет больницы. И мы с вами, взрослые, разумные люди, будем строить красавицу тюрьму. А нельзя ли вместо нее построить больницу?

— Ах, дорогой пан Константин, если бы вы могли решать все государственные вопросы, люди страдали бы меньше, но в генерал-губернаторстве не разрешат, тем более, что тюрьмы и больницы строят разные ведомства.

— Я был на прошлой неделе в Варшаве. — Крупский глубоко затаился. — Просил дозволения построить больницу. Мне сказали: стройте, но средства изыщите на месте, возьмите у благотворителей. Вот я и думал, где их взять. Будылин мог бы раскошелиться. Он на одних поставках мяса для армии миллионы зарабатывает. На тюрьму бы он дал, но на больницу ни-ни, тем более если буду просить я.

Глаза Крупского блеснули, щеки разрумянились, он взял архитектора за плечи.

— Пан Радван, мы построим с вами больницу. Построим вместо гауптвахты и конюшни. Стены больницы можно сделать вдвое тоньше, чем тюремные, окна больше, вместо камер — просторные палаты. Сколько высвободится кирпича? А старую гауптвахту мы снаружи выкрасим, внутри побелим, конюшню отремонтируем. И будет у нас больница. Больница! Вы понимаете?

Пан Радван, прижав пальцы к вискам, закрыл глаза и восторженно шептал:

— Белую, как снег, больницу, с венецианскими окнами, с сосновым парком!

Архитектор схватил пузырек с тушью, рейсфедер, шагнул к столу и, не жалеючи, стал поверх чертежа гауптвахты рисовать высокие двери, широкие светлые окна. Крест-накрест перечеркнул стены камер, бисерным почерком делал какие-то пометки на полях чертежа, что-то высчитывал, возвел второй этаж, вычертил островерхий козырек над крышей и на нем нарисовал чашу со змеей — эмблему всеисцеляющей медицины. Вместо гауптвахты и конюшни на чертежах, как призрак, возникла больница.

Крупский с улыбкой смотрел на архитектора, на его включенную голову, разметавшуюся по ватману бородаку, пан Радван был близорук, но работал без очков, почти касаясь носом бумаги.

— Так строим? — положил ему руку на спину Крупский.

— Строим! — как клятву произнес Радван. — Это будет самое лучшее из моих творений. Готов лично принять на себя кару от царя и господ бога.

— За все в ответе я, пан Радван. Я вам так приказал, ваше дело повиноваться.

— Вот когда повиновение действительно доставляет радость! — ответил архитектор. — Да благословит вас дева Мария!

Дома

Солнце уже спускалось за зубчатой опушкой леса, когда Константин Игнатьевич возвращался домой.

На высоком крыльце стояла его жена Лиза с Надюшей на руках. Ждала. Крупский сдвинул фуражку на затылок. Исчезли горькие складки у рта. Константин Игнатьевич широко улыбнулся. Вот уже пятый год, как он женат, и все не может привыкнуть к своему счастью.

Надя, завидев отца, рвется к нему навстречу, переступает крепкими ножками по ступенькам, спешит к отцу, бежит, вытянув вперед руки с растопыренными пальчиками, такая маленькая, смешная девочка в белых панталончиках, обшитых кружевами, золотоголовая, ясноглазая.

Отец сажает Надюшу на плечи, она забирала полные пригоршни его кудрей и кричит: «Н-но, лошадка, н-но!»

И вот они обнимают свою маму Лизу, и все трое входят в дом, в свой мир, счастливый, красивый, полный тихой радости.

Лиза, надев передник, спешит на кухню, чтобы помочь старой Ядвиге подать на стол кушанье, но Константин Игнатьевич не отпускает жену. Успеет пообедать. Дай наглажусь. Соскучился. Застенчивая, чуть грустная улыбка освещает лицо жены.

— Добрый день, Ядвига!

— Здравствуйте, пан Константин.

Засучив рукава, отец моет под умывальником руки, а Надюша уже тащит полотенце, стоит и смотрит на отца снизу вверх, ждет, когда он брызгает на нее. А потом оба бегут в столовую.

Константин Игнатьевич шутивно-строго смотрит на дочку:

— Кушай с аппетитом, а то нам влетит с тобой от мамы.

— Сегодня на сладкое я сделала бламан-же, — говорит Ядвига, подавая на стол кушанье.

— Я очень люблю бла-ман-же, — заявляет Надя.

Во дворе слышится какой-то шум. Женский голос, надрываясь, кричит по-польски:

— Пан начальник, защитите! Помогите! Помилуйте!

Константин Игнатьевич срывает салфетку, бросает ее на стол и, схватив с полки в передней фуражку, выходит на крыльцо.

Несколько женщин стоят на коленях и кричат, вздымая руки к небу:

— Помогите, защитите!

— В чем дело? Встаньте! Расскажите вот вы, — обращается он к пожилой женщине, горожанке, одетой в траур.

— Пан начальник, — поднимает она тяжелую голову с запавшими глазами. — Русские... солдаты уничтожают наше кладбище, ломают кресты... Оскверняют могилы...

— Яков! — кричит Крупский вестовому, который появляется как из-под земли и стоит навтыяжку.

— Стрижа седлай! Живо! А вы идите по домам и успокойтесь. И вы разойдитесь! — приказывает он любопытным, собравшимся у ворот.

И эти распоряжения, отданные не очень громким, но властным голосом, которого невозможно слушаться, сразу восстанавливают тишину.

У самого кладбища Крупский остановил коня, накинуд уздечку на сучок и широким шагом пошел между могилами. Густо разросшийся кустарник, бузина и жимолость не пропускали солнечного света. Пахло сыростью. Старые, заброшенные склепы осели в землю. С некоторых были сдвинуты каменные плиты, опрокинуты часовни, и на их месте зияли черные пропасти. По другую сторону холма выросло новое кладбище; там не было склепов над могильными холмами, прижавшись друг к другу, возвышались железные, а чаще деревянные кресты с маленьким распятием посередине крестовины. Солдаты с гогом раскачивали кресты и валили их на землю; внизу под холмом собрались женщины и вопили, проклиная погромщиков.

— Кто приказал учинить сие? — раздался властный голос Крупского.

Смех мгновенно смолк. Солдаты узнали уездного начальника. Подбежал унтер и, выпитив грудь, приложил руку к козырьку.

— Что изволите приказать, вашеврокродие?

— Кто приказал? — Крупский дрожал от ярости.

Унтер поперхнулся и с перепугу не мог вымолвить слова. А снизу надвигалась толпа женщин с воплями и стонами.

— Кто приказал? — не спросил, а страшно выдохнул Крупский.

— Полковой поп приказали. Нехристи эти полячишки, и крест у них неправильный. Христианское кладбище будет здесь. А всю эту погань отец Серафим велели к чертовой бабушке...

Крупский выхватил револьвер. Унтер отскочил. Солдаты замерли в тупом оцепенении, женщины перестали голосить.

Константин Игнатьевич задохнулся, мучительный приступ кашля перехватил дыхание и вместе с тем привел его в чувство. Рука, сжимавшая револьвер, бессильно опустилась.

— Немедленно водрузить кресты на место, поднять каменные обелиски и часовни, восстановить могильные холмы. И запомните, что начальник в уезде не отец Серафим, а я, капитан Крупский. — Слова его падали, тяжелые, как камни, на бледном лице вспыхнули яркие красные пятна.

Солдаты облегченно вздохнули. Страшен был в гневе капитан. И дело, которое их заставило делать, не очень-то было им по душе.

И с таким же старанием, с каким только что разрушали, солдаты принялись поднимать заваленные кресты, обравнивая могилы. Им помогали женщины. А старая женщина в трауре, сложив два пальца, подняла руку и благословила всадника, который удалялся по дороге в облаке пыли.

День рождения

Константин Игнатьевич стоял у чуть открытой двери в дочкину комнату и, не сводя глаз с кровати, ждал, когда проснется Надюша.

Солнце тоже изо всех сил старалось пробиться сквозь замороженное стекло и разбудить девочку. Солнечные зайчики прыгали по щекам и волосам Надюши, щекотали ей нос, уши. А она только чуть пошевелит губами — не то что-то прошепчет, не то улыбнется и опять спит. Но вот солнечный зайчик забрался в густые ресницы. Девочка сначала крепко зажмурилась, а потом открыла большие ясные глаза. И улыбнулась. Улыбнулась утру, солнечным зайчикам. И засмеялась звонко, звонко. Это был как бы их семейный сигнал. После этого всегда появлялся папа и говорил: «Девочка-улыба проснулась? С добрым утром!» За ним прихо-

дила мама, целовала дочку и начинала ее одевать.

Надя засмеялась, а папа не вошел. Она встала в кроватке и прислушалась, посмотрела на дверь. У Надюши был удивленный вид. Она обвела глазами комнату и вдруг увидела... Сначала она смотрела широко открытыми глазами, и все ее лицо, и высоко поднятые брови, и пухлые губы — все выражало крайнее удивление, которое сменилось бурной радостью. На столе, придвинутом к кроватке, лежала большая кукла. Глаза у нее были закрыты, Надя перегнулась и взяла куклу на руки. Кукла открыла глаза, и внутри нее что-то мякнуло. «Ты девочка?» — спросила Надя. Кукла молчала. Надя положила ее на свою подушку, кукла мякнула и захлопнула глаза.

Надя сажала куклу, ставила на ноги, наклоняла в одну и другую сторону и наконец чмокнула ее в щеку и сказала: «Доброе утро! Ты ко мне пришла? Как тебя зовут? Ты умеешь ходить? Сколько тебе лет?» Кукла молчала и загадочно улыбалась, показывая мелкие белые зубки.

Теперь рядом с Константином Игнатьевичем стояла и Елизавета Васильевна, и неизвестно, кто больше наслаждался подарком — сами родители или их дочка.

Оба они распахнули дверь.

— Здравствуй, девочка-улыба. С добрым утром! — сказал Константин Игнатьевич.

— Поздравляю тебя, радость моя, с днем рождения. Сколько тебе сегодня лет? — спросила мама.

Надя подняла руку с растопыренными пальцами, а большой палец зажала другой рукой.

— Четыре годика!

— Расти большая, здоровенькая, умненькая, — приговаривала мама.

— Будь счастливая! — Константин Игнатьевич подбросил дочку высоко вверх и поймал. У мамы руки были теплые, мягкие, у папы сильные, прохладные и пахли папиросами.

Ядвига принесла на блюде пирог.

— Это тебе, паненка! Будь счастлива!

— Спасибо, спасибо, — смеялась счастливая Надя.

Елизавета Васильевна умыла дочку и стала надевать на нее новое платье, которое прислала из Полтавы старшая сестра Елизаветы Васильевны Мария Васильевна. Это был красиво расшитый украинский национальный костюм. Дядя Саша, брат Константина Игнатьевича, прислал из Петербурга своей племяннице большой мяч. Мяч был наполовину красный, наполовину голубой.

— А где еще подарки? — спросила Надя, блестя глазами.

— Тебе мало? — ахнула Елизавета Васильевна. Ей стало вдруг тревожно оттого, что дочка вырастет эгоисткой. Все для нее и для нее.

После завтрака они сидели и наблюдали, как Надя увлеченно играет с новой куклой, одевает ее и приговаривает:

— Если ты будешь меня слушаться, я куплю тебе много-много красивых шоколадных бомб, в них спрятаны колечки, брошки! — Надя расчесывала кукле волосы. — Если ты скушаешь кашку, я тебе подарю мячик. Я теперь твоя мама, а ты моя дочка. — Девочка на секунду задумалась и вскинула глаза на мать. — Мамочка, а как зовут мою дочку?

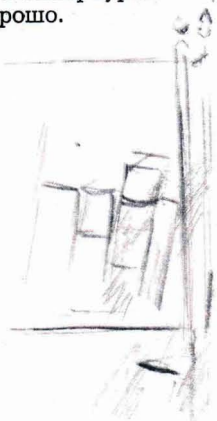
— Назови ее Люба.

— Люба у меня есть, у нее оторвана нога и сыплются опилки, я ее теперь выброшу.

— Мы пришьем Любе новую ногу, вылечим ее, зачем же выбрасывать. А эту ты назови Вера.

— Нет, я назову ее Лелей, как моя сестричка в Петербурге.

— Хорошо.

— Леля, на тебе яблоко, смотри, какое красивое, а это червивое, его съем я.

— Почему же ты Леле даешь хорошее, а себе берешь червивое яблоко? — насторожилась Елизавета Васильевна.

— Я ведь мама, а она дочка, ей надо самое лучшее яблоко, — пожала плечами Надюша.

— Молодец, доченька! — похвалил ее отец.

Елизавета Васильевна прикрыла глаза руками.

— Это страшно, Костенька, — прошептала она. — Значит, я прививаю ей мысль, что мать должна всем жертвовать для дочки, должна, именно должна отдавать ей лучший кусок, лучшее яблоко, а сама есть червивое. Ведь так можно воспитать страшную эгоистку. Я уже чувствовала свои огрехи в воспитании и ко дню рождения написала ей стихи — распорядок дня.

— А можно без этого распорядка? — мягко попросил Константин Игнатьевич. — Знаешь, как я ненавижу режим.

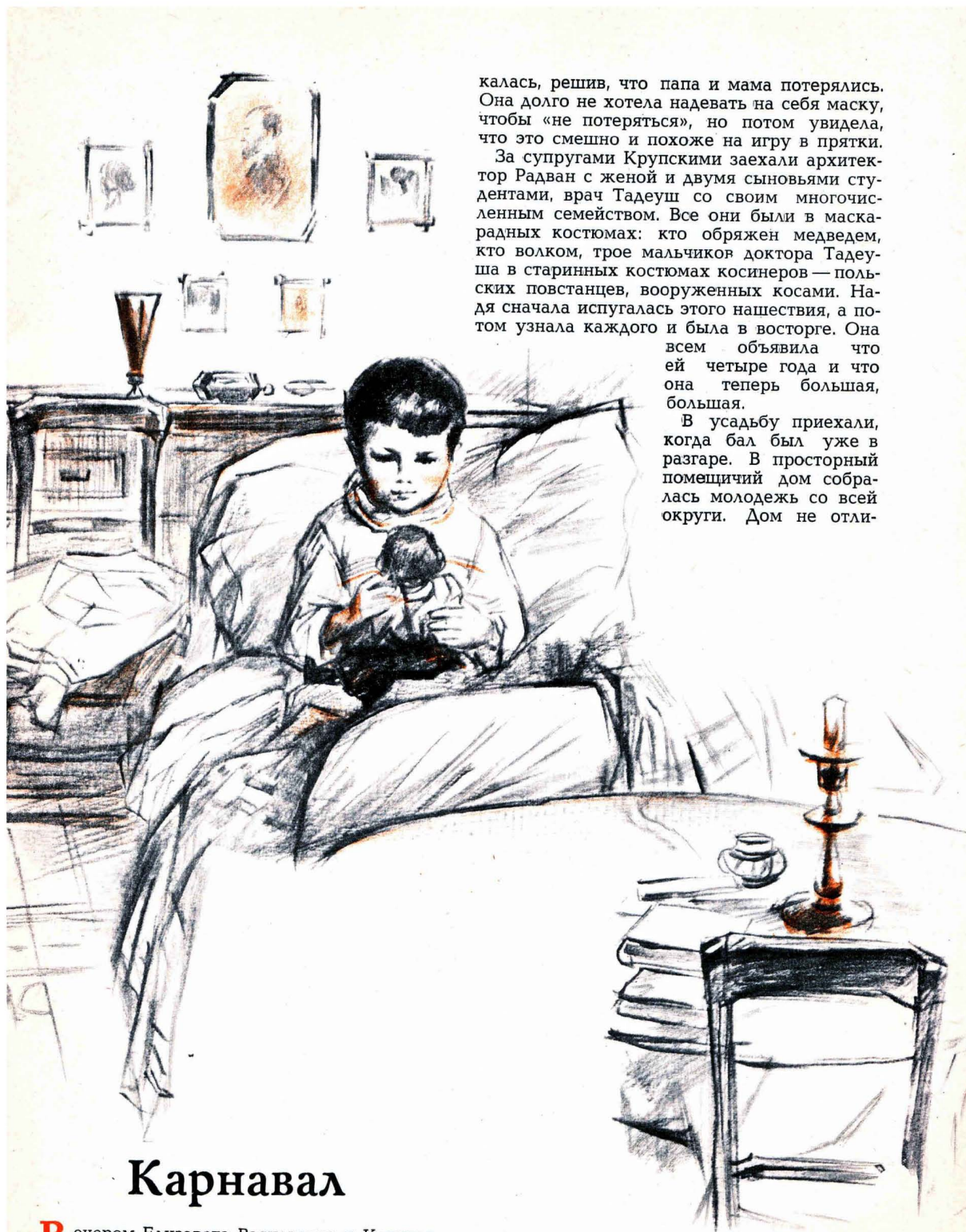
— Я не о том режиме, который ты ненавидишь, а о порядке говорю. У нас с тобой педагогом была сама жизнь. В моей семье, ты ведь знаешь, было девять человек детей.

Старшие заботились о младших, каждое лакомство делили на девять частей. Я в пять лет должна была качать в люльке своего младшего брата, матери у нас уже не было. Ты рос в казенных заведениях, а там избаловаться невозможно. Надюша — другое дело. И придется приложить много сил, чтобы воспитать правильного человека. Поэтому давай действовать согласованно.

калась, решив, что папа и мама потерялись. Она долго не хотела надевать на себя маску, чтобы «не потеряться», но потом увидела, что это смешно и похоже на игру в прятки.

За супругами Крупскими заехали архитектор Радван с женой и двумя сыновьями студентами, врач Тадеуш со своим многочисленным семейством. Все они были в маскарадных костюмах: кто обряжен медведем, кто волком, трое мальчиков доктора Тадеуша в старинных костюмах косинеров — польских повстанцев, вооруженных косами. Надя сначала испугалась этого нашествия, а потом узнала каждого и была в восторге. Она всем объявила что ей четыре года и что она теперь большая, большая.

В усадьбу приехали, когда бал был уже в разгаре. В просторный помещичий дом собралась молодежь со всей округи. Дом не отли-

Карнавал

Вечером Елизавета Васильевна и Константин Игнатьевич в крестьянских польских национальных костюмах были неузнаваемы, а когда надели маски, то Надя распла-

Родители тихо вошли в комнату Нади.

чался особой роскошью, не походил на старинные замки польских магнатов, но зато в нем было множество комнат для гостей. Потолки везде низкие, только центральный зал с колоннами был высотой в два этажа. Стрельчатые окна попеременно с такими же зеркалами занимали всю стену, а у противоположной стены стояло фортепиано и мягкие кресла, в которых можно хорошо отдохнуть после танцев. Множество свечей в люстрах, яркие маскарадные костюмы — все это отражалось в зеркалах и создавало праздничное настроение. Несколько скрипачей старательно наигрывали полонез.

Хозяин — пан Анджей — велел принести к нему в кабинет закуску и вино и пригласил Константина Игнатьевича. В просторном кабинете, заставленном книжными шкапами, был полумрак. На огромном круглом столе, инкрустированном металлом, яшмой и перламутром, лежали фолианты в кожаных переплетах. Вся обстановка располагала к чтению и размышлениям. Кожаные глубокие кресла стояли вокруг стола. Слуга внес тяжелые шандалы и зажег их.

— Я очень рад, что судьба снова свела меня с вами, — сказал пан Анджей.

Константин Игнатьевич вопросительно посмотрел на хозяина.

— Снова? — переспросил он. — Мне кажется, мы с вами встречаемся впервые.

— Вы изволили служить в Смоленском пехотном полку?

— Так точно! — по-военному ответил Константин Игнатьевич.

— А не помните ли вы жестокие бои у деревни Незнановичи и Тропинице? Помните поручика Андрея Потемню?

— Еще бы не помнить...

Еще бы!.. Константин Игнатьевич отлично помнил грозные годы польского восстания, неравную борьбу польского народа против царизма, борьбу за независимость, за землю для крестьян, за свободу. 1862—1864 — то были годы испытания на прочность дружбы русских и польских революционеров. Константин Игнатьевич служил в полку, квартированном в Польше, был членом организации «Земля и Воля» и руководил в Смоленском пехотном полку группой русских офицеров, принадлежавших к этой организации. И, конечно, он не мог забыть своего друга Андрея Потемню. Вместе и учились в Константиновском кадетском корпусе, вместе служили в Польше.

Константин Игнатьевич вспомнил Варшаву, июнь 1862 года. Они сидели с Андреем в Саксонском саду. Синие глаза Потемни были темны и мрачны, впалые щеки и воспаленные веки говорили о бессонных ночах. Тольша бурдила, готовилось восстание, и передовые русские офицеры определяли в нем свое место. Андрей Потемня руководил организацией «Земля и Воля» в Польше и вместе со своим другом Ярославом Домбров-

ским проводил бессонные ночи, разрабатывая план восстания.

Андрей передал тогда Константину пачку листов, которые нужно было распространить среди русских солдат и офицеров.

«Братья! — говорилось в воззвании. — Время восстания Польши приближается; вас снова хотят сделать палачами поляков. Но не будьте ими. На берегах Вислы нет боевой славы для вас. На них ждет вас иная слава — слава примирения и союза»...

Константин советовался с другом, как поступить. Не следует ли уйти из армии и примкнуть к повстанцам, вместе с ними сражаться против царизма. Ведь руководителей польского восстания, так называемых красных, и русских революционеров объединял девиз: «За вашу и нашу свободу!» Андрей ответил, что Константину необходимо остаться в армии — вести пропаганду среди солдат, помогать чем можно самим повстанцам. «Если ты будешь возглавлять роту, ты сумеешь избежать кровопролития. Если ты уйдешь, роту возглавит какой-нибудь негодяй, и это будет стоить многих жизней». На вопросы Константина, когда они встретятся вновь, где будет находиться Андрей и каковы его планы, Потемня ответил уклончиво... Через несколько дней — случилось это в том же Саксонском саду — Андрей Потемня подошел вплотную к царскому наместнику в Польше генералу Лидерсу и выстрелил в упор. А после, спокойно сунув пистолет в карман, не спеша направился в кафе, и поляки не задержали его! Они расступались, низко кланяясь русскому офицеру, решившему ценою своей молодой жизни отомстить царскому сатрапу.

Но в тот день, когда Потемня и Крупский сидели в парке, Константин ничего этого, конечно, не знал. А когда восстание началось, поручик Смоленского пехотного полка Константин Крупский сделал все от него зависящее, чтобы помочь восставшим.

Все это пронеслось в памяти. Константин Игнатьевич глубоко вздохнул.

Пан Анджей, подняв бокал, сказал:

— Я расскажу вам, как это было. Я командовал повстанческим отрядом под начальством Лянговича. Отряд свой я собрал из местных крестьян и рабочих-ткачей. Мы готовились к выступлению, и в деревенских кузницах днем и ночью из деревенских кос делали мечи.

Да, Крупский помнил, что повстанцев называли косинерами.

— Я просил Лянговича, — продолжал пан Анджей, — дать отряду огнестрельное оружие. Он ответил, что оружие надо добыть у противника. Царская армия, мол, имеет на вооружении отличные тульские ружья, и они должны быть в руках повстанцев. Нам удалось в январе 1863 года напасть на русский гарнизон и добыть тридцать ружей. Но это было ничтожно мало. Мой отряд участвовал почти в двадцати схватках с регуляр-

ными войсками, терял убитыми и ранеными, пополнялся за счет добровольцев. В конце февраля ко мне в отряд явился Андрей Потехня. Он сказал, что считает своим долгом сражаться в рядах польских повстанцев. Этот юноша годился мне в сыновья, но я считал за честь сражаться под его командованием. Однако Андрей Потехня сказал, что он будет сражаться рядовым. Однажды мы вели бой под местечком Скала. Там множество известняковых скал и сталактитовых столбов. Мы засели в них и успешно отбивались, но противник зашел в тыл. Потехня первым заметил опасность и поднял повстанцев в атаку. В этом бою он был смертельно ранен. Солдаты не выдержали нашего натиска и отступили, ожидая, видимо, пока подтянутся резервы.

Мы похоронили Андрея возле самой высокой скалы.

Константин Игнатъевич сжал пальцы и уронил на них голову. В кабинете воцарилось молчание.

— Я знал, что Андрей погиб,— наконец сказал Крупский,— но не знал, где и как. В журнале «Колокол», который издавал Герцен в Лондоне, я прочитал некролог. Герцен писал: «Не знала русская пуля, сразившая Потехню, какую жизнь она остановила на первых шагах ее. Чище, самоотверженнее, преданнее жертвы очищения Россия не могла принести на пылающем алтаре польского освобождения».

— Прекрасные слова! Вернее не скажешь! — тихо произнес пан Анджей. — Я хочу еще рассказать вам о том, что случилось под деревней Тропинице. Наш отряд вел многодневный бой. Боеприпасы истощались, и, хотя царские войска тоже понесли немалые потери, силы были неравны. Наши бойцы были голодны, устали. Однажды ночью отряд оказался в окружении. Но мои хлопцы готовы были скорее умереть, чем сдать в плен. Русский офицер с поднятым белым платком вышел на пригорок и заявил, что хочет говорить с начальником отряда. Я подошел к нему. Он очень тихо произнес наш революционный девиз: «За вашу и нашу свободу».

Константин Игнатъевич вскочил с места.

— О, мать божья! — воскликнул он польски. — Так это были вы!

Пан Анджей тоже встал и тихо продолжал свое повествование:

— Мое сердце дрогнуло от радости, а потом червячок сомнения стал точить эту радость. Но я поверил вам. Мне очень хотелось поверить, что не один Потехня являет пример мужества и братства. Вы сказали мне, чтобы я дал приказ сдаться в плен, а остальное вы берете на себя. Я понимал, что рискую, не о себе думал я тогда, а о своих бойцах, которые готовы были без колебания отдать жизнь за свободу Польши и доверие которых я не мог обмануть.

Наш отряд заперли в огромный амбар. Мои парни окружили меня, они ничего не спрашивали. А я сидел в темноте и ждал.

Вдруг загредел засов, и вы пришли в сопровождении денщика и безоружный. Я готов был расцеловать вас, как сына. Вы сказали мне, какой дорогой я должен увести отряд, назвали место, где было спрятано наше оружие и винтовки для отряда. Я не спросил вашего имени, не сказал своего... И вот мы встретились. Я рад, что дожил до этого. Но я хотел бы дожить и до того дня, который принесет и вам и нам свободу.

— Я надеюсь на это,— ответил Крупский.— Свою дочь я назвал Надеждой.

Пан Анджей встал и тихо продолжал.

Дождь

Сначала налетел ветер. Озорной, буйный, он раскачивал деревья, словно будил их, осинки пригибал до самой земли, а дуб раскачать не смог, только вздохнул ему крону и потом накинута на большую грушу. Груша, высотой с дуб и вся, как новогодняя елка фонариками, увешана была яркими мелкими плодами. Ветер обрывал груши, сбрасывал их на землю и на головы ребят, укрывшихся от грозы под деревом.

Ветер притащил за собой тучу. Большая и тяжелая, она урчала, грохотала, сверкала молниями, навалилась на лес, на остроконечные ели и, наконец, пролилась дождем. Лесная тропинка превратилась в бурлящий ручей. Ребятишки прижались один к другому, девочки повизгивали, когда туча, высекая огонь, раскалывалась и эхо грохотало по лесу.

Но это был летний дождь. Он прекратился внезапно.

Солнце откинуло край темной тучи и засияло из-под нее особенно ярко, зажгло каждую каплю на листьях, отразилось в лужах. И ребята выбежали на полянку, промокшие, но веселые и озорные, как летний дождь.

Дождик-дождик, пущей!
Дам тебе я гущи!..

Надя выжала косу и подол платья, скинула сандалии и побежала по траве, разбрызгивая воду.

Над лугом возникло сразу две радуги. Обе яркие, только у одной радуги конец расплывался в воздухе, не доставая до земли. Ребята кинулись навстречу радуге. Казалось, они дотянутся до нее руками.

Надюша бежала и напевала:

— Ой, ты, радуга, ты чудо.

Ты явилась к нам откуда?

— Чур, мой цвет желтый! — кричал один.

— А мой красный! — кричал другой.

— Чур-чур, мой голубой! — Наде казалось, радуга совсем близко, прямо струится сквозь пальцы.

Дети бежали навстречу чудесному многоцветью, скользили по траве, в восторге шлепали ногами по воде. В самом деле, какое это наслаждение — шлепать по глубоким лужам после летнего теплого дождя!

У Нади коса расплелась и мокрыми прядями прыгала по спине. Девочке привольно было бегать с ребятишками и играть в незатейливые игры. Как весело, когда вокруг много друзей!..

Со стороны Варшавского шоссе показался экипаж, запряженный парой лошадей. Верх возка был поднят и, омытый дождем, блестел

— Ну, из какой руки берешь?

на солнце. Из возка выглядывал незнакомый господин. И кучер был незнакомый. А в таком маленьком городке, как Гройц, жители знали друг друга, и каждый новый человек вызывал всеобщее любопытство. Извозчик придержал лошадей. Ребятишки сбежались к бричке.

— Где тут дом уездного начальника?— спросил кучер по-польски.

— Крупского? Моего папы?— удивилась Надя.

— Да, да, господина Крупского,— раздался веселый голос из возка.— Это твой папа?— Незнакомец с любопытством посмотрел на большеглазую девочку, со смышленным личиком, босую, мокрую, как и все ее сверстники.

— Садись, поедем вместе, и ты покажешь ваш дом.

Надя забралась в возок и пожалела, что не могла пригласить с собой своих друзей. Но мальчишки прицепились сзади, а девочки побежали следом.

— Вот здесь мы живем,— сказала Надя, показывая на просторный дом с высоким

крыльцом.— На крыльце стоит моя мама, она будет меня бранить.

Лошади остановились. Мужчина, в высокой серой шляпе и в такой же серой накидке, прыгнул с подножки, подал, как даме, руку Наде, расплатился с кучером и, сняв шляпу, поднялся на крыльцо.

— Вы мадам Крупская?— спросил он по-русски.

— Да,— недоумевала Елизавета Васильевна. В их глухой угол не так уж часто заглядывали незнакомые люди. Она пригласила гостя в дом.

— Муж скоро придет, будьте любезны, пройдите в кабинет.

Мать еле сдерживала улыбку, глядя на свою Надю, до того девочка была потешна с ее виноватым видом, в мокром грязном платье.

— Где же ты была?— спрашивала она дочку на кухне.

— У груши. А потом был дождь. А потом мы ловили радугу. Я мокрая, а зато сандалии совсем сухие.

— Иди скорее помойся!— распорядилась Елизавета Васильевна и довольно строго спросила:— Опять ела конский шавель, заячью капусту и черешки лопухов?

— Да,— призналась Надя,— и еще дикие груши и орехи. Груши пока не поспели, а орехи очень вкусные...

И вот Надя, вымытая, причесанная, с пылающими от воды щеками, предстала перед гостем и сделала книксен.

— Боже мой,— воскликнул тот,— какое чудесное перевоплощение, настоящая «барышня-крестьянка»!

— Я не барышня, я Надя,— резонно заметила девочка.

В передней послышались шаги.

— Это наш папочка пришел!— объяснила Надя гостю, и ей было очень занятно видеть, как двое взрослых мужчин обнимались и целовались, будто женщины. Отец целовался

только с дядей Шурой, когда он приезжал к ним в гости из Петербурга. Но дядя Шура был папин родной брат. А этот?

— Коля, дорогой. Какими судьбами?

— Т-сс,— приложил гость палец к губам.— Забудь о Николае Утине, перед тобой мосьё Анатоль Прудан.

Николай Утин был одним из организаторов студенческой революционной молодежи в Петербурге. А Константин Крупский со своим другом Потемней посещал студенческие кружки, на которых с пламенными речами выступал Утин. Горячий, увлекающийся Николай легко увлекал и других, а накануне польского восстания он стал душой студенческой молодежи. В Утине сочетались купеческая любовь к расточительству и протест против угнетения всего свободомыслящего в России. Он был исключен из университета, и это создало ему еще большую популярность среди передового студенчества.

Царский суд приговорил Николая Утина к смертной казни с конфискацией всего имущества. Так миллионер стал нищим. Утин бежал за границу, познакомился там с Марксом, был в руководстве русской секции Международного товарищества рабочих. Великолепный оратор, он каждое свое выступление на студенческих собраниях начинал словами из Манифеста Коммунистической партии. «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма!» — восклицал он с пафосом и делал паузу, чтобы притихшая аудитория осмыслила величие этого предвидения.

Константин Крупский иногда даже завидовал этому талантливому юноше, умевшему зажигать толпу, быть вожаком. Крупский не умел выступать перед большой аудиторией, не обладал даром красноречия и никогда не стремился стать вожаком, хотя всегда старался найти свое место среди тех, кто боролся за свободу, справедливость.

Сейчас, увидев Утина, Константин Игнатьевич в знак того, что помнит и остался верен юношеским идеалам, тихо, как пароль, произнес:

— Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма!

Утин опустил голову.

— Боюсь, друг, что он уже не бродит, а ковыляет. После гибели Пятижской коммуны все громкие слова застревают в горле.

Наступила неловкая пауза.

— Куда ты держишь путь? — спросил Константин.

— Пока буду в Польше. Собираю для Карла Маркса статистические сведения о рабочем классе по Российской империи. Ты что-нибудь подготовил?

— Да,— несколько смущенно ответил Константин Игнатьевич.— Подробные сведения по своему уезду и кое-что по Царству Польскому вообще. Получается интересная картина кристаллизации пролетариата.

Крупский подошел к книжному шкафу, вы-

нул объемистый том «Сочинений П. Д. Боборыкина», стал листать.

— Весьма умеренный бытописатель,— кивнул головой Утин, взглянув на книгу.

Крупский собрал листки папиросной бумаги, разложенные между страниц книги, испи- санные столбиками цифр.

— Вот все, что я мог сделать.

— По-моему,— заметил Утин,— Маркс чересчур большое значение придает статистике. И разве можно сравнивать эти мертвые колонки цифр с колоннами восставших рабочих, с баррикадными боями, когда слышишь, как кипит кровь разгневанного народа, когда не страшишься смерти, когда чувствуешь себя могучим. А статистика — кому она нужна? Только таким кабинетным ученым, как Маркс? Рабочим она ни к чему.

— Мне кажется, ты не прав,— твердо сказал Крупский.— Я очень внимательно читал решения Лондонской конференции и Устав Международного товарищества. Там говорится, что статистика нужна для того, чтобы познать рабочий класс, на который собираешься воздействовать. Даже когда я собирал сведения по Польше, я многое сумел заметить. Например, что новые фабрики, заводы, железные дороги перекачивают людей из деревни в город, собирают их у станков и высасывают из них все силы, обрекают на полуголодное существование и вместе с тем обучают, просвещают...

— Благодарствую за такое популярное объяснение,— холодно прервал товарища Утин.— Я, признаться, тороплюсь. К ночи мне надо быть в Варшаве. Пошли, пожалуйста, за извозчиком...

Некоторое время разговор не клеился.

— Ты увидишь гражданина Маркса? — спросил наконец Константин Игнатьевич.

— Весьма вероятно.

— Как его здоровье?

— Болеет. К сожалению, слишком часто. По-прежнему бедствует.

— Если представится случай, передай ему, пожалуйста, сердечный привет от одного из его почитателей. И не падай духом. Мы у тебя учились и горячей вере и искусству отдавать себя делу борьбы. Хотя я, как видишь, был не из талантливых твоих учеников...

— Ты романтик,— улыбнулся Утин.— Ты по-прежнему мечтатель. А я, увы, слишком трезв. Наверно, трезвость приходит с возрастом.

— И все же ты сам заставил меня верить, что «призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», — сказал Крупский на прощанье.

Он стоял на крыльце и смотрел, как тарантас, переваливаясь на ухабах, разбрызгивая грязь и воду, повернул на лесную дорогу и скрылся за поворотом.

Константин Игнатьевич вздохнул. Осталось чувство неудовлетворенности, чего-то недосказанного, а может быть, чувство утраты.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

У ШКОЛЫ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ снова сменился адрес. На этот раз урок проходит во Всесоюзном пионерском лагере Артек.

Ведут урок участники Всесоюзного слета юнкоров.

Тема урока: кому и как помогать, чтобы принести больше пользы, чтобы все, кто вокруг, почувствовали — рядом хорошие люди, верные помощники и надежные друзья.

Об этом идет разговор и на V Всесоюзном слете пионеров.

Подумай, как станет жить дальше твой отряд, твоя дружина. Выполняете ли вы наказ Надежды Константиновны Крупской: «Надо самим глядеть, где кругом что неладно, обсуждать сообща, чем и как вы в том или другом случае можете помочь улучшить дело. Будьте помощниками общественников взрослых, и тогда вы на этой работе вырастаете настоящими общественниками, умеющими бороться за дело Ленина».

Помните, в пятом номере журнала «Пионер» мы напечатали девять самых интересных эмблем из тех, что прислали нам ребята для ШКОЛЫ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ.

БОЛЬШОЙ ОБЩИЙ СОВЕТ хотел выбрать лучшую, а потом решил: пусть у ШКОЛЫ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ будет несколько эмблем — в одном номере такая, а в другом иная, раз уж все они нравятся и просто невозможно назвать самую хорошую. Так и договорились. Ты согласен?

Посадили пшеницу «кубанскую»...

КОЛЯ МАРТЕМЬЯНОВ, Куйбышевская область, село Кинель-Черкассы.

К нам в колхоз имени Калинина в 1969 году завезли с Кубани пшеницу. «Кубанская» в первый же год дала большой урожай. Наша черноземная почва ей понравилась. Так мне сказал мой папа, он тракторист, а ему сказал это наш агроном. Решили «кубанской» и в следующий год засеять поля.

Собранный урожай засыпали в колхозные амбары, а там были остатки «поволжской» пшеницы, и зерно смешалось. Никто не заметил.

Наступила весна. Посадили пшеницу, она дала хорошие всходы. Росла быстро и зрела. Но тут колхозный агроном увидел: среди «кубанской» растет «поволжская»...

Собрался колхозный совет: как убрать с поля «поволжскую»? А рук летом в колхозе не хватает. Вот колхоз и обратился к нам. Мы

каждый год ему помогаем — пропалываем и убираем свеклу, работаем на току.

Все наши ребята вышли в поле. Сначала колоски «поволжской» срезали ножницами. Потом Наташа Киселева предложила руками рвать колоски — удобнее. Ножницами обрезаешь только один колос, а рукой рвешь, захватываешь сразу несколько колосьев.

Сильно пекло солнце. Мы устали. Но никто не ушел. Работали двенадцать дней и огромное поле в сто гектаров освободили от «поволжской» пшеницы. Правление колхоза благодарило нас за это.

Осенью колхоз собрал хороший урожай «кубанской» пшеницы.

Пасека в школьном саду

ВОЛОДЯ ДЗАНТУЕВ, Кемеровская обл., г. Прокопьевск.

Наша староста сказала: «Давайте заведем пасеку». Мы обрадовались. Пошли к директору школы. Он посоветовал, где лучше ставить

ульи. Мы купили книгу «Пчеловодство», чтобы узнать, что нужно пчелам.

Учитель по труду помог сделать два улья, а пчел мы попросили у одного опытного пчеловода, у него в тайге пасека. Он сказал: «Для хорошего дела не жалко». Подарил нам две молодые пчелиные семьи и все время помогал нам.

Работа спорилась...

Когда собрали первый килограмм меда, все пасекой заинтересовались. Теперь у нас двадцать ульев, и все ребята с удовольствием едят мед.

Помогли убрать капусту...

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВ, Приморский край, г. Арсеньев.

На городской склад привезли капусту, свалили ее в кучу. Учительница сказала: «Если не сложить ее в ящики, она сгниет. Как, ребята, поможем убрать капусту?» «Поможем!» — ответил класс.

Вечером я быстро выучил уроки и лег пораньше спать. А утром надел свои рабочие брюки, куртку и пошел к складу. Я не удивился,

что пришли абсолютно все: отряд у нас дружный.

Капусты на складе было много, но и нас немало. Рядом с капустой возвышалась гора ящиков, в них нужно было сложить капусту. Часть ящиков была поломана. Несколько ребят и я в том числе стали их чинить. Другие тащили ящики к складу, третьи очищали капусту, четвертые складывали в ящики, пятые относили ящики с капустой на склад. В общем, полное разделение труда. Работа спорилась.

Капуста была и белокочанная и цветная. Учительница попутно рассказывала нам о том, сколько есть на свете сортов капусты, как человек вывел все эти сорта. Было интересно.

Сделано в школе

ОЛЯ БЕСЕДОВСКАЯ, Сумская область, г. Ромны.

В нашем городе есть огромный завод. Он выпускает автоматические телефонные станции. Мы спросили на заводе: не можем ли мы чем-нибудь помочь? Нам поручили собирать рамки — детали автоматической телефонной станции.

Работа эта кропотливая. Мы стали соревноваться, кто больше соберет рамок без всякого брака. Это не всегда зависело от нас. Иногда попадались бракованные детали. Обидно: соберешь рамку почти до конца, а в последнем отверстии — плохая резьба, и винт не закручивается.

Мы выделили двух человек — наш ОТК — они просматривали детали перед сборкой. И работа пошла быстрее. Раньше за два часа каждый собирал пять-шесть рамок, а теперь девять-десять.

В каждом классе у нас больше тридцати человек, а в школе тринадцать классов. Сколько рамок можно сделать за день, за неделю, за месяц, за год! По-моему, мы хорошо помогаем заводу.

У нас будет гараж!

САША ЗОЛОТУХИНА, г. Воронеж.

У нас в школе нет настоящей раздевалки, и приходится раздеваться в одном из классов.

Это неудобно: класс маленький, а ребят в школе много. Совет дружины вынес решение: построить раздевалку. Учителя труда предложили еще построить гараж для машины. Каждый отряд обязался работать час в неделю. Было так торжественно на линейке.

Но все оказалось не просто. Мальчики копают землю, а мы ведрами песок носим. Сначала легко было, а потом — на руках мозоли. И вот уже многие хмурые ходят. Смотрим, кое-кто из мальчиков не копает, лопаты побросали.

Ушли домой обедать мы невеселые. Тогда Галя, наш председатель отряда, говорит: «Надо собраться, поговорить».

Ну, собрались мы вместе, поговорили. Вспомнили, как после уроков к раздевалке не подойти — столько ребят собирается! Да и машину многие хотят научиться водить, а без гаража ее держать негде...

Через два дня нам опять работать: ух, как мы за работу взялись!

Мальчики умно придумали. Одна группа копает, а другая землю носит, нам помогает. И устаем меньше и работаем быстрее. Когда пришла классная руководительница, удивилась. Про наш класс всегда говорят: «неорганизованный», многие учителя нами недовольны, а тут столько наработали!

Совет дружины вынес нашему отряду благодарность. И с тех пор ребята приходили раньше других и уходили позже всех. Ребята подружились на работе.

Скоро у нас будет раздевалка. И гараж будет.

В сопки за брусничкой...

ВИТЯ ШЕВЧЕНКО, Магаданская область, поселок Гастелло.

Каждую осень, как только поспеет брусника, все отряды отправляются в сопки с ведрами.

Брусника растет прямо на камнях. Камни серые, брусника красная — красиво! Неохота ее рвать. Но брусника очень вкусная. Во рту уже горчит, и губы посинели, а ты ешь и ешь и все не можешь насытиться. Зимой без брусники плохо. Ударит мороз в пятьдесят

градусов, выпьешь морс из брусники, ощутишь запах лета. Тому, кто не привык, морс кажется горьким, а нам, магаданцам, он очень нравится.

Когда мы собираем бруснику, мы поем, говорим про разные классные дела. А станут полными ведра, мы передохнем, посмотрим с сопки вниз, и кажется нам, что наш поселок маленький, может поместиться на ладони.

Совет дружины записывает, какой отряд сколько ягоды собрал. Потом мы перебираем бруснику и несем ее сдавать в столовую. На дружинной линейке директор школы хвалит тех, кто собрал больше. Все довольны: ребята делают сразу два хороших дела — всю зиму столовая поит нас мор-

скому саду. Собрали металлолом, сдали его и на полученные деньги заказали в столярной мастерской теремки, качели, песочницы. Потом поставили столбы для качелей. Сделали разные игрушки.

Я сделал человечка. Дергаешь его за ниточку, и он словно оживает. Я отдал его девочке. Она скучала по маме и всегда плакала. И она перестала плакать.

Еще мы смастерили для ребят полочки, лопатки. Мы показываем диафильмы, рассказываем сказки и ведем кружок «Умелые руки». Перед праздниками наши ребята украшают детский сад. Девочки разучивают с малышами песни и танцы. Восьмого марта мы помогаем мальчикам делать подарки маме, бабушке и девочкам. Еще

сто, где есть много хороших шишек сосны и ели. Нашли такое место. Мальчишки забрались на деревья и стали сбрасывать с верхушек шишки с семенами.

На следующий день принесли мы эти семена в школу, оказалось,

сом, а на деньги, которые мы получаем за сданную бруснику, школа покупает книги для библиотеки, оборудование для разных кабинетов. И еще посылаем деньги в фонд мира.

Наши дошколята

МИША НЕБЫЛИЦЫН, г. Орел.

Рядом с нашей школой есть детский сад. Смотрим, ребята там какие-то скучные. Мы у них спросили: «Почему вы такие скучные?» Они сказали, что у них мало игрушек. Во дворе нет ни качелей, ни песочниц, только лавочки стоят. Наш отряд решил помочь дет-

научили их делать большого красивого змея.

Растет молодой лесок

МИША СУДАКОВ, г. Ярославль.

Дело было так: однажды мы отправились в лес искать такое ме-

Здравствуй, милая брусника-ника-ника-ника!..

шишек наш отряд собрал меньше всех. Мы не пали духом. Пошли снова в лес. Долго собирали семена. Вернулись в школу, оказалось, у нас семян больше, чем у всех.

Нам поручили отнести все собранные нашей школой семена в лесничество. Там нам сказали, что мы сделали очень важное дело, и пригласили сажать молодой лесок. Мы взялись за это.

Где пройдет следующий урок **ШКОЛЫ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ**, зависит от тебя и твоих друзей. Если есть о чем рассказать и что посоветовать другим, зовите к себе. Ваше приглашение будет принято.

Саша ФЕДОРОВСКИЙ

Родная земля

Ты для одних колючая,
Как лапы елок, снежная,
А для меня ты лучшая,
В тебе нашел подснежник я.

Ты для одних — окраина,
Пример мерзлот и минусов,
А для меня вот
Родина,
Ты слышишь?
И пожизненно!..

Этот «Кораблик» спустили на воду юнкоры в Артеке, у горы Аю-Даг. На его борту участники Всесоюзного сбора юнкоров. «Кораблик» пришвартовался в нашем журнале.

Саша ФЕДОРОВСКИЙ живет в Североморске, учится в восьмом классе. На слете он был президентом юнкорского клуба. За свои стихи Саша получил приз «Пионера».

Я очень люблю свой город. Он еще очень молод. В этом году моему Североморску исполнилось двадцать лет. Со всех сторон его окружают сопки. Вечером, если смотришь на город с сопки, он похож на огромную брошь со множеством сверкающих разноцветных камней. Я люблю северян, моих земляков, они мужественные и сильные люди.

Однажды я ехал в автобусе, передо мной сидели две женщины. Они говорили о том, что им надоел этот проклятый холодный край, что они хотят поскорее уехать с Севера. Рядом с ними стоял пожилой человек, он послушал, посмотрел и сказал: «Вам не нравится Север? Так уезжайте отсюда! А ругать не смейте!» После этого случая мне захотелось написать о Севере стихи. И я написал:

Мне часто случалось слышать,
Как люди ругают Север,
Пускаются в рассуждения:
Мол, земля здесь на фрукты не щедрая...
Да, бывает у нас несладко:
И мороз, и бураны, и вьюги,
И грызут тебя южные вести
О фруктах, тепле и уюте.
Пусть продрогла земля до нитки,
Метели забрали скуку,
Остается всегда со мною
Красота заполярной вьюги.

Нам очень понравилась стенная отрядная газета «Алые паруса». Рассказ Гали КУЗНЕЦОВОЙ «Море» и стихотворение Любы КОНОНЕНКО мы нашли в этой газете.

Гали КУЗНЕЦОВА

Море

Красоту моря увидишь только тогда, когда подойдешь к нему совсем близко. Не думай, что оно такое мирное и всюду одинаково синее, как на открытках...

Перестукиваются под ногами мелкие камешки. Море никак не может успокоить свои волны. А у тех беспокойная профессия: бегай взад-вперед, таскай на спине мешки белой пены, ударяясь о скалы только для того, чтобы раздробить себя на множество соленых пылинок, а потом опять собрать их в одну семью и снова бежать и бежать. Смотришь на море, а в голове слова складываются в строчки:

Волна бежала к берегу,
споткнулась о песок
И уронила на ногу
кудрявый гребешок.

Люба КОНОНЕНКО

Если бы я была волшебницей,
Я бы не знала горя,
Я бы маленькую речку
Превратила в море.

Журнал в журнале печатает

Те, кто давно читает наш журнал, знакомы с **Аделой ФИШМАН**. «Кораблик» печатал ее стихи. В Артеке Адела часто читала свои стихи ребятам.

Дождь-портняжка

Дождь шивает землю с небом
Ниткой серебристой,
Нитью звонкой и веселой,
Ниточкой искристой.
Нелегко ему, бедняжке,
Не везет дождю-портняжке.
Часто колетса иголой,
Стонет, плачет: «Я больной».
А иголлка — солнца луч,
Луч и крепок и колюч.

Авторы этих двух стихотворений стали победителями конкурса поэтов и прозаиков.

Наташа ГРЕЙДИНА

Тузик

Тузик лапы раскидал,
Спит — наелся каши...
Целый день скакал, устал:
И с мячом он поиграл,
И носки он разбросал.
Сгрыз у куклы тапки,
Разбросал тетрадки,
В туфлю положил он гвоздь,
Влез в карман он носом,
Поискал: нет кости?
И тогда от злости
Искусал Барбоса.
Прыгнул на окошко,
Порычал на кошку,
В кресле изорвал газету,
И наказан был за это.

А теперь он крепко спит.
Лежа на кушетке.
За окном снежок летит,
Падая на ветки.

Ирина АЧКАСОВА

Осень

Пролетело быстро лето,
Вот уж осень с хлебом на порог...
Здравствуй, осень!
В желтую листву одета
Ты, как месяц, как цветок.

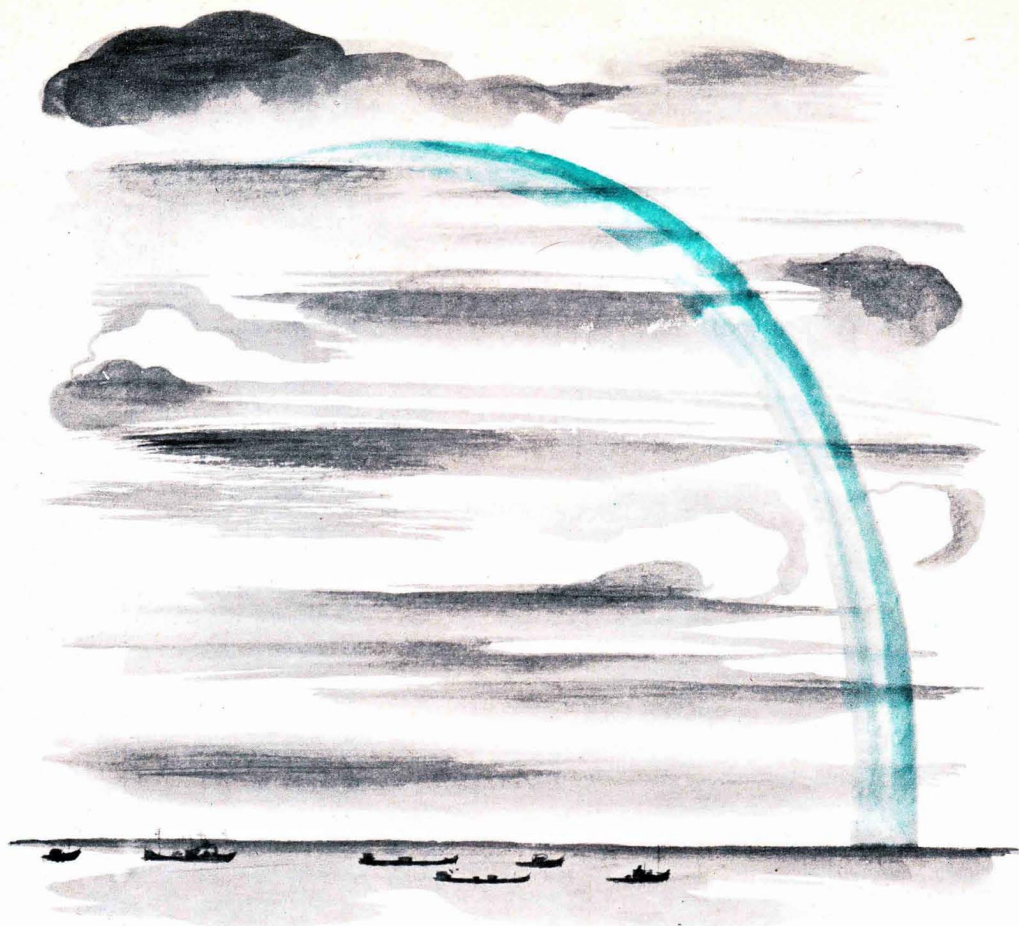
Птицы от нас улетают
И тоскуют о наших лесах...
Закурлычат еще, закурлычат
Журавли в голубых небесах...

Музыка В. БОГАНОВА
Слова А. АНУФРИЕВА

АРТЕКОВСКАЯ КЛЯТВА

Над морем, морем Черным —
Артековский салют.
Поют задорно горны,
И барабаны бьют.
Чтоб клятву дать, ребята,
Мы собрались сюда:
Артековец сегодня,
Артековец сегодня —
Артековец всегда!
Идем мы дружным строем,
Нам с песней по пути.
Артековцы-герои
Шагают впереди.
А клятва их простая,
Сурова и горда:
Артековец сегодня,
Артековец сегодня —
Артековец всегда!
Придет пора прощанья,
Умчат нас поезда,
И станут расстоянья
Большими, как года.
Но клятву не забудем
Мы нашу никогда:
Артековец сегодня,
Артековец сегодня —
Артековец всегда!

Пять тысяч

Сергей ИВАНОВ

Рисунки П. БАГИНА

матросских миль

Окончание

Баренцево море

У штурманского столика над картой склонился капитан. Отмечает пройденный за вахту путь, считает что-то на логарифмической линейке.

Мы идем по Белому морю уже почти двое суток. По моим расчетам, скоро должен быть полуостров Канин. Я спрашиваю об этом кеп-па.

— До Канина еще дойти надо!— отвечает он строго.

— Ну а все же когда?

— Завтра утром...— он делает паузу,— если все хорошо будет.

— А что такое, Альберт Васильевич?

Он пожимает плечами:

— Во-первых, Нептун самоуверенных не

любит, а во-вторых, очень уж погода ласковая — прямо тещины пироги.

— Какие пироги?

— Ну те, что с гвоздями бывают!..

В рубку к нам поднимается Аким. Только что кончился сеанс радиосвязи.

— Ну что?— спрашивает кеп.— Распоряжения по каравану есть?

— Нового ничего.

— Погода?

— Ост один-два балла, волна четыре-пять.— Аким подает листок с прогнозом.

Я не понимаю: ветер же всегда сильнее волны!

— Мертвая зыбь,— объясняет капитан.— Волнение после шторма.

Уже на койке, засыпая, я думаю об этой невиданной еще мною мертвой зыби. В озерах, даже больших, такого не бывает. Там куда ветер дует — есть волна, а утихло — нет и

От края до края огромного горизонта встала полярная радуга.

волны. А на просторе, на морской глубине, после хорошего шторма два-три дня, говорят, гуляет крутая волна...

В восемь утра я вновь заступил на руль. На море мы втроем стоим — Коля, Генка и я. Шесть часов вахта, двенадцать — отдых.

За ночь мы добрались до мертвой зыби, которую обещали Акиму в прогнозе. Вот они, четыре-пять баллов! Тяжелая неторопливая волна раз за разом колотит нас в левый «рог». Кеп долго смотрит на море, качает головой:

— Ну, и штормяга тут вчера был!..

Сзади, справа и слева приплясывают на волнах суда нашего каравана. Легонькие плавмагазинчики гарцуют по самым вершинам волн, но когда вдруг проваливаются в глубокие водяные ямы, им достается изрядно. Самоходки пронзают волны длинными своими носами, словно шпагами. Наши родные братья-толкачи встречают волну широкой своей грудью. Водяные фонтаны падают на бак. А небо над нами небывалое для здешнего края — холодная чистейшая синева.

— Под берег заходим, — говорит капитан.

Я верчусь на все триста шестьдесят градусов, благо иллюминаторы в нашей рубке кругом. Но берега не вижу.

— Да вон же! — показывает кеп. — По правому борту.

Я внимательно смотрю вправо. Нет ничего.

— Видишь?

— Вижу, — говорю я на всякий случай.

Но постепенно светло-сиреневые тона сгущаются, все больше к ним добавляется серебряного, а потом серого и черного. Уже ясно, что это земля. Знаменитый, сотни раз изъезженный школьной указкой полуостров Канин! Еще через некоторое время различаю толстый полосатый, как шагабаум, маяк и десяток домов. В крохотной бухте подпрыгивает на волне катерок.

Теперь мы идем мимо рыже-зеленого берега. К воде он падает высоким обрывом, а дальше полого холмистый, какой-то неторопливый, с темными каменными грядами. Маяк и дома давно уже скрылись из глаз. Я глянул налево, направо по берегу — ни домика, ни деревца, ни кустика! Все пустынно. Необитаемый полуостров!

— Сколько на румбе? — спрашивает капитан.

— На румбе два!

Это значит, мы идем почти точно на север. Норд на компасной шкале ноль градусов.

— На траверзе мыс Канин нос! — объявляет капитан.

Это значит, что мы сравнялись с самой северной точкой полуострова Канина. Теперь наш путь на восток-северо-восток. И начинается новое море — Баренцево.

— Сколько на румбе?

— На румбе два.

— Держать семнадцать!

— Есть держать семнадцать!

Я вижу, как весь караван медленно поворачивает на восток. Одно за другим доходят суда до некоторой точки и — право на борт! На румбе семнадцать. Какое-то время идем вдоль северной оконечности Канина носа. Вы помните: на карте она острее иголки. На самом же деле — мили три-четыре в ширину.

К концу моей вахты вдруг ощутимо поднимается ветерок. Он мчит над крутыми волнами, рвет с них барашковые шапки. Кеп вызывает в рубку боцмана:

— Боря, в трюмах порядок?

— Так точно.

— Проверь еще раз... Все палубные люки задрать!

— Есть, понял!

— Ты видишь, что началось?

— Да... На старые дрожжи нехорошо может выйти, — качает усам дракон.

— В акватории Баренцева ост работает восемь-девять баллов. И укрыться тут негде.

Боцман ушел озабоченный. А мне после вахты думать о шторме вовсе не хочется! Сидим у моториста Витали в каюте, играем в поддавки на компот. Договор такой: кто выиграет три партии подряд, тот выиграл и компот. Но кончить матч нам так и не удается. Фишки вдруг начинают ходить сами собою. И не по одной, а все сразу!

К вечеру шторм усиливается. За ужином я вполне добровольно отдаю Витале компот, и первое, и второе, потому что слишком ясно чувствую, как из живота к горлу, а потом обратно ползает что-то похожее на лягушку. А у Витали наоборот — аппетит волчий.

Да, на каждого качка действует по-своему. В каюту мою входит Генка, бледный, под глазами черные ямы. Он только что с вахты.

— Ну как там, Геныч, дела?

— Как говорится, все в порядке, кроме самого именинника, который помер, — отвечает Генка, и вид у него при этом какой-то слишком серьезный.

— Ты чего?

— Да ничего... Можно, я у тебя спать буду? В моей каюте качает сильно.

Я молча смотрю на него. Не могу взять в толк, что с ним. В каюте все ходуном ходит: качается на плечиках мой пиджак, елозит по столу и тихо рокочет деревянная коробка с шахматами, переваливается с боку на бок лиловое облако сигаретного дыма. Сверху, с полки, летит книга, шлепается на койку рядом с Генкой. Он смотрит на эту книжку с мрачным спокойствием, потом произносит:

— Вот так они и жили: сначала у них ничего не было, а потом их обокрали...

— Ты чего расклеился, старина?

— Сходи на чердак — узнаешь!

— Что случилось-то?

— Волна семь-восемь, понял?!

— Ну и?... Я складываю на пол все, что

может упасть. Получается странная куча из книг, посуды, ботинок...

— Это ж для нас кранты, понял?! Мы ж плоскодонка, обычный речной гроб. У нас расчетный крен тридцать семь градусов, а мы на сорок заскакиваем чуть не через раз!..

Что толку об этом говорить? С самого начала было известно: экспедиция — дело рискованное. И никого сюда силком не тянули. Я стараюсь ответить Генке как можно спокойней, чтобы не было заметно, что я злюсь на него и что у меня самого сердце колотится тревожно, а по пищеводу все ползает та отвратительная лягушка. Я говорю:

— Ладно, парень. Что там толковать! Давай лучше хрю-хрю сделаем часиков несколько. Мне в два на руль.

Я щелкаю выключателем. В темноте слышнее становятся грохот и шипение волн. Стальной теплоход наш вздрагивает, словно живой, словно конь, учуявший волков. Я лежу на койке, которая качается подо мною, как весы. Не знаю, почему-то я довольно спокоен. То ли просто по неопытности, то ли оттого, что, как обычно, верю тем, кто сейчас на вахте. И я засыпаю под эту качку, под шевеление предметов на полу, под грохот волн. Думаю только: «Ох, на руле сейчас Коле достается!..» Сквозь сон слышу, как Генка ругает шторм, метеосводку, еще кого-то и что-то.

Около двух меня будит Коля. Сразу видно, что ему не до шуток, не до разговоров, а только скорее бы носом в подушку ткнуться. Одеваюсь кое-как, ополаскиваю лицо холодной водой, иду по бугристым от качки коридорам и трапам в рубку.

— Добрая ночь! Разрешите заступить на вахту?

— Давай, пресса, заступай! — говорит капитан.

Судя по тому, какое здесь густое облако от крепкого трубочного табака, понимаю: капитан в рубке давно.

— Иди в кильватер вон за той чешечкой, — Коля передает мне руль. — Как волна большая, сразу лево на борт... Счастливой вахты!

— Смотри! — говорит капитан. — Только не лагом к волне, а то испуаемся,

Я и сам понимаю это. Если волна начнет бить нам в борт, будет худо. Плоскодонке бортовой качки на такой волне не выдержат!

Со стороны может показаться, что я балуюсь рулем: гоняю рычаги то до отказа влево, то до отказа вправо. Зачем? Вот слева идет волна. Я тут же кладу руль лево на борт, быстро разворачиваю судно носом к волне. Как только водяная машина промчалась, спешу развернуть судно на нужный курс, для этого посылаю рули до отказа вправо. А там снова несется водяная кувалда. Опять лево на борт...

В рубке, на самом корабельном чердаке, качает, наверно, крепче всего. Здесь многие

не очень уж легкие предметы будто обрели крылья и все предметы обрели ноги. Пепельницы порхают в воздухе, как бабочки.

— Вот черт! — кричит старпом, уворачиваясь от стула, который бежит прямо на него, как козел.

Проходит час, второй, третий. Палуба подо мною все так же качается. Начинаю уставать, начинаю промахиваться. Вот волна со всей силы ударяет в борт. Палуба встает чуть ли не на дыбы. Я каким-то чудом удерживаюсь на ногах, но выправить судно не успеваю. Еще удар.

— Лево на борт! — кричит кеп. — Ты что, уснул?!..

Пожалуй, тут уснешь! Я до отказа кладу рули влево. Следующий удар мы уже получаем в нос, в форштевень. Брызги величиной с ведро, с бочку взлетают на двадцатиметровую высоту, заливают лобовое стекло рубки. Несколько секунд я ничего не вижу. Полагаясь только на интуицию, кладу руль вправо, а потом влево.

— Ты смотри, — говорит старпом, — пресса становится моряком! Как на волну попал! Да еще вслепую.

— Не хвали его, Слава, — улыбается кеп, — еще утопит на радостях...

Уж не помню, как достоял эту вахту. Без четверти восемь старпом приказал:

— Буди подвахтенного.

Но Генка не спит. Встречает меня измученными, бессонными глазами. Я стараюсь ничего не замечать, забыть вчерашнее — со всяким бывает. Бодро говорю:

— Здорово, чудак! Вира кости — на вахту пора.

— Не пойду, — вдруг говорит Генка. — Болен я.

— Чегой-то с тобой?

— Ухо стреляет невозможно, — будто вспомнив, он берет за левое ухо. — На чердаке скажи: я болен, не пойду.

— Кончай, Геныч!

— Сказал — точка! — Генка отворачивается к стене.

С тяжелым сердцем иду на мостик:

— Рыбаков болен.

— Что с ним?

— Ухо, говорит, стреляет.

— Ну, буди Лугового. — Капитан пожимает плечами.

Бужу Колю. Вставать ему, видно, худо-худо. Узнав про Генку, бросает:

— Вот скотина! — и потом: — Может, правда, заболел?

А Генка по-прежнему лежит, уткнув нос в переборку. Я рывком поднимаю его.

— Ну чего тебе?! — рычит он.

В случае бокса мне, конечно, придется плохо. Он положит меня, как говорится, одной левой, не снимая пиджака. Я говорю:

— Спокойно, ты же у нас болен. Рукой-ногой шевельнуть не можешь, понял?

— Слушай, — Генка смотрит на меня зло,

отчаянно, тоскливо.— Чего пристаешь? Ты тут салажонок. А я в Средиземном тонул, и в Черном, и здесь, в Баренцевом, прошлый год в такую штивалку попали... Мне везло! Ты понимаешь это слово — «везло»? Но и везению конец приходит. Думаешь, его в жизни бесконечно отпущено, везения?.. Использовал свое — и Митькой звали!..

Судно вдруг особенно глубоко ухнулось на бок. Наверное, Коля сорвался там с волны. Я лечу прямо на Генку. Он одним движением мощной руки отбрасывает меня на место:

— Видал, салажонок?..

— Слушай, морской волк!..

— Ну, назови, назови трусом. Я тебе с левой так навешу! — Он бухает кулаком по столу.— Можешь ты понять, что у человека нервы поломались?! Не могу я там быть, в этой чертовой рубке! И все, ша, кончено. Я тебе ни звука не произносил, свидетелей нет. Я болен, прострел уха!..

Генка вдруг быстро встал и вышел из моей каюты, а я лег спать, потому что устал и потому что через шесть часов надо менять Колю. Рулевых теперь осталось двое.

Шторм бушевал в Баренцевом больше недели. Но мы через трое суток убежали от него. Спрятались в чудесной, тишайшей бухте острова Вайгач.

Никогда не забуду того утра, когда караван наш, усталый, потрепанный, вошел в эту бухту. Она называется Варнек. Ветер уже остался в открытом океане, за островом. А здесь нас качала только не очень сильная мертвая зыбь. В общем, это были уже детские игрушки.

Мы одними из первых входим в бухту. А за нами уже валом, общей толпой, идут суда каравана. Огромное это стадо расходится по всей ширине просторной бухты. Причем каждое судно старается прибиться к своим: толкачи отдельно, самоходки отдельно, танкеры отдельно. Потом начинается обычная стояночная возня. Гремят якорные канаты, матросы под началом боцманов заводят швартовые концы, на мачты поднимаются черные шары — знак того, что судно на якоре и так далее.

После вахты, после завтрака я сидел у иллюминатора в своей каюте, разглядывал Вайгач. Вдруг дверь открылась, и я услышал Генкин голос — радостный и растерянный одновременно:

— Слышь, Серый! Я списываюсь! Отсюда до Амдермы доберусь, а там прямым ходом на Одессу-маму! — Я продолжал смотреть в иллюминатор.— Вот п-попроцаться — зашел. Покеда, Серый. Будешь в наших краях...— Я упорно смотрел в иллюминатор, чтоб не видеть его протянутой руки. Прошло очень много времени.— Ну, тогда бывай, Серега!..— И дверь хлопнула.

Через несколько минут зашел Коля:

— Ну что, пообщались с корешком?

— Односторонняя связь.

— Ну и правильно! — Коля махнул рукой.

Генка уехал на берег сразу же, на случайно подвернувшемся рыбацком боте. Я видел, как он ловко выпрыгнул на большой серый валун, повернулся лицом к нашему толкачу и стал махать. Это видели многие из нас. Почти вся команда была на палубе. И всем было неловко, словно и мы в чем-то виноваты. Мы стояли у борта и молча смотрели на Генку.

Вдруг около себя я увидел Виталую. В руках у него был боцманский мегафон.

— Кому ты там машешь, махало? — внятно спросил он на всю бухту.— Двигай своей дорогой!

Жители Тикси

В Тикси мы прибыли около четырех утра. Было холодно, пасмурно. С трех часов началась аврал. Мы тащили за собой морскую баржу. Теперь, у входа в бухту, надо было выбрать буксирный трос, завести дополнительные концы, чтобы во всех узостях и опасных местах баржа шла точно за нами. Началась возня с зажимами, которые весили едва ли не полпуда, и гаечными ключами, похожими больше на ломы.

По первому впечатлению поселок Тикси будто бы прижат сопками к самой воде. Но, приглядевшись, замечаешь, что домики разбежались и вправо и влево, пробрались в отлогие ущелья меж сопок. А на первом плане, конечно, порт, краны, которые рядом с сопками кажутся хрупкими и маленькими, словно сделанными из лучин. Работают они будто быстрее, чем во всех других портах. А может, так оно и есть? Тикси — важнейший перевалочный пункт Севера. Через него идет снабжение едва ли не всей Якутии. Стройматериалы, оборудование, горючее, одежда, продукты — целые горы добра. И все это необходимо: железных дорог нет, а самолетами при здешней погоде не навозишься. Значит, морем, и потом вверх-вверх по Лене! Полярная навигация коротка, зима длинна. Нужно спешить. Поэтому, может быть, такой занятой вид чуть не у каждого тиксинца!

Я иду по бетонному тротуару вдоль бетонного шоссе, по которому режут избрызганные оттаявшей мерзлотой «МАЗы». Навстречу мне быстро шагают люди, большинство в рабочих спецовках. По обеим сторонам шоссе двухэтажные, трехэтажные типовые дома. Я не сказал бы, что они особенно красивы. Но вот то, что надежны, — это точно!

Весь поселок, от берега до последних домов, за которыми начинается серо-зеленое пространство каменной тундры, можно пройти минут за двадцать пять. Потом шоссе уже в одиночку продолжает свой путь, петляет и теряется в сопках. Собственно, это шоссе и составляет единственную улицу Тик-

си... Впрочем, нет. Десять — двенадцать домов — и табличка с новым названием. Значит, и новая улица. Видно, здешние жители решили, что так им будет веселее, уютней. Тиксинцы любят свой поселок. Без любви на Севере жить трудно!

Во всем Тикси в тот день было, наверное, всего два более или менее свободных человека. И так вышло, что я с ними встретился.

Первым был демобилизованный солдат богатырского роста, легко тащивший на громадной ладони громадный арбуз. А я стоял у последнего тиксинского дома и смотрел на сопки и унылую тундру. Вдруг этот солдат! Он перекинул свой неимоверно раздутый арбуз с правой ладони на левую, улыбнулся и спросил:

— Что, браток, любишься?

Я неопределенно пожал плечами и, в свою очередь, спросил:

— А ты где такую арбузину добыл?

— Да уж, наверное, в магазине! — Он усмехнулся. — Думаешь, дикие северные люди арбузов не видали?

Нет, я такого не думал. Но и встретить арбуз на берегу Ледовитого океана было для меня, признаюсь, удивительно.

Солдат был, как видно, добрым парнем. Он спросил:

— Арбуз будешь?

Я арбузов с прошлого года не ел. Когда из Архангельска уходили, их еще не было, а потом полтора месяца шатались по морям, по океанам... Я решительно сказал:

— Давай!

И тогда он, ни слова больше не говоря, вынул из кармана здоровенный складной нож и одним махом развалил арбуз надвое.

— Ешь!

Арбуз оказался отменный!

— Я в них толк понимаю, будь-будь, — спокойно хвастал солдат. — Я сам с Украины...

Потом мы долгое время молчали, и кругом слышался только добротный хруст, потом он сказал:

— Думаешь, Север, да? Думаешь, дурак я, что здесь живу? А вот и выходит, что сам ты Севера не знаешь!

Я не стал ни в чем его разуверять. Понял, что просто человеку надо высказаться.

— На юге, конечно, жить лучше, — продолжал он. — Теплее и прочее. Это всякий знает. А зато у нас веселей! И люди нужны как воздух. Оставайся! — неожиданно предложил он. — Работы хорошей навалом. Санно-тракторный поезд, скажи, не работа?.. Зимой — по Лене! Навигационные знаки проверять — от одного северного сияния обалдеешь! Или на «СП» двигай... если, конечно, возьмут. — Он усмехнулся гордо.

— А что это, «СП»?

— Ну, полярная станция: «Северный полюс» такой-то, «Северный полюс» такой-то. А хочешь — в городе есть работа. И в порту. Но лучше, конечно, побродить. А чего? Пока молодой!

— А сам ты где?

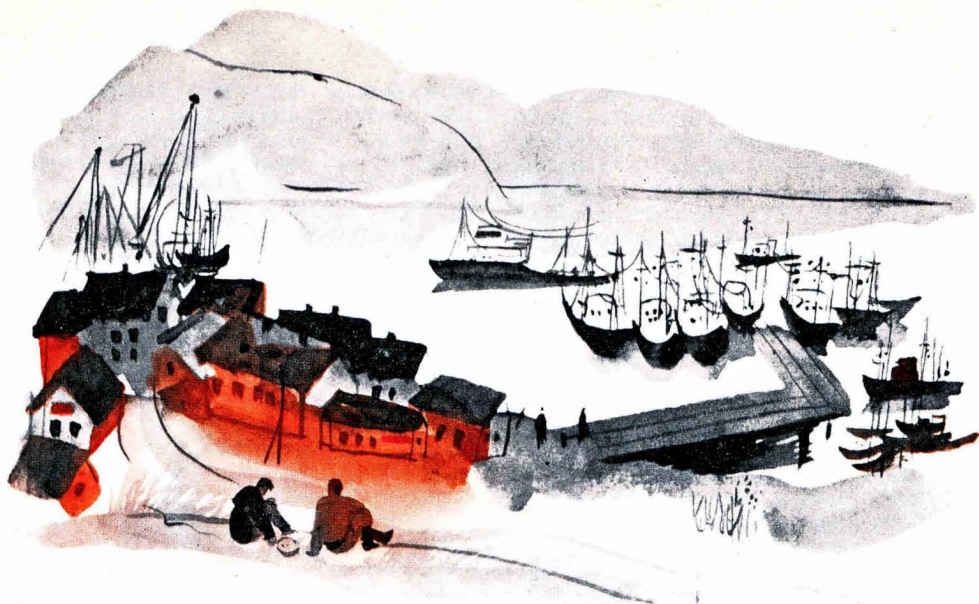
— На «СП». Радистом взял.

Тут что-то щелкнуло раз, другой. Мы обернулись. Прямо к нам шел человек с фотоаппаратом:

— Неужели доплыли?

— Доплыли, братишка! Тикси!

— Можно, ребята, узнать, кто вы будете?

— А вы кто будете? — не очень дружелюбно спросил солдат.

— Я? — живо ответил подошедший. — Журналист, сотрудник местной газеты Баковский Леонид, «Маяк Арктики» читаете?

— Читаем! — обрадовался солдат. — Очень приятно с вами познакомиться! — Он вскочил на ноги, и Баковский Леонид сразу превратился в карлика. Я подумал, что и сам, наверное, выгляжу таким же карликом рядом с этим необыкновенным солдатом.

— Понимаешь, старик, ты не серчай, — говорил через минуту Баковский, размахивая куском арбуза, — вы прямо сами в кадр пропались: арбуз, солдат, моряк и тиксинская сопочка вдали!

Еще через минуту выяснилось, что я прибыл в Тикси исключительно для того, чтобы решить свою судьбу: остаться здесь или нет. Это все дело так солдат представил. Баковский закричал на меня:

— Неужели думать будешь? Это ж лучшее по Якутии место! Рыба знаешь какая? Омюль, нельма, осетры! Фрукты круглый год, во — видал?! — Он торжествующе потряс полуобгрызненным арбузным ломтем. — Тут один чудак какой-то, ваш же морячок, привез, понимаешь, ящик чеснока. Хотел выменять у нас, диких людей, шкуры там, меха. Так его даже не оштрафовали за спекуляцию. Просто дали по шее, потому что все-таки обидно, и прогнали в ближайšie «Овощи — фрукты», чтоб сам убедился, на что его чеснок тут нужен.

Я понял, что «рассекречиваться» мне уже поздно. Делать нечего, решил до конца играть роль, которую невольно придумал для меня солдат. И вот я спросил с недоверием:

— Ну, снабжение ладно, приличное. А погода как?!

Баковский грустно посмотрел на меня, покачал головой:

— Начитался!

— Факт начитался! — кивнул солдат.

— Чего начитался? — не понял я.

— Периодической прессы, — сказал строго солдат.

— По газетам у нас круглый год пурга! — кричал Баковский. — Заезжому журналисту что подавай? Героическую экзотику. Вот и получается: пурга да пурга, пурга да пурга. Ну а где она, пурга?! Вот сидим, арбуз рубаем!

Слово «пурга» он произносил не так, как обычно, а по-местному: «пурга».

— Ты бы посмотрел, что у нас за погода в апреле, в мае, в марте! Дни наливаются большие. В сопках солнце такое, что без очков не выйдешь.

— Короче, заполярная Швейцария, — вставил солдат. — Морозы небольшие. Градусов сорок. Ну, может, пятьдесят. А воздух сухой, как порох. Ты этот мороз не почувствуешь...

Так они еще некоторое время объясняли, пока сами уже совершенно не уверились, что Крым и Кавказ просто жалкое подобие Тикси. Но когда сладкого слишком много, оно становится горьким. Как видно, это поняли и мои новые знакомые. Солдат вдруг ткнул ножом в не тронутую еще половинку огромного арбуза и сказал:

— Ладно, Ленька. Парень в курсе про все достоинства. Валяй теперь недостатки... Пурги бывают?

— Чего? — опешил Баковский.

— Пурги у нас с тобой бывают или нет?

— Ну, бывают... И восемь баллов бывают и двенадцать...

Я быстро прикинул: двенадцать баллов — это скорость ветра около тридцати метров в секунду. Сто восемь километров в час!

— Двенадцать баллов — это не ветер, — сказал солдат. — Вот семьдесят пять метров в секунду — это ветер. Тогда уже и солдату говорят: «Выходить нельзя!»

Для зимы в Заполярье «построена» специальная одежда — пурговики: шуба не шуба, а

так вроде утепленного танка. Внутри натуральный мех, потом какая-нибудь плотная ткань, а сверху еще кирзовое покрытие. Кирза, знаете, что такое? Из нее сапоги делают... Но и в этом наряде с пургою шутки шутить не надо.

— Ты не поверишь,— говорил солдат.— Мне надо было из дому в дом. Ну всего шагов пятьдесят топтать. Я их сутки шел!

— Это как же?

— А так, что вышел — сразу темнота. Буквально ничего не видеть. Да и глаза не раскроешь. Снизу задувает, чувствую: сейчас полечу. Но я ж направление знаю! Пятьдесят шагов — чепуха! Хоть под водой пройдешь. Ну, прошел. А дома нет. Где он? Шут его знает! Вообще ничего нет. Как будто весь поселок ветром сдуло. Кругом, я же знаю, дома должны быть. Там батареи топят, чай горячий, свет горит. Короче, час я так гулял. Уже, конечно, самочувствие на нуле. Вдруг врезался во что-то твердое. Стоп, себе думаю, хоть это не терять. Ощупал, ощупал — вроде дверца автомобильная. Я стучать. Сам открыть не могу, решил — заперта. Там, слышу, тоже кто-то старается. Наконец вдвоем кое-как... Оказывается, ее ветер держал...

— А что за машина? — спросил Баковский.

— Да один чужак в камни въехал по запарке, передний мост зашиб. Ну, и стал, стоит. Что ему в пурге делать?

— А ты?

— И я с ним! Сутки сидели. Так мотор и не глушили, грелись...

— Сколько баллов там было? — спросил я.

— Там уж баллы кончились,— усмехнулся солдат.— Метров пятьдесят было в секунду.

— Это тебе просто не повезло, друг,— сказал Баковский.— Я почти в такой же ветер работал... Нет, поменьше, конечно.

— А что работал-то?

— Снимал. Видел, как из магазина паровозиком ходят?

Солдат кивнул.

— Я-то не видел,— сказал я,— расскажи!

— Ну, в пургу кому в какое место надо, собираются по несколько человек... вот из магазина, например. Выходят — впереди мужик поздоровее. У него в руке кусок веревки. И за ним уже остальные жмутся. Одной рукой за веревку, другой за сумку... Я, понимаешь, репортаж хотел сделать. Рядом в арке стоял.

— И что же?

— Не вышли снимки. Только пальцы зря поморозил.

— Сильно холодно было?

— Мороз-то в пургу небольшой. Да ветер! Ветром, как пилой, отхватывает.

— Короче, понял обстановку? — спросил солдат.— Климат всякий бывает. Лето в основном кислое: тает, туман, слякоть, сам видишь... На мерзлоте же стоим. Ну а зима уж... В общем-целом, если ты Север как таковой не понял, тебя сюда не заманишь... — тут он словно спохватился.— А так поселок-то у нас

мировой, семь тыщ народу. Телевизор вот нам каждую газету обещают! — Он кивнул на Баковского.

Журналист начал быстро оправдываться: — Вообще-то в Якутии оно есть, телевидение. Через спутник можно посмотреть. У нас самих уже вышка заложена.

— А так — в принципе у нас все есть,— сказал солдат.

— А чего нет, то будет,— заключил Баковский.

Домой, на толкач, я возвращался той же дорогой. Те же двадцать пять минут ходу по бетонному тротуару вдоль бетонного шоссе. Навстречу мне опять попадались озабоченные люди в спецовках.

«Если ты Север не понял, тебя сюда не заманишь».

«У нас все есть. А чего нет, то будет!»

Наш дом

Мы перегонщики. Работа у нас хорошая. Мы идем на новеньких судах, идем через всю страну, по всем знаменитым рекам, по всем знаменитым озерам, морям. Кто еще из нашей флотской братии может похвалиться, что за одну навигацию он поработал и на Дунае и на Лене, хлебнул черноморской водички, и азовской, и горько-соленой из Ледовитого океана? Да никто таким похвалиться не может. Одни мы, перегонщики.

Но в конце рейса, на Лене, начинается наша печаль... Обычно капитану судно дают на долго, на десятилетия, а то и на всю жизнь. За капитаном, за родным судном держится и команда. Ну, может, один-два человека спишет, один-два придет новых. А так все свои. Но главное, судно свое — обжитое, знакомое до последнего закоулка, до маленькой вмятины на борту. Иной раз моряку оно родней дома. Потому что много ль моряк дома-то гостит? Ну, может, месяц в году, а часто и того не выходит! Все на судне да на судне. Или около него, в порту.

Перегонщики бывают в плаваниях ничуть не меньше остальных моряков. А вот настоящего морского дома у них нет! Судно, на котором мы идем сейчас, нам только временно дали, на полгода. Задача: довести в целостности до настоящих хозяев — ленских речников. А мы уже идем по Лене. Две недели ходу — и Якут к. Там приемка, и... прощай, наш толкач!..

— Хорош у нас пароход! — говорит боцман.— По океану не подвел и здесь тянет.

— Хороший, да не наш! — говорю я.

— Ну, хватит! Кончен перекур! — Боцман мрачнеет.

Мы снова беремся за кисти и кандейки с краской. Из Архангельска мы ушли свежескрашенные, молодые. Но до Тикси океан раз-

бил, разъел краску. Судно во многих местах почернело от налета ржавчины. Теперь мы всей палубой драим его железными щетками, шкрябками, покрываем суриком, а потом красим. Это, можно сказать, работа не наша, а будущей новой команды. Да кто тут считаться станет. Мы ж все-таки моряки!..

К концу четвертого дня готово. А утром пятого что-то лопается в тучах, которые все эти дни грозно неслись над нами. Начинается буря. Хлопья снега исчезают в почерневшей вдруг воде. А желтые осенние берега, и теплоход, и караван барж за ним белеют, белеют. Палуба словно нетронутая зимняя поляна. Шагаю по щиколотку в снегу.

Но нет. Не кончилось еще якутское солнце. Это так просто, зазимочек. На другое утро снег на палубе растаял, над головою посинело. И даже тепло: мы щеголяем в расстегнутых фуфайках. Как раз в это утро на судне появляются ленский капитан и его помощник.

— Добро пожаловать! — Наш кеп через силу улыбается. Формально он еще здесь старший, но по существу — ленские. Они настоящие хозяева судна.

Новый капитан немолод, приземист, грузен. А помощник его, видать, только-только вскочил из училища.

— Еще на дипломе чернила не просохли! — ворчит боцман. — Тоже мне, старпом!..

Наш кеп и ленские штурманы обходят судно. Новый капитан кажется спокойным, а его помощник никак не может скрыть волнения. Еще бы: им достался первоклассный теплоход! Красавец толкач новейшей конструк-

ции, построенный в Венгрии, конечно, будет на виду у всей реки.

— Ходовые качества отличные, — говорит кеп, — руля слушается с полуслова... Да сами проверите.

— Проверим, проверим, — кивает новый. Интонация у него хозяйская.

Команда к пришельцам относится ревниво. Мы все привыкли к изысканно-морской манере и выправке нашего капитана. Эти попроще. Вот мы готовимся к ночной стоянке. На мостике новый капитан, я стою на баке у якорной лебедки, и здесь же наш боцман Боря.

— Эй, бросайте якорь! — кричит с мостика новый.

— Отдать носовой! — говорит мне Боря.

— Есть отдать носовой! — Я нарочно дублирую команду дракона.

— Цепь якорную пока не закрепляйте! — Команда нового.

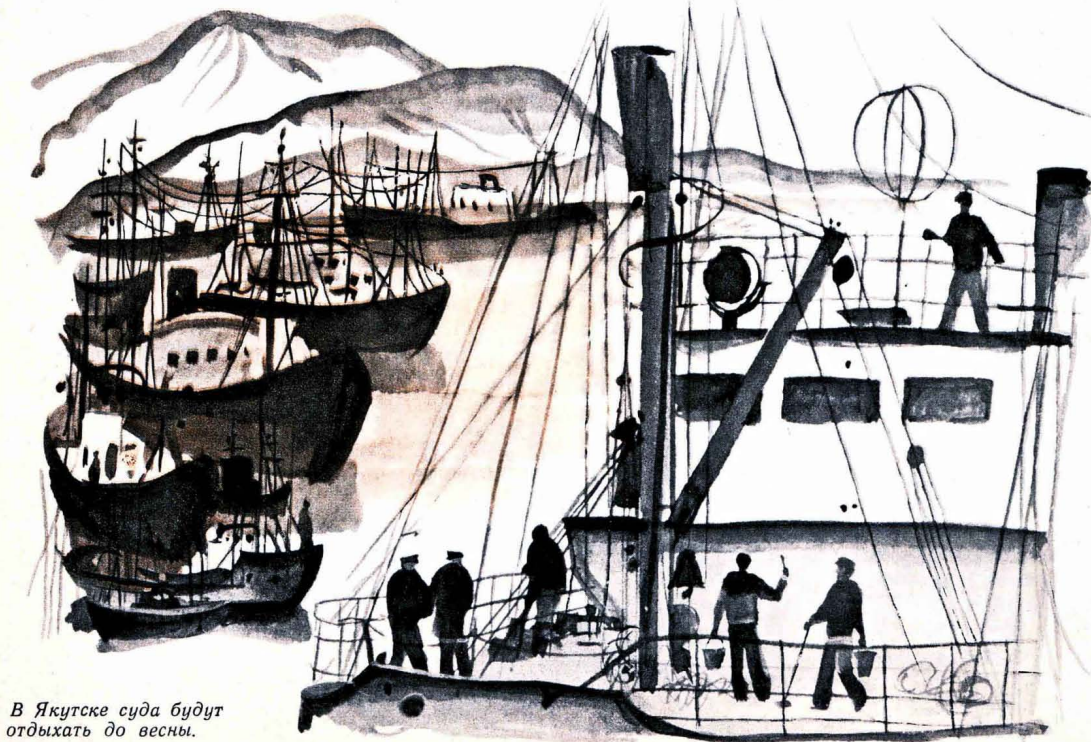
Боцман опять на свой лад:

— Держать канат слабо!

Для непосвященного это все одно и то же. Странно даже, что якорную цепь называют «канатом». Но таков уж язык хорошей морской практики! На этот щеголеватый флотский язык и «переводит» наш дракон команды ленского речника. Новый капитан, наконец, понял свою промашку, нахмурился:

— Разговорчики на баке!..

Боцман мне подмигивает. Я киваю, мол, будьте спокойны, не выдадим. И как только возня с якорем закончена, я бодро кричу на мостик:

В Якутске суда будут отдыхать до весны.

— Разрешите отойти от места?
— Что?
— Я спрашиваю, можно ли мне быть свободным.

Новый уже чернее тучи:

— Ступайте!

Мы с драконом радуемся, как последние салажата. И вдруг голос нашего капитана:

— Что, орлы! Веселитесь?! Отставить vessel! Капитанов вздумали учить?! К нам на судно пришли гости...

— Хозяева, — говорит боцман.

— Отставить! — гремит кеп. — Ну вот что. Сколько у нас гальюнов?

— Два.

— А душевых?

Мы молчим.

— Отвечать!

— Две.

— Значит, каждого предмета по штуке на брата. Продраить их немедленно! А потом можете отойти от места. Утром лично проверю.

Мы стоим понурившись. Кому охота заниматься такой работой на ночь глядя! Кеп отлично понимает это, но не смягчается.

— Не подумайте, — говорит он, — что наказываю. Только учу джентльменству!

Якутск приближается. Осталось два-три дня ходу. Лена уже не так многоводна, стремительно мчится на нас, стиснутая клещами скал. Скалы причудливые, изрубленные морозом и ветром. Их вершины словно развалины крепостных башен, а в узких распадах ярко-желтые, прихваченные холодом лиственницы и белизна снега. И синева и солнце.

Ночью небо полно мелких серебряных звезд. Стоим под берегом. У меня ночная вахта восемь-два. Слежу за судном, слежу, чтобы длинный хвост сигнальных огней за нами не унесло, не увело слишком далеко в сторону. Из рубки хорошо видно и реку и небо. Часа в три рассветет, но это уж после меня.

По трапу кто-то тихо поднимается. Обращаюсь — Володя, новый старпом. Становится рядом со мной, смотрит на огни барж, на небо:

— Все норма?

— Норма.

— Спать не хочешь?

— Вахтенный всегда спать хочет!

— Обижаетесь, что проверяю?

— Не имею на это права.

— Ты пойми: первое мое судно!..

— Не беспокойся: я этому судну десять раз жизнью обязан, уж как-нибудь не выдам. Он хлопает меня по плечу:

— Брось ты... Тебя вроде Серегой зовут? Брось ты, Сереня! Вы законные ребята. Какого камня к нам вяжетесь?..

Я чувствую, что он прав. Да не хочется ему в этом признаваться!

Несколько минут стоим молча. Вдруг он говорит:

— Северное сияние!

— Где?!

Володя показывает рукой то место на небе, куда надо смотреть. Довольно низко над горизонтом вяло ползают два светлых пятна, словно кто-то с той стороны звездного шатра водит фонариком. Потом пятна сходятся в одно, потом снова разделяются. На мгновение они вспыхивают чуть ярче, затем исчезают...

— Ну и сиянье! — небрежно усмехаюсь я. Будто Володя в том виноват.

— Ладно! — обидчиво говорит он. — Что с тобой толковать!

И уходит. На душе у меня паршиво: в самом деле, глупо я себя веду! Уже у трапа ленский старпом оборачивается:

— Если ветер поднимется, немедленно доложишь!

Я прикидываю, отвечать ему или не отвечать. Но матросский рефлекс срывает сам собою:

— Есть!

Приходим в Якутск. Здесь уже стоит несколько наших перегонных судов: две чешские самоходки, плавучий кран, паром с неуклюжей надстройкой в виде буквы «п». «Порт приписки Якутск» — выводит черноволосый парнишка на борту остроносой «чешки». То же будет написано и на борту нашего толкача.

Приемка... Мы готовимся к этому дню подробно и добросовестно. Приемка — печальный наш праздник. Последний раз драим свой дом, мотористы задают масляную баню машинам. Мы не торопимся, не ходим на берег проветриться. Чужие никто нас не беспокоят, ленские штурманы сошли на берег. Да им пока и делать тут нечего. И нам проще.

Мы не произносим печально-проникновенных слов. Моряки этого не любят, да просто и не умеют. Свои чувства они со всею полнотой выражают при помощи ветоши, швабры, шкрябки и всяких других моющих и чистящих приспособлений.

Боцман, хозяин всех вещей на судне, ходит из помещения в помещение с инвентарной книгой наперевес. Ставит уже третий ряд галочек в своем бесконечном списке. Зачем? Прощается. Знаменитые усы его печально висят книзу.

Вот и все. Запомнил самый последний якутский разговор. Мы уже сидели в самолете, пристегнув ремни, и тут боцман сказал:

— Будем над Леной сейчас пролетать. Над портом.

Все, кто сидел поближе, прилипли к круглым самолетным окошкам. Вот мелькнула взлетная полоса, здание аэровокзала, закачались внизу ровные проспекты Якутска, проплыла лента реки. Вдруг Коля крикнул:

— Вон он!

— Где?!

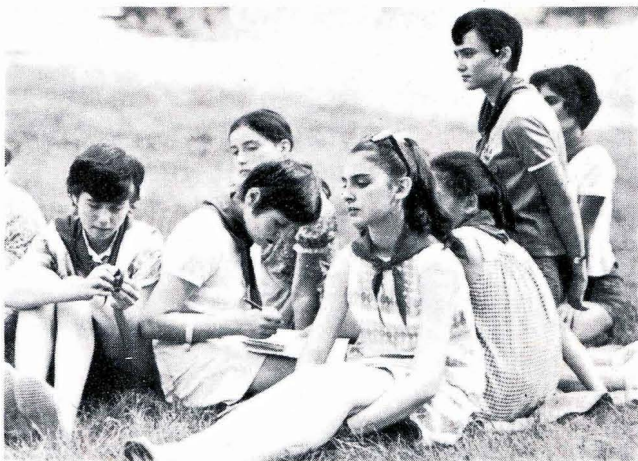
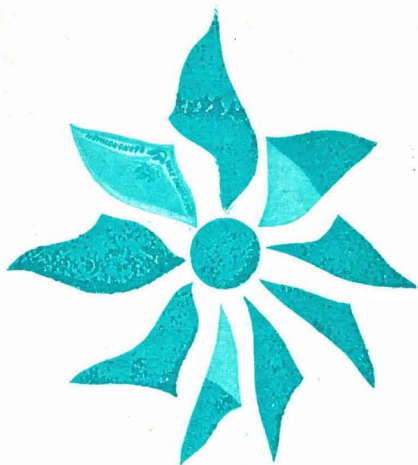
Тут самолет нырнул в облако.

— Я его видел!

— Чего ты там видеть мог!

— Нет, честно, видел!

— Ну, значит, повезло...

*К борьбе
за солидарность, мир
и дружескую любовь будьте готовы!*

*Всегда
готовы!
Zawsze
gotowy!
Immer
bereit!
Binaari
gotovu!
Alltid
beredt!
Aina
valmiit!
Хэзээд
бэлхэн!*

Международный
пионерский клуб
«Товарищ»

Н. ЕЛИСТРАТОВА

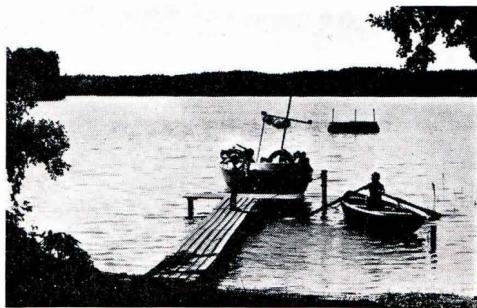
На берегу Вербелинзее

Озеро было большое и тихое. И имя у него певучее — Вербелинзее. Мальчишка зачерпнул ладонью прохладную, прозрачную воду и попробовал: вкусная и совсем не соленая, не такая, как в море.

Джимми поднял голову — деревья словно в мохнатых зеленых шапках, стволы у них светло-коричневые, и от стволов пахнет смолой и солнцем.

Там, за деревьями, поляна, вся белая от цветов. Эти цветы с белыми венчиками вокруг желтых глазков — ромашки мальчик видел в первый раз.

Озеро было большое и тихое. И имя у него певучее — Вербелинзее.

Мальчика звали Джимми. Сюда, на берег озера, в Международный пионерский лагерь имени Вильгельма Пика, он прилетел из Гаваны. Когда они въезжали на автобусах в лагерь, их встречали ребята в синих пионерских галстуках — немецкие пионеры. Он заметил среди ребят невысокую, загорелую девочку. Ее короткие, совсем светлые волосы светились на солнце. Джимми улыбнулся девочке и помахал ей рукой.

Потом Джимми узнал, что девочку зовут Ханна и что приехала она из Дрездена. Ханна веселая, минуты не может посидеть спокойно. Вот и сейчас подбежала к нему, и не успел он рта раскрыть, достала расческу, пригладила ему волосы и потащила показывать лагерь.

Сколько ребят в лагере! Все говорят на разных языках, и Джимми никак не может разобраться, кто откуда приехал. А Ханна всех знает.

— Мейбл, Мейбл, иди сюда! — позвала Ханна худенькую, застенчивую девочку. — Знакомься, Джимми. Мейбл приехала из Англии. А это Марианна и Игорь — из Советского Союза. Тадеуш — из Польши, Бартадене — из Монголии, а эта девочка — из Вьетнама...

С одними Ханна говорила по-русски, с другими — по-немецки, по-испански и по-английски...

Музыканты расселись на поляне. Джимми взобрался на стул и взял дирижерскую палочку.

Вечером Ханна огорченно сказала Джимми:

— Жаль, что я так и не успела тебя со всеми познакомиться...

...Тонкий солнечный луч пробурывал занавеску и заплескал по лицу: поднимайся! Поднимайся! Джимми подошел к окну и улыбнулся. Маленький рыжий зверек с большим пушистым хвостом сидел на ветке и внимательно смотрел на него черными, блестящими глазами.

— Ты кто? — спросил Джимми. Но тут зашел горн: «Вставай! Вставай!» — и зверек, испугавшись, исчез. Так началось первое утро.

После завтрака ребята собрались на поляне у озера, и вожатый стал рассказывать им о лагере.

Он сказал, что первые пионеры приехали на берег Вербелинзее двадцать лет назад. Открывал лагерь президент ГДР Вильгельм Пик. Было это 16 июля 1952 года. Он тогда сказал ребятам: «Это ваша республика, она полностью принадлежит вам, пионерам». С тех пор каждый год сюда приезжают отдыхать ребята из разных стран, собирается их больше тысячи.

Джимми узнал, что предложили построить пионерскую республику комсомольцы из Союза свободной немецкой молодежи. И построили они ее очень быстро, за год.

Потом вожатый сказал, что через несколько дней торжественное открытие их смены. Будут спортивные соревнования, концерт. Каждый, кто захочет, может выступить в концерте.

Все заговорили наперебой, кто что умеет делать. Ханна и Мейбл

споят песню на английском языке. Игорь будет танцевать, Тадеуш — показывать фокусы.

— А я умею дирижировать, — сказал Джимми.

— Вот и хорошо! — обрадовался вожатый. — Сегодня и начинай репетировать.

В школе, где учился Джимми, ребята организовали квартет — два аккордеона и две гитары. Здесь в оркестре собралось пятьдесят человек, тут были и тромбоны, и трубы, и флейты.

...Музыканты расселись на поляне. Джимми взобрался на стул и взял дирижерскую палочку. Ребята смотрели на него с любопытством. Джимми подумал: «Наверно, они представляли себе дирижера высоким, стройным человеком, с гладкими, блестящими волосами, а он, Джимми, маленького роста, и волосы у него жесткие и непослушные. Начну репети-

цию с того, что лучше всего знаю, — решил Джимми, — с кубинских песен и танцев».

Потом он попросил трубача сыграть мелодию песни, которую он тут услышал. Мелодия Джимми понравилась, и он представил, как торжественно будет звучать «Марш немецких пионеров» в исполнении оркестра.

Джимми готов был хоть до вечера репетировать. Но прибежала Ханна.

— Обедать пора!

..Вечером на берегу озера разожгли костер.

— Такой же костер горел на берегу озера много-много лет назад, — снова начал рассказывать вожатый. — У костра сидели старики из деревушки Вербелинзее и держали большой совет.

— Надо уходить отсюда, — говорили они, — эти края прокляты богом. Нет беднее нашей деревни. Скоро отсюда уйдет и вода. Ручей совсем пересох.

Тут появилась прекрасная женщина с длинными голубыми, струящимися по плечам волосами и сказала:

— Придет и к вам счастье.

Утром люди увидели перед деревней большое, глубокое озеро. В нем была голубая, прозрачная вода и много рыбы...

И вот этот народ, который содал такую прекрасную поэтическую легенду, пережил страшные времена — фашизм.

Джимми побывал в одном из бывших концлагерей и видел, к чему привел народ фашизм. Видел страшные камеры, газовые камеры, орудия пыток, крематории, где погибли миллионы людей разных национальностей, которые

На национальных праздниках всегда весело.

ненавидели фашизм и боролись против него.

...Однажды Джимми ходил с ребятами в ночной поход. Неожиданно на поляне вспыхнул прожектор, и поляна засветилась.

Джимми увидел советский танк «Т-34». Он первым вошел в Берлин, чтобы освободить немецкий народ и все народы от фашизма. Джимми подумал: как хорошо, если бы все люди жили в мире.

...Здесь, в лагере, Джимми подружился с вьетнамскими ребятами. О них все заботились. Нелегко им у себя на родине — там идет война.

На другой день после похода Джимми нарвал охапку ромашек и утром, когда все еще спали, положил ее у порога спальни вьетнамских девочек.

...Ханна всегда прибегала с новостями:

— Идем скорее! Уже давно все собрались. Сегодня будем делать сувениры для вьетнамского базара. Разве ты не знаешь? Мы делаем сувениры, продадим их и деньги пошлем вьетнамским детям.

Джимми старательно раскрашивал деревянных кукол. Марианна делала из соломы петухов и пришивала им яркие прешки, Мейбл выпрезала из цветной бумаги танцующих клоунов, а Ханна вон сколько зверюшек смастерила! Одного зверька, рыжего, пушистого, с черными глазами, она подарила Джимми:

— Айхорн (белка), — сказала она. Такого же зверька Джимми видел на большой осне в то утро, когда приехал сюда.

Джимми все нравилось в лагере, и в письме домой он написал: «Я занимаюсь в кружке космонавтов и домой пока не хочу».

Джимми каждый день ходил в этот кружок. Он забирался по крутой лестнице в кабину космического корабля. В полумраке таинственно мерцали щитки приборов, было тихо, и казалось, стоит только нажать кнопку — и ракета вырвется в космос.

Он смастерил модель первого спутника Земли, и эта модель теперь на выставке в зале юных космонавтов.

Мама называла Джимми малышом. Здесь, в лагере, Джимми чувствовал себя вполне самостоятельным человеком: он научился дирижировать большим духовым оркестром, делать модели спутников, играть в баскетбол, петь вьетнамские песни и даже немножко разговаривать по-немецки и по-русски.

Еще он научился танцевать осетинские танцы — быстрые и горячие, как танцы его родины. Он увидел, как танцуют лезгинку на

национальном празднике Советского Союза.

После концерта Джимми подошел к Игорю Дзантиеву и тихонько потрогал кинжал, какие носят все горцы. Игорь подарил ему газыри — металлические украшения с осетинского костюма, раньше в газыри насыпали порох. Если бы у Джимми были еще и ичиги — сапоги из тонкой, мягкой кожи, наверно, и он сумел бы танцевать так, как Игорь Дзантиев. Когда все уснули, Джимми вышел в коридор и попробовал немного потанцевать на носках.

...Утром прибежала Ханна и сказала, что сегодня все собираются в пионерской комнате.

Разговор начала Ханна (Айхорн прозвал ее Джимми). Она говорила, как всегда, быстро-быстро, переводчик едва успевал переводить: в ее школе ребята собирают целебные травы — из них делают лекарства. Потом говорила Марианна. У них в Молдавии ребята помогают убирать виноград, а Мейбл рассказывала, как английские пионеры собирали подписи в защиту Анджелы Дэвис.

А о чем расскажет Джимми? О том, как на Кубе убирают сахарный тростник? Это тяжелая работа, и крестьянам помогают горожане. Джимми со своим квартетом тоже ездил на сафру, и люди обрадовались их приезду.

...Июль стоял жаркий. Каждый день ребята ходили купаться. Джимми нырял в прохладную глубину озера, доставал со дна ракушки и складывал их на теплый песок перед Ханной. Ханна всегда чуть не плакала. Как жалко, что она совсем не умеет плавать!

— Хочешь, я научу тебя? — предложил Джимми.

Он оказался строгим тренером: — Дыши глубже и руками как следует работай! Еще раз, — строго твердил он.

Ханна выходила из воды, садилась на перевернутую лодку, встряхивала мокрыми волосами и смеялась:

— Ой, Джимми, ты совсем меня замучил! Все равно я не научусь.

И все-таки научилась...

День, когда нужно было уезжать, пришел так скоро! У Мейбл платок весь мокрый от слез. И даже у Ханны глаза на мокром месте. Тадеуш, обычно спокойный и сдержанный, записывал адрес Игоря и вдруг тоже заплакал: трудно расставаться друзьям.

Грустный Джимми пошел к озеру. Долго сидел он на вымытом волнами, теплом от солнца причале и незаметно для себя уснул, а когда проснулся, увидел, что солнце уже давно село и над озером опустился густой туман. Стало совсем тихо, и деревья стояли строгие и неподвижные.

Джимми достал блестящую монетку, размахнулся и бросил ее далеко-далеко, в самую глубину, в спокойную воду. Говорят, если бросишь монетку в воду, снова вернешься. А ему так хотелось вернуться!

Здесь, на берегу озера, и отыскали его ребята:

«Вот ты где! Мы уже стали беспокоиться!» Джимми подавлено молчал, окруженный друзьями. Он будет скучать без всех — и без Мейбл, и без Игоря, и без Тадеуша, без всех, кого он встретил здесь, на берегу счастливого озера.

...Джимми давно уже вернулся на родину. Над его кроватью висит фотография лучшего друга из Монголии Бартагдене. Он увез с собой и маленького, пушистого зверька, которого подарил ему Ханна. Он сочинил песню о лагере на берегу Вербелинзе и разучил ее со своим квартетом к пионерскому празднику.

Все ребята хотят, чтобы нигде на земле не было войны.

Билибинская атомная

А. НЕКРАСОВ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Лысые горы, увенчанные ледяными шапками, жестокие ветры, сбивающие с ног человека, пятидесятиградусные морозы и снег, снег, снег... Это зимой.

А летом туманы, мертвые галечные россыпи, рассеченные кое-где жилками худосочных ручейков, в низинах редкие стволы карликовых деревьев да лоскутки тундры, яркие, как чудесный ковер. И на сотни километров ни жилья, ни дыма, ни следа человека.

Такой была Чукотка и сто, и двести, и тысячу лет назад. Такой впервые увидел Чукотку и я в 1930 году.

Но в те годы уже шли по чукотской земле новые хозяева — советские люди и пытливо смотрели, нет ли и здесь чего такого, что могло бы согреться в большом хозяйстве Советской страны.

И нашлось: богатые рыбные промыслы на океанских берегах. В горах оловянная руда. В долинах рек золотые россыпи...

И потянулись на Чукотку геологи и строители, старатели и рудокопы. Пролегли дороги в распадах гор, застрекотали в небе Чукотки первые самолеты. Мосты перекинулись через реки. Поднялись в небо дымы строек, загудели пароходы, пришедшие с востока и с запада. Повезли на Чукотку хлеб, металл, топливо... И за каждую тонну тяжелым трудом доставленных грузов щедро платила Чукотка рыбой и оловом, пушниной и золотом.

Могла бы Чукотка платить и дороже: под галькой, в вечной мерзлоте, под первозданными массивами скал и сейчас непочатый край богатств лежит в «сундуках» Чукотки. Да как их откопешь, эти «сундуки»? Ручным кайлом да лопатой? Драги бы сюда, буровые станки, копры, компрессоры, транспортеры... Вот тогда зажила бы Чукотка!

Машины можно завезти на Чукотку, хоть и нелегкое это дело. Но машинам нужна энергия,

а энергию где же взять на Чукотке? Угля там нет, нефти нет, рек таких, чтобы заставить работать, тоже нет. А возить туда топливо дорого обходится.

Вот так и жила Чукотка: работала вполсилы, пробавлялась дорогим и скудным энергопайком и ждала лучших времен.

В 1954 году в центре европейской России, за тысячи километров от Чукотки, вступила в строй первая в мире атомная электрическая станция мощностью в пять тысяч киловатт.

По нашим сегодняшним представлениям пять тысяч киловатт — это щепка в море. Но ведь бывает, что и крошечная вешка в устье реки показывает поворот на большую океанскую дорогу. Так и эта крошечная по нашим масштабам электростанция первой вехой встала на пути атомной энергетики.

Сегодня, как звезды в закатный час, одна за другой загораются на карте мира звездочки атомных электростанций — АЭС. Десятки, сотни тысяч, миллионы киловатт электроэнергии, полученной от распада ядер атомов, бегут по проводам электропередач, крутят валы станков, плавят металл, освещают города...

Двадцать лет назад чудом казалось, что на благо человечества могут мирно трудиться страшные силы, в одно мгновение разрушившие Хиросиму. Сейчас даже школьники четко представляют себе процессы, совершающиеся в атомных реакторах.

...Есть в природе тяжелый металл — уран. При некоторых условиях (например, при воздействии на атом космических лучей) атомное ядро этого металла распадается и выбрасывает крошечные частицы — нейтроны. Нейтроны нейтральны: они не несут ни положительного, ни отрицательного заряда. Не вступая во взаимодействие с электрическими силами, бушующими

вокруг любого атома, они, как бронебойные пули, могут прорваться в его «недра» и расколоть атомное ядро. Если на пути нейтрона окажется ядро урана, оно расколется и само при этом выбросит два-три нейтрона. Одни из этих нейтронов уйдут в пространство, другие могут попасть в соседние ядра и разбить их. Те, в свою очередь, выбросят нейтроны... Так возникает цепная реакция.

Если кусок урана достаточно велик, целей для нейтронов хватит, а самих нейтронов тем более. И в считанные доли секунды все атомы, составляющие этот кусок, распадутся. При этом выделится огромное количество энергии. Произойдет страшный взрыв. Взрыв этот можно предотвратить: достаточно поставить на пути нейтронов вещество, которое будет поглощать их, не распадаясь. Воздействуя таким образом на количество нейтронов в реакторе, цепную реакцию можно так отрегулировать, что будет выделяться вполне определенное количество энергии. Энергию эту можно отвести от реактора и обратить на парообразование. А энергию пара давно научились превращать в электричество.

На самом деле все, конечно, гораздо сложнее. Изобрести, рассчитать, построить реактор и управлять им — дело тонкое. Но принцип работы АЭС в общих чертах именно таков.

Вот такую атомную электростанцию и решили построить на Чукотке, возле поселка Билибино.

На Билибинской АЭС строят четыре атомных реактора по 12 тысяч киловатт каждый.

По нашим масштабам общая мощность этих реакторов — 48 тысяч — не больно много. Но сегодня для Чукотки достаточно и этого.

Строить станцию на Чукотке нелегко. Все, что нужно для этой стройки, все грузы приходится везти морским путем. А полярная навигация длится всего два месяца. В порту Зеленый мыс выгружают с пароходов цемент и металл, трубы и турбины, стекло и краски, провода и изоляторы и множество других материалов. Потом каждый килограмм груза — а его по 80 тысяч тонн ежегодно завозят туда! — зимней ледяной дорогой доставляют за 300 километров к месту стройки. Если вспомнить при этом, что зимой там бушуют морозы и вьюги, а летом несмолкаемым хором поют комары, оводы и мошка, а под ногами хлюпает оттаявшая тундра, невольно встает вопрос: а стоит ли овчинка выделки?

Стоит, оказывается! И, чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить только две величины: если бы на угле работала эта станция, пришлось бы каждый год везти туда 72 тысячи тонн одного угля. А атомного горючего завезли на Чукотку чуть ли не в две тысячи раз меньше! И этого, говорят инженеры, хватит на три года работы.

Билибинская АЭС — ударная комсомольская стройка. Уже в будущем году она даст людям свет и тепло, а машинам — энергию. И загремят с новой силой ковши драг и экскаваторов, глубже в породу врежутся алмазные головки буров, и новые ручейки чукотского золота потечут в казну нашей Родины.

ПРАВДИВАЯ СКАЗКА

Олег КУЗНЕЦОВ

Похождения хитрого Соленопсиса

1

Соленопсис что есть силы мчался по уходившему вверх тоннелю, а солдат громыхал за ним. Комья срывались из-под ног беглеца и сильно стучали преследователя по голове, но это, увы, ничуть не умеряло его бег. Он уже лязгал челюстями, готовясь оборвать жизнь Соленопсиса.

Несчастный бежал не по прямой, а все время вихлялся из стороны в сторону, как заяц, застигнутый на дороге светом фар. Он что-то тащил. Бросить бы ношу, сразу прибавишь скорости! Но не бросал. Видимо, растерялся, впал в смертную панику.

И вдруг он исчез.

Солдат остановился в недоумении и, шевеля длинными усами, повернул назад. Внимательно

Рисунки И. КРАСУЛИНА

обследовал стену тоннеля и нашел небольшую дырку. Так и есть! В ней, затаясь, сидел Соленопсис!

Тут страж муравейника доказал, что башка у него хоть и крепкая, да дурная. Он стал втискивать ее в дырку и, изрядно попыхтев, втиснул. Но мала оказалась дырка, и он на собственной голове повис над темной глубиной тоннеля...

К счастью, это был час возвращения охотников. Они появились сверху — веселые, торопливые, с раздутыми животами. Двенадцать передовых волокли огромное зеленое чудовище — гусеницу «пяденицу», которая так здорово грызет листья деревьев. За этим занятием ее и застукали славные охотники и теперь вот несли для веселого пира.

Увидев торчащего из дыры солдата, передовые переполошились, выронили гусеницу, и она полетела во тьму.

Мешая друг другу, охотники взялись вытаскивать солдата из дырки. Могли ему, конечно, и навредить, оторвав конечности (о чем страстно мечтал Соленопсис), но солдат, сильно брыкаясь, не дал ухватиться ни за одну из своих ног. Зато его и не вытащили!

Потоптавшись без толку, горе-спасатели собрались в кучку, усы об усы — стук-стук, потом еще туда-сюда ими повертели, и готово: единогласно.

Что решили, понять было невозможно. Но только товарища не бросили, спасли. Вслед за гусеницей полетела глыба вывернутой земли. И вот солдат уже стоит, ошалело покачиваясь.

Все бросились кормить его, даже свалку устроили — каждый хотел быть первым! До того его, беднягу, напичкали, что он еле-еле поворачивался.

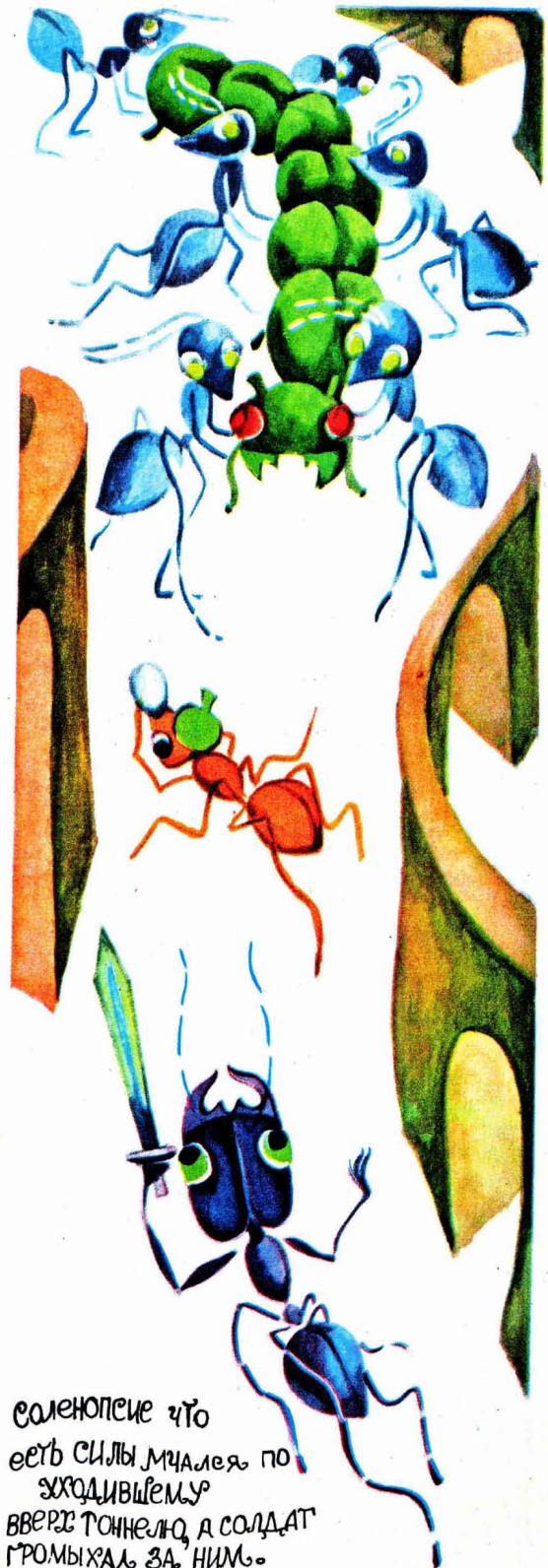
Но солдат все же проявил характер — не захотел уходить от дырки. Не пойду, дескать, обязан изловить. Долг превыше всего! Товарищи бросились уговаривать, щелкая по его усам своими усам: пойдем, дескать, ну его, этого Соленопсиса!

Но солдат на своем стоял твердо. Тогда один из добытчиков взвалил его на себя и потащил. Солдат сжался, замер, видимо, покорился.

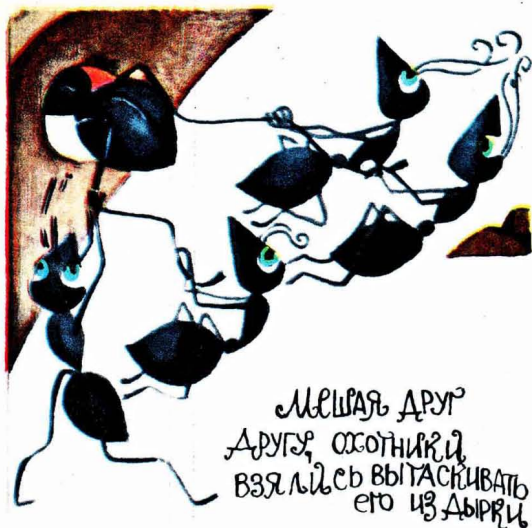
Лихая ватага заспешила вниз. Тоннель опустел, и Соленопсис, переждав на всякий случай минуту-другую, осторожно выглянул из спасительного убежища.

Это был муравей как муравей, только очень маленький. Очень! Все у него было миниатюрное. Шесть лапок — шесть тонких волосков. Даже не поймешь сразу, где коленки, где щеточки, где ступни. Брюшко кругленькое, меньше самой крохотной бусинки, а грудь — какая-то хлипкая перемычка между брюшком и головой. Никак не скажешь «плечистый малый».

Только в сильное увеличительное стекло можно было разглядеть глаза — чуточные пупырышки; пару челюстей — «жвалами» они называются, ими муравьи всякую работу делают. Ушей на голове Соленопсиса, как и у всех муравьев, не было совсем, но, конечно, имелись усики.

Соленопсисе что
есть силы мчалея по
уходившему
вверх тоннелю, а солдат
громыхал за ним.

Мешая друг
другу охотника,
взялись вытаскивать
его из дырки

Был Соленопсис солнечно-желтым и почти прозрачным.

Вы, наверное, думаете: какой славный муравьишечка! Хорошо, что не догнал его мерзкий солдат!

Я бы ничего такого не сказал, ибо Соленопсис настоящий жулик и плут. Увы, такие водились в честном муравейном городе. Они жили в тайных гнездах, куда вели узкие коридоры, недоступные для хозяев муравейника.

Так что никакой он не убогий, этот Соленопсис. Своими глазенками, которые, хотя и не могли видеть мир во всей многокрасочности и яркости, он безо всякого труда различал каждый взмах крыльев какого-нибудь шустрого насекомого, тогда как для нас все сливается в сплошное серое мелькание. В один миг он видел во много раз больше, чем видим мы!

2

Соленопсис направлялся домой. В его жвалах белело краденое яйцо, оно-то и мешало ему при беге. Совсем свеженькое яичко. Воришка с трудом сдерживался, чтобы не прокусить его и не выпить. Но не решался. Добычу ждали.

Никого не встретив, Соленопсис миновал широкий вертикальный тоннель, центральный проспект города, и свернул в один из боковых ходов-переулков. Здесь было суше и теплее; по-видимому, он приблизился к поверхности земли.

Дорога знакомая. Еще два-три поворота, а там, в тихой укромности, лазеечка... Раз — поворот, два — воришка с разбегу уперся в грудку земли. Завал. Пришлось припрятать яйцо в сторонке и рыть.

Соленопсис жвалами выхватил крупный глинистый комок, оттащил его подальше и бросил. Потом другой. Скоро в завале образовалось порядочное углубление. Он в него втиснулся и, чтобы ускорить дело, стал бросать комья прямо себе под ноги, а ногами толкал их назад. Работал быстро, с настоящим муравьиным азартом.

Вскоре потянуло прохладой, и засветлело впереди. Соленопсис вернулся, осторожно прихватил жвалами яйцо и снова полез в проход. Через полминуты он свалился по ту сторону завала и покатился кубарем. Видно, копая, нечаянно забрал вверх.

Он был слегка ошеломлен падением и не сразу сообразил, что в этом отдаленном закоулке он не один. Какое-то темное существо стояло посреди дороги. Оно поджидало Соленопсиса и как бы тихохонько посмеивалось, поскрипывая члениками усов.

Ва! Да это Атемелес!

Атемелес — мелкий жучок. Неприметный и мало кому знакомый. Но для Соленопсиса он был, конечно, большой, примерно как для нас корова. Но странно, Атемелес не казался ему опасным! Он что-то такое нежное бурчал, махал усиками, звал, уговаривал.

По правде говоря, Соленопсис в своей воровской жизни мало видел хорошего. Никто-то его никогда не приласкал! Он поэтому расчувствовался, размяк настолько, насколько может размякнуть муравей, закованный в хитиновый панцирь.

Атемелес бочком, бочком приблизился к Соленопсису. Крепкий запах ударил волной, и бедный муравьишка даже не почувствовал, как нежные Атемелесовы лапки осторожно вынули яйцо у него из жвал.

Затем какая-то неведомая, колдовская сила повлекла Соленопсиса к брюшку Атемелеса. Там муравей нашел капельки влаги. Он припал к одной, к другой... Это была сладкая пьянящая жидкость. Все затуманилось в головенке Соленопсиса, а Атемелес, аппетитно чавкая, принялся за яйцо...

Соленопсис очнулся на том же самом месте. Он лежал в неудобной и неприличной позе: лапками кверху. Зашевелил ими сначала еле-еле, а потом все быстрее и быстрее и так частил до тех пор, пока не перевернулся.

Встал; не имея сил даже почиститься, полпелся куда-то наугад и, сделав несколько шагов, нашел скомканную оболочку выеденного яйца. Он ткнулся в нее, почувствовав вдруг нестерпимый голод, но, увы, нежный Атемелес так ловко ее очистил, что на ней не осталось и крохи съедобного.

Хоть ешь эту шкурку, да только Соленопсис жевать ничего не мог. Ведь у муравьев зубов не бывает. Они по капелькам высасывают из пищи жидкость.

Там, где раньше был завал, зияла огромная дырища. Это Атемелес пролез. Сладкий запах сочился от его следов. По ним и потащился, изнемогая, наш неудачник.

Следы вели вниз, в центр муравьиного города.

3

Жила-была старая ель. Как-то подошел к ней человек, ткнул по корявой коже топориком и на белой ранке написал что-то масляным суриком. Другой человек прочитал написанное, за-

рычал моторной пилой «дружба» и повалил дерево. Где-то теперь оно?..

А ненужный пенёк остался на месте, чтобы сгнить и удобрить своим прахом почву леса. Но прежде ему выпало стать сердцем живого города.

...Только что схлынула гроза. Парное тепло поднималось от земли. Кричали мелкие птицы, носясь между деревьев и страшивая с веток тяжкие капли.

Это был тот день года, когда крылатые муравьи выходят из темниц и поднимаются в воздух. Прозрачные стайки их толклись над полянами, взмывали выше самых высоких деревьев, спускались вниз, задевая головки ромашек. Птицы с разгону врезались в эти стайки, рассеивали их, но муравьи вновь и вновь соединялись, и был это танец смерти и жизни.

Они гибли тысячами. Жизнь сохранялась тем немногим, кто должен был дать потомство.

Какое-то
темное существо
стояло посреди
дорожки.

На старый пенёк и села одна из этих немногих... Кто бы мог подумать, что такая кроха способна перевернуть судьбу мрачного старика?!

Отчаянно извиваясь, она попыталась достать жвалами до крыльев, теперь уже ненужных, ухватила одно из них, оторвала и принялась за другое. Вскоре все четыре крыла заблестали на замшелой плешу пня, как кусочки слюды.

В те времена на месте будущего центрального проспекта города — того самого, по которому бравый солдат преследовал Соленопсиса, — была прогнившая сердцевина пня. К ее краю и подползла муравьица. Заглянула, прядая усиками-антеннами, в сырую тьму. По-видимому, это было как раз то, что она искала. Она вгрызлась в мягкую сердцевину пня, миновала круглый извилистый тоннель, пробитый дождевым червем, и врезалась в черную перегнойную землю. Все глубже и глубже — в тишину, в неизвестность.

Там, где мертвые корни старого пня сплета-

лись с живыми корнями соседних деревьев, она замерла. Ни звука вокруг... Словно опасаясь преследования, развернулась и торопливо забаррикадировала комьями земли проделанный ею проход. Широкий мир перестал существовать для нее.

Она принялась строить свой дом — первый дом будущего города, — копала, расчищала, утрамбовывала, скрепляла комочки земли своею клейкой слюной...

Родилась и выросла она в большом муравейнике. Купол его возвышался чуть ли не на два метра, и жили в нем тысячи тысяч. Молодая крылатая муравьица была на положении балованной девчонки. Стыдно сказать, но ей не только работать, даже глаза после сна не позволяли протереть самой. Бывало, только она рот приоткроет, как десяток нянек бросаются со всех сторон, чтобы накормить ее. Казалось бы, такое воспитание ни к чему хорошему привести не могло. Да вот поди ж ты! Теперь она работала, не зная усталости.

Неслышно сменялись дни, крохотная хлопотунья снесла первое яйцо. Она ощупала его, облизала, как кошка котенка, и обрадовалась, почувствовав ответное тепло. Потом носилась с ним взад и вперед по комнатенке — то ли искала, куда положить его, то ли плясала от счастья...

Отныне она стала Великой матерью города. Вскоре яиц стало много. Она складывала их в уголке, как вдруг однажды, почему-то обеспокоясь, взялась их все перевертывать, будто пересчитывала.

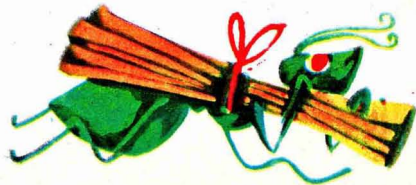
Ненапрасная тревога. Некоторые яйца сморщились. Она прервала кладку и, наверное, полдня суетилась.

В конце концов нашлась. Проковыряла крепкую стенку — за стенкой было влажно, — выкопала еще одно помещение и перенесла туда яйца. Там они живо поправились.

Незаметно первые яйца превратились в личинки. Это уже были существа ротастые и голодные. Чтобы прокормить их, муравьица жертвовала частью снесенных яиц. Бывало, выберет яичко побольше и бежит скорей к личинкам. А те только и делают, что разевают непомерно большие пасти.

Приходилось, конечно, соблюдать жесточайшую экономию: одно яичко на двоих, а то и на троих делить. Кое-как ублажит чад своих неловких, сама же только оболочку яйца съест, тем и сыта.

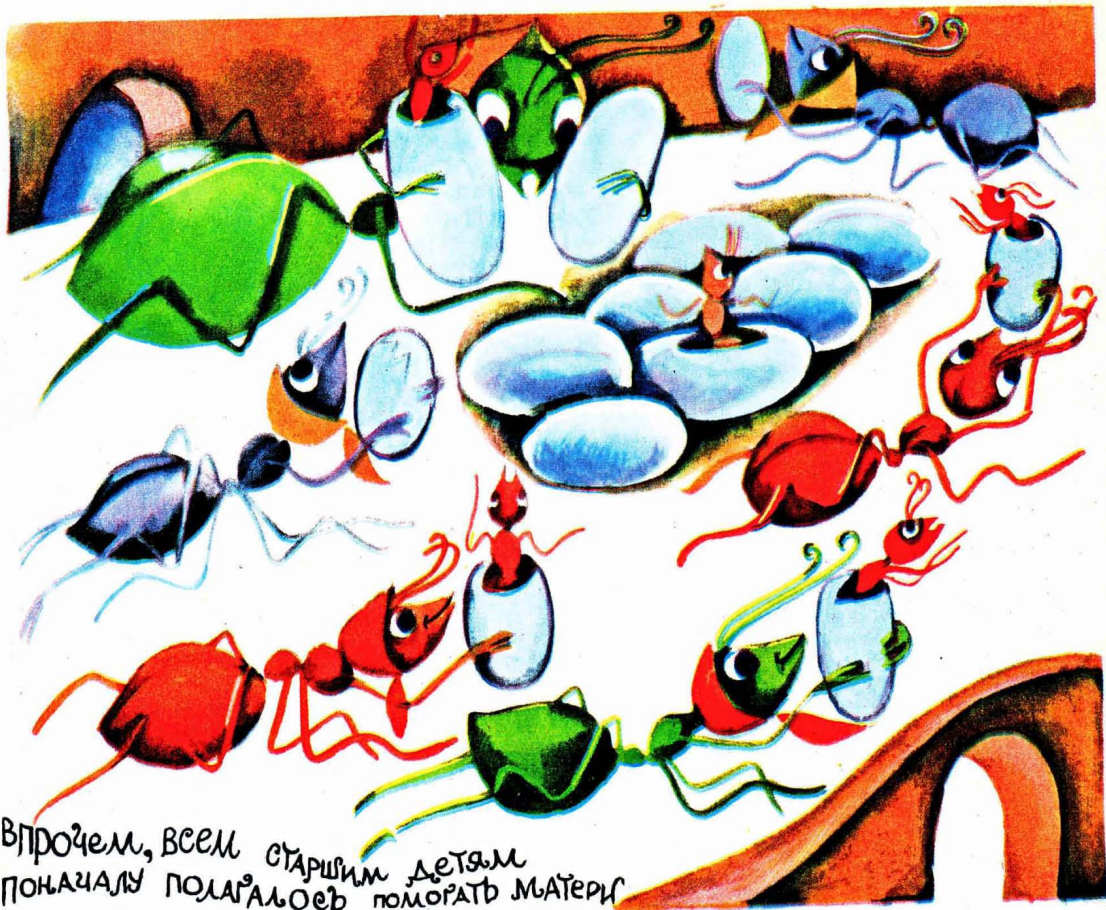
К тому времени, когда личинки окуклились, оплелись тонким шелком, молодая мать еле ноги таскала. Шутка ли, с тех пор, как нырнула она в сердцевину пня, почти год миновал! И все без еды! Не только сама продержалась — целую ораву прокормила. И все время в хлопотах: то яйца откладывая, то перетаскивая их туда-сю-

да, чтобы не залежались, то опять квартиру расширяй. Семья растет не по дням, а по часам.

Откуда только муравьи черпали энергию, человеческим разумом понять невозможно. Ну, а поверить надо. Все это чистая правда.

но у него был совсем другой характер. Быстроногий любитель странствий, задира и весельчак, он при первой возможности сколотил ватагу таких же непосед и прославился как один из самых удачливых кормильцев города.

Впрочем, всем старшим детям
поначалу полагалось помогать матери

4

И вот она разорвала шелковые нити кокона, оплетавшие ее первенца. Он трепыхался, рвался наружу, но когда оказался на свободе, поначалу немного удивился, а потом припустился бегать по подземелью. Побывал возле личинок, возле кладки яиц; подобрал какой-то обрывок и, не найдя ему применения, бросил; потом вернулся к матери и стал следить, как она освобождает из кокона следующего новорожденного. Дело в общем нетрудное, и он бы справился, да силенок маловато: путешествие по родному дому измотало его.

Передохнув, он все же попытался помочь матери, хотя какая там помощь! Просто путался под ногами. И все же нашел свое призвание: стал нянькой и стольких вынянчил!

Правда, и братцу, который появился из второго кокона, тоже пришлось возиться с молодой,

Впрочем, все старшие дети поначалу помогали матери. Она сама работала самозабвенно, и, видимо, ее энергия заражала детей. Сначала они только ползали без видимой пользы возле коконов, прикасаясь к ним слабенькими еще жвалами, но и это была помощь — они ослабляли тугое плетение шелковых одежд еще не родившихся братьев и сестер.

Вскоре их было много в материнском доме...

И тогда муравьица нашла то место, где некогда воздвигла баррикаду, отделившую ее от светлого мира. И показала, что надо делать: копать!

Утро уже в разгаре, горячо в лесу... Белка, напрыгавшись, присела на бархатно-буrom сучке ближней ели. Торопливо пролетела сойка. Дрозды о чем-то спорили, отчаянно перебивая друг друга. Последнюю песню гулко продолдонил вяхрь. И никто из них не заметил, как в этот час на закудрявившемся от мха затылке старого

пня появились маленькие, рыжие... Глазастая ласточка, и та пронеслась над пнем, никого не увидев.

Хилые, жалкие дети. Они подслеповато тыкались друг в друга, расползались в разные стороны и вновь сходились как бы для того, чтобы поделиться своим недоумением. Не знали они, что делать!

Вероятно, мать многому бы могла научить своих детей, но она не вылезла вместе с ними, словно была уверена, что они и без нее не пропадут.

Ей было некогда. Она продолжала умножать семью. Только большая семья может противостоять жестоким случайностям жизни. Много ли надо муравью, чтобы погибнуть?! Ступил сапог пешехода — и нет муравья. Клев птицы кланулся — и нет муравья. А если муравей слаб и не может справиться даже с мелким насекомым? Он умрет с голоду.

Так пусть же их будет много!

Один за другим выкарабкивались на корявый пенек все новые и новые рыжие... Они вяло чистились, никуда не торопились, не подозревая, что каждая минута промедления грозит им катастрофой! Ведь силы матери на исходе. Жизнь едва теплится в ней. Отправляйтесь же скорей на добычу, лихие охотники!

Но как они, чуть живые, спустятся с пня, побредут неведомо куда! Пропадут, заблудятся! Уж не насмеяется ли природа над своими созданиями? Подарила им жизнь и вот уже готова отнять ее!

...Шел по лесу муравей. Сильный разведчик, проживавший за тридевять земель (а точнее, метров за триста — четыреста) от нашего пня. Он как раз из разведки и возвращался, был сыт по горло и торопился сообщить товарищам о какой-то своей находке.

Путь муравья лежал мимо пня, на котором бедствовали новорожденные несмышлениши.

И ТОГДА
МУРАВЬИЩА НАШЛА ТО МЕСТО,
ГДЕ НЕКОГДА ВОЗДВИГЛА
БАРЬКАДУ.

Пень знакомый и неинтересный. Сколько раз разведчик пробегал здесь и не обращал на него никакого внимания, а тут остановился, что-то такое поразмыслил, размахивая усам, как саблями, и полез по грубой коре вверх.

На первый взгляд странная, ненужная трата сил. Не мог же он видеть, что на пне муравьишки. Пень для него все равно что для нас с вами восемнадцатизэтажный дом. Разве мы можем знать, стоя на тротуаре, что по крыше этого дома бродит, например, кошка? А муравей все-таки полез!

Ученые энтомологи так объяснили бы его поведение: усы муравья улавливают радиоволны, идущие от усов других муравьев. Видимо, муравьишки на пне посылали сигнал бедствия, вот их и услышал разведчик.

Он взобрался на пень и увидел бедняг. Заморыши поползли навстречу разведчику, их качало от истощения. Если бы подул слабенький ветер, их бы просто развеяло.

Крайний муравьишка (это был первенец молодой матери) приблизился к разведчику, и тут этот грубый бродяга сделал нечто такое, что заслуживает самой высокой похвалы. Он отгрынул капелючку прямо в рот малышу — накормил его! И пусть вас не смущает такой необычный способ кормежки. Отрыжка у муравьев зато сладкая.

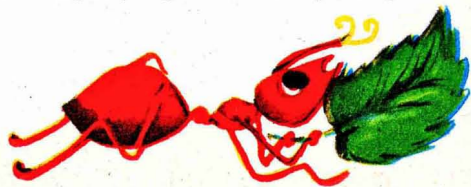
Первенец сразу развеселился и помчался вниз, к матери, чтобы поделиться с ней полученным угощением!

А лихой разведчик тем временем кормил следующего муравьишку, потом еще одного и еще... Всем хватило по капелючке, зато благодетель заметно похудел. Ему пришлось снова тащиться вдаль, к своей находке, чтобы не возвращаться в муравейник ни с чем. Но разведчик был чрезвычайно доволен: собственная щедрость приносит муравьям огромное удовлетворение.

А спасенная маленькая семья начала свою настоящую жизнь. Муравьишки поделались с матерью микроскопическими капелючками пищи, и она с новой силой взялась множить народонаселение нарождающегося города. Появлялись няньки, солдаты, рабочие, грузчики, разведчики. Из одного кокона выползла маленькая самочка с четырьмя крыльшками на спине. Крыльшки ее осторожно расправили, отвели лучший угол и приставили муравья для ухода. Кто знает, может, у нее впереди такая же счастливая судьба, как у матери?

Теперь об этом легко вспоминать, а как трудно было в первое время!

Чего стоило впервые спуститься дрожащей стайкой с головокругительной высоты к подножию пня!.. А что было, когда наткнулись на мохнатое страшилище — длинное, тяжелое и зеленое! Вот была битва! Главный нападающий (тот, что родился вторым) бросился на гусеницу

очертя голову, вскочил на спину. Ей, видно, стало щекотно, она передернулась и взвилась на дыбы. Герой, потеряв представление о том, где верх и где низ, помчался наугад по спине и угодил между двух огромных острых серпов-челюстей, которые немедленно стали сближаться. Если бы он там еще немного задержался, разрезали бы они муравья на две половинки. Но смельчак отчаянно трепыхнулся и полетел кувырком. К счастью, это резкое движение привело в действие аппарат, который стреляет зарядами муравьиной кислоты. Струйка попала в корни челюстей гусеницы и парализовала оружие врага. Челюсти замерли, как заржавленные клещи.

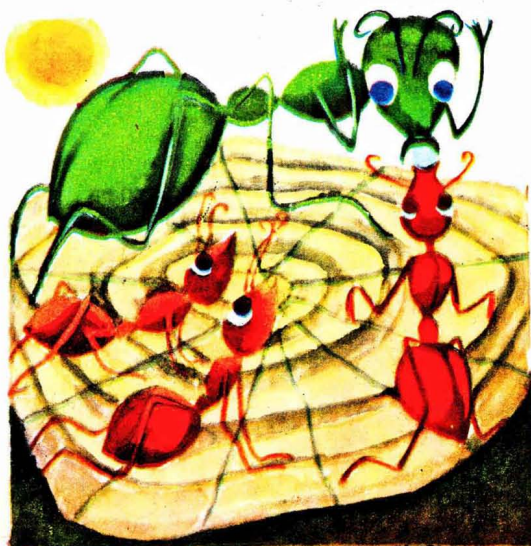
Гусеница со свирепо разинутой, но теперь уже неопасной пастью могла только мотаться из стороны в сторону и кататься по земле. Муравьи облепили ее и, израсходовав все свои по-детски скудные запасы муравьиной кислоты, справились с этой вредительницей леса. Ее разорвали на части, чтобы легче было перетащить в гнездо.

Гусеница здорово поддержала тогда муравьишек. Они окрепли на хороших, сытных харчах. Поднимался муравейный город.

5

Как-то ранней осенью мимо старого пня бред дядька-грибник. Он рассеянно глянул на пенек и замахнулся палкой: хотел скуки ради сшибить кругловатую кучку хвои, которая лежала на пне, как беретка на голове. Дядька подумал, что хвоя, видно, насыпалась с дерева — не сообразил, что ближайшее-то дерево от пня далеко-далеко и это не ель, а береза!

Не догадался грибник, что перед ним новостройка, будущий город. Это муравьи еловыми

И ТУТ ЭТОТ ГРУБЫЙ, БРОДЯГА ОУРЫГНУЛ
КАПЕЛЬСУ ПИЩИ ПРЯМО В РОТ МАЛЫШУ —
НАКОРМИЛ ЕГО!

иголками закрыли дырку в пне, чтобы не протекало в дождливую погоду. Ведь беды мог наделать дядька. На носу морозы, зима; новую крышу муравьям не успеть построить, а без крыши они наверняка погибнут.

Но, к счастью, грибник увидел неподалеку огромный белый гриб, бросился к нему, и муравейник был спасен.

А потом зима нахлобучила поверх хвойного берега белую папаху — такую тяжеленную, что она еле держалась. Опять опасность: шальной ветер мог сорвать снежный убор, а с ним и хвойный. Но ветры на поляну не попадали, запутавшись в окружающих кустарниках. Может, случайно повезло, а может — кто знает? — это Великая мать правильно выбрала надежное место.

Вскоре сугробы укрыли пенек вместе с папахой...

...Зима... Выли метели, в тихие дни мороз падал из невидимого ружья... Что муравьям до всего этого?! Они спали, тесным клубком облепив мать. Спали рабочие, охотники, спали самые беспокойные — разведчики. Последними они уснули, завалив чем попало выход. Первым им предстояло проснуться весной.

...Еще в оврагах, медленно источаясь ручьями-вешняками, лежали ставшие чумазыми снежные глыбы, еще вокруг пня кое-где белел снег, а уж рыжие вылезли на хвойную крышу своего жилища и радостно цепенели под весенним солнцем.

Это были они, разведчики.

Солнце сильно нагревало их панцири. Один не выдержал, нырнул, добежал до спящих, ткнулся в клубок: вставайте! От него так и несло теплом, и оно согрело крайнего — тот шевельнулся и вот уж встал рядом с разведчиком, протирая щеточками лапок заспанные глаза.

Вставайте, вставайте! Сверху приползли другие муравьи, тоже горячие, распаленные. Остынув, муравьи бросались наверх, собирали панцирями жар солнца и снова спускались в муравейник. Вскоре в подземной спальне установилась вполне сносная температура; все проснулись, задвигались, взялись каждый за свое дело — кто за приборку, кто озабоченно возился с прошлогодними яйцами, а приближенные стали охорашивать Великую мать: она готовилась вновь множить силу своей семьи.

6

С тех пор миновало много лет. Никто не вспоминает про исчезнувший куда-то старый пенек.

А он существует, и совсем не бесполезно! Он внутри могучего муравейного города, который гордо высит купол посреди поляны — чистой, словно бы вытопанной, как солдатский плац.

Еще жива Великая мать. По-прежнему она затворница, но во время зимней спячки вокруг нее сплетается миллионный клубок...

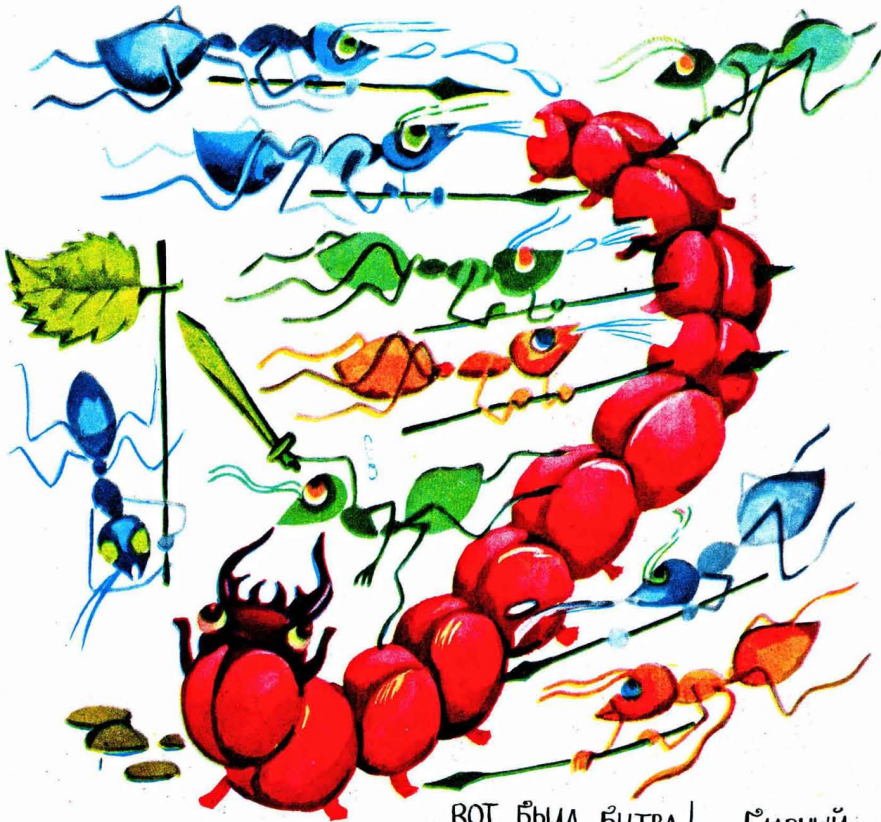
Давно нет первых муравьишек (ведь они живут не дольше пяти лет).

А сколько же лет Великой матери муравейника? Такие, как она, даже по нашему счету доживают иногда до двадцати лет!

Но жизнь муравья можно измерить еще одной мерой — работой.

сильно нагреется, муравьи пойдут, устроят вентиляцию...

Возводя свой город, муравьи удобряют, рыхлят почву, дают ей дышать свежим воздухом. И тогда весело расти травам, деревьям!

ВОТ БЫЛА БИТВА! ГЛАВНЫЙ
НАПАДАЮЩИЙ БРОСИЛ НА ГУСЕНИЦУ,
ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ ВКЛОЧИЛ ЕЙ НА СПИНУ.

Подсчитали люди: воздвигнут муравейный город примерно из пяти миллионов отдельных строительных деталей — хвоинок, щепочек, соломинок, палочек, кусочков смолы и кирпичиков, которые муравьи изготавливают, замешивая глину на слюне или на липком молочке, добытом из одуванчиков.

Пойди-ка все это найди, принеси, пристрой со смыслом!

Для кого-то их город просто муравьиная куча, а на самом деле под куполом в глубину и в ширину разбегаются километры подземных ходов. Есть там залы, площади, дворцы, гостиницы для пришельцев, убежища, спальни, столовые, вентиляционные магистрали, отопительные устройства... А как муравьи отапливают помещения в прохладную погоду! Они притаскивают зелень в особые камеры и дают ей возможность гнить. При гниении, как известно, выделяется тепло. Оно и согревает жилье. А если слишком

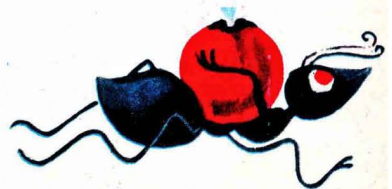
ПРИТЧА О ЮНОМ НЕГОДЯЕ

Однажды некий юный негодяй отправился в лес, подобрав по пути великолепную палку.

Палка вошла в тело муравейника, раздался тихий, жалобный скрип. Это рухнула сердцевина — источенный пень.

Пень придавил Великую мать, а без нее муравьям не жизнь. Однако наш герой не успокоился. Он надел пень на палку и, сильно размахнувшись, катапультировал его подальше от поляны. Потом принялся бить палкой и раскидал во все стороны строительные детали и самих хозяев города.

Жутко шевелились руины поверженного города. Обезумев ш и е няньки тащили ку-

комок и личинок. Они как будто спрашивали друг друга, куда же теперь. Где убежище? И, не находя ответа, как слепые, разбегались в разные стороны. Разбросанные повсюду крылатые муравьи искали тень, пытались укрыться среди обломков, цеплялись за метавшихся вокруг рабочих, умоляли: спрячьте, прикройте нас от света! Строители пытались собирать ключья сооружений.

А воины искали врага. Те, кто карабкался сейчас на его ботинки, подали сигнал: здесь! На приступ! Из беспорядочной сумятицы, незаметные невнимательному глазу, выступили организованные колонны и шеренги.

А негодяй ничего не подозревал. Посмеивался, чувствуя себя победителем. Муравьи же тем временем занимали позиции. Сотня или две самоотверженных мстителей равномерно расположились по телу негодяя и ждали команды.

Неизвестно, действительно ли была подана эта команда или муравьи сговорились как-то по-иному, но ужалили они все одновременно. Раздался вопль.

Ничего не видя перед собой от боли, враг обратился в бегство.

А муравьи все жалили!

Только избавившись от всей одежды, он перевел дух, остановился. И вдруг заметил ползущего по руке маленького солнечно-желтого муравья.

Это был Соленопсис. Он ни разу еще не успел ужалить негодяя и теперь на ярком свете выискивал неукушенное место.

Они были один на один.

Мальчишка замахнулся... Но прежде, чем он ударил, боль снова пронзила его. И снова отчаянный вопль вознесся над лесом!.. Так закончилась притча о юном негодяе.

Остается еще добавить: все жители разрушенного муравейника погибли.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Эдуард Шведлицев
руцны поверженнаго горада.

Я ЛЮБЛЮ ВАС

Я люблю вас, конечно,
в цвете и в золоте!
И люблю бесконечно
в слякоти, в холоде,
когда вы голы,
рощи и доли,
когда некрасивы,
клены и ивы,
когда вы совсем-совсем одиноки.
Никто к вам не ходит.
Ветры жестоки,
а звери забились в глубокие норы...
Я люблю вас,
поля,
и леса,
и доли.

*

КТО ЧТО ЗАМЕТИЛ

Вышел на улицу дворник.
Дворник заметил
грязную лавочку.

Вот показался садовник —
садовник заметил
вредную бабочку...

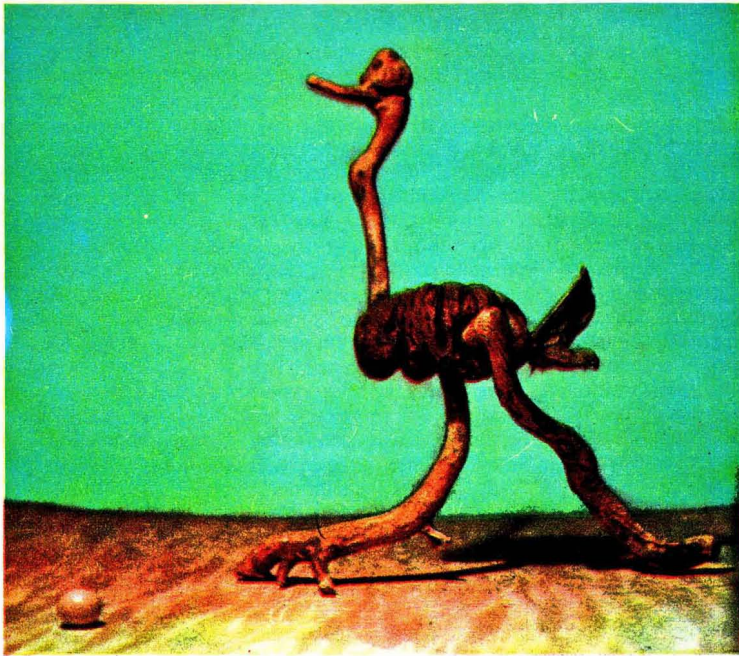
Вышел пилот
и заметил погоду.

Вышел танцор
и заметил походку.

Портной заметил,
кто как одет,

а кто что заметил,
заметил поэт!

*

Виктор БАЛАШОВ

Рожденные воображением

С ПОГОДОЙ в тот день нам ужасно не повезло. Снимался цветной фильм о Жигулях. И надо было показать легендарные русские горы так, чтоб от свежего ветра закипели зеленым шумом леса на крутых склонах, бронзой отливали бы на солнце стволы сосен. Но пока оператор устанавливал на носу катера свою кинокамеру, солнце завязло в облачной хмари, и дождь забарабанил по звонкой палубе.

Катер шел вдоль крутого, измолоченного волнами берега. За стеклом иллюминатора тянулись подмытые, упавшие в воду деревья. Но вот из хаоса поваленных стволов, сучьев, скрученных корней кто-то махнул мне косматой лапой. Я не успел разглядеть никаких подробностей: чья-то морда и эта призывно вскинутая лапа...

Я бросился наверх, в ходовую рубку, и стал упрашивать капитана.

— Капитан, вернемся тем же курсом, тут недалеко...

Подойти на катере к поверженному волнами осокору было невозможно из-за подводных камней и коряг. Я прыгнул в воду и поплыл, держа в левой руке топорик.

Через четверть часа на мокрой палубе топорщился обрубок разлапистого корня.

— Ну, что вы усмотрели в этой коряжине? — ворчал режиссер.

— Это же медведь, — сказал я.

Все рассмеялись.

— Да, медведь, — упорствовал я. — Причем не простой, а музыкально одаренный. Вот увидите...

Взгляните на фотографию: это он. Теперь он играет на контрабасе в составе известного «Квартета». Этот небольшой коллектив побывал на многих выставках, знаком с телекамерой. А до того, как встретиться в моей мастерской, проказница Мартышка,

Осел, Козел и косолапый Мишка были корнями дерева — осокоря, дуба, граба. И жили в сотнях километров друг от друга.

В какие только затейливые формы не отливается корень, годами (а то и столетиями!) блуждающий в подземных лабиринтах! Рассмотрите, например, Козла: как подробно выписана его шкура, клочья свалывшейся шерсти, вцепившиеся репы. А ведь это натуральный корень дуба.

Мне порой кажется, что природе присуще чувство юмора. Она словно подсмеивается над своими творениями, как говорят, шаржирует. Поэтому на выставках корневой скульптуры так часто смеются.

Недавно в одном из пионерских лагерей ребята повели меня смотреть работы из шишек, грецких орехов, желудей. Там были совы, ослики, свинки, и все они были сделаны по рисункам в журналах.

Главной радости ребята себя лишили: увидеть самим, пофантазировать. Не зря ведь выставки корневых скульптур называются «Природа и фантазия».

Для дровосека корявый пенёк — просто трудный комель, который нужно превратить в дрова. Человек с воображением подметит в нём сходство с осьминогом. А художник из того же пня высечет портрет скрипача Паганини, как это сделал замечательный скульптор Коненков.

Что увидите вы в бессмысленном хитросплетении корней? Тут-то и проявится ваш вкус, фантазия, ваш характер, наконец.

Вот уже десять лет я работаю с корнями и хочу дать вам несколько советов.

Прежде всего, где искать корни?

По равнинному лесу можно исходить десятки километров и вернуться ни с чем. (Ру-

бить живые ветки, хотя бы и затейливо изогнутые, никому не советую.) Гораздо «добычливей» лес на склоне крутого оврага или лесистый берег реки. Можно принять за правило: чем сложнее корень по форме, чем больше у него ответвлений, тем больше вероятности обнаружить в нём какую-нибудь фигуру. Интересные находки ждут вас у деревьев, выросших в каменистом грунте, где корень часто петляет, обтекая препятствия на своем пути. Там же чаще встречаются корни с интересным рисунком. Бывает, очистишь сырой корень от коры, и глаз отвести не можешь: такой тонкий узор предстанет в переплетении волокон.

Более щедры на подарки деревья твердых пород: дуб, береза, клен. Не следует гнущаться и наростами на стволах — капами. Тело бегущего страуса на одной из фото-

графий не что иное, как болезненный нарост на ветках ивы, твердый, приятного коричневого тона и почти идеально симметричный.

Принесенный из леса корень я обжигаю на огне или кипячу, чтобы избавиться от нежелательных «квартирантов»: жучков-точильщиков, древооточцев.

Но вот наконец вымытый и обезвреженный корень на вашем столе. Кем ему быть? Это самое интересное.

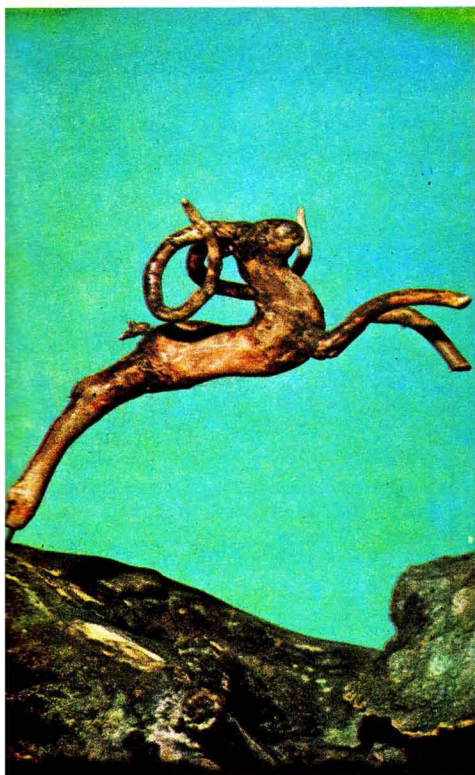
Посмотришь с одной стороны — охотничья собака, застывшая в стойке, с противоположной — ястреб вскинул голову, в когтях добыча. Перевернешь тот же корень и увидишь очертания забавного гнома.

На чем же остановиться? Я бы посоветовал избирать тот вариант, в котором больше движения. Без движения нет жизни, нет скульптуры, нет искусства.

У меня на столе грубоватый корень. Не сразу определишь, что это олень в прыжке: вместо двух задних ног одна, непомерно длинная, ро-

До того как встретиться в моей мастерской, проказница Мартышка, Осел, Козел и косопалый Мишка были корнями дерева.

*Без движения нет жизни,
нет скульптуры,
нет искусства.*

га едва намечены, все подробности стерлись, растаяли, будто от стремительности движения. Вы почти слышите свист рассекаемого воздуха, шелест расплеснутой ливны, взгляд готов лететь вслед за метнувшимся зверем. В отсутствии деталей, в недосказанности — сила движения.

Мне жаль бывает расставаться со своими героями, долгие недели и месяцы живешь с ними рядом, ищешь недостающие части (сейчас я ищу бороду для задуманного Черномора). Тогда я придумываю для своих деревянных зверей и человечков разные приключения, истории и делаю их героями сказок. Рожденные воображением, они остаются жить в стране воображения.

Фотографии автора

Тыходишь в лес и слышишь, как шумит в ветвях ветер. Знаешь, конечно, что это ветер, а все равно кажется, будто неведомые музыканты настраивают свой оркестр.

Тыходишь в лес и видишь: тянутся вверх деревья, теснится густой кустарник, корни переплетают тропинку. Знаешь, что это просто деревья и корни, а все равно чудятся тебе в их переплетении и люди, и звери, и всякие чудеса.

Жалко оставлять всю эту красоту — так и хочется хоть что-то прихватить с собой! Только, наверное, не стоит этого делать: ты не унесешь с собой лесное чудо, ты только уберешь его. Сломанное деревце засохнет, обломанная ветка все равно осыплется...

А вот под ногами пропасть сокровищ: сухие ветки, пни, стволы деревьев, кусочки коры...

Ты только что прочел рассказ писателя Виктора Балашова; он рассказал тебе, какие замечательные скульптуры могут получиться из коряг. Наверное, попадутся тебе и такие, из которых ничего не надо мастерить, они и так хороши.

Соберите всё вместе — скульптуры, поделки, находки — и устройте в лагере или на даче конкурс «Удивительное в природе».

Не забудьте и о цветах! Только не надо рвать их охапками. Выбери несколько покрасивее, засуши — потом они пригодятся зимой для гербария или какой-нибудь композиции. А осенью все летние находки можно отдать в школу, в уголок природы.

**Всероссийское общество
охраны природы.**

Сказка о том,

как

Маленький Ослик мечтал кого-нибудь спасти

Жил-был на свете один Маленький Ослик. И он всегда о чем-нибудь мечтал. Иногда у него была одна мечта, а иногда даже несколько сразу. Порой они сбывались, а порой и нет.

И вот однажды у него целую неделю была одна заветная мечта: он хотел кого-нибудь спасти.

Эта мечта родилась так. Он заметил, что во всех сказках всегда кто-нибудь кого-нибудь спасает. Получалось, что на свете полным-полно спасителей. И все их любят, и ценят, и благодарят.

«А я вот ни разу в жизни еще никого не спас,— с грустью подумал Маленький Ослик,— кому я такой нужен!..»

И не успел он оглянуться, как это стало его заветной мечтой.

Сначала он думал, что эта мечта сбудется очень скоро. Что он сразу встретит кого-нибудь, кто с радостью даст ему спасти себя. Но прошел день, два, а его никто так и не позвал на помощь.

И Маленький Ослик потерял покой. Целыми днями слонялся он по лесу и всех спрашивал:

— Простите, вас случайно не надо спасти?

Один знакомый Еж очень удивился.

— А от чего спасти? — спросил он.

— От чего-нибудь, — ответил Маленький Ослик. — От чего угодно!

— Дай подумать, — сказал Еж: он во всем любил точность.

— Нет, — сказал он твердо через несколько минут. — Не от чего меня спасать. Все у меня как будто в порядке.

— Жаль... — сказал Маленький Ослик. — Но если вдруг с вами что-нибудь случится,

Татьяна МАКАРОВА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

*Маленький Ослик схватил
Ящерку и перенес ее в тень.*

загляните ко мне, пожалуйста, и я вас сразу спасу!

Однажды был очень дождливый день.

«Спасу-ка я кого-нибудь от дождя», — подумал Маленький Ослик и побежал в лес.

Он весь промок, пока встретил того, кого искал. Это был Лягушонок. Он сидел в глубокой луже и квакал, квакал, квакал.

— Мужайся! — крикнул Ослик. — Я твой спаситель! Сейчас я вытащу тебя из этой лужи!

И не успел Лягушонок глазом моргнуть, как Маленький Ослик перенес его из лужи на сухое место и принялся делать ему искусственное дыхание.

— Перестань! Щекотно! — закричал Лягушонок. — Нечего меня спасать! Мне было так приятно в луже! Нет ничего на свете лучше дождя!

И он вернулся в лужу, закрыл глаза и стал квакать, квакать, квакать без конца...

Следующий день был на редкость жарким.

«Спасу-ка я кого-нибудь от зноя!» — подумал Маленький Ослик и пошел в лес.

Скоро он встретил того, кому грозила немедленная гибель.

Это была Ящерка. Она лежала неподвижно на самом солнцепеке, на раскаленном камне, и глаза ее были закрыты.

«Солнечный удар!» — подумал Маленький Ослик.

Он перенес Ящерку в тень, зачерпнул воды из ручья и вылил ее на Ящерку.

Ящерка открыла глаза и закричала:

— Что ты наделал!

— Я спас вас от зноя, — вежливо объяснил Маленький Ослик.

— Как тебе не стыдно! — сказала Ящерка. — Стыдно спасать от зноя! Нет ничего на свете лучше жары!

Ящерка вернулась на раскаленный камень и закрыла глаза.

«Что за лес!!! Что за лес!!! — думал Ма-

*— Я очень довольна сегодняшним
уловом, — сказала Рыба.*

— Вы не беспокойтесь, дедушка придет,— сказал Ослик,— и выпустил Рыбу в пруд.

ленький Ослик в отчаянии.— Ну, совершенно некого спасать!»

Эта несбыточная мечта так замучила бедного Маленького Ослика, что он потерял сон и аппетит. И, наверное, дело бы вскоре кончилось тем, что его самого пришлось бы кому-нибудь спасать.

Но однажды... Дедушка Маленького Ослика отправился на рыбную ловлю.

Надо сказать, что у дедушки Маленького Ослика была всегда одна-единственная неизменная мечта: поймать хоть раз большую рыбу.

В этот день его мечта сбылась.

Он вернулся домой, насвистывая, счастливым, и принес в ведре огромную Рыбу! Такой Рыбы не видел никто в этих краях.

Дедушка оставил Рыбу в ведре у крыльца и пошел приглашать друзей на уху.

И тут на крыльцо вышел Маленький Ослик. И увидел Рыбу в ведре.

«Может быть, ее надо спасти?» — подумал Ослик.

Но Рыба так спокойно и важно плавала в ведре, что Маленький Ослик побоялся снова попасть впросак. И он решил сначала просто поболтать с Рыбой.

— Как вам понравился мой дедушка? — спросил Маленький Ослик, чтобы как-то начать беседу.

— Чрезвычайно! — серьезно ответила Рыба.— Очень была рада знакомству с ним! В жизни своей не видела такого дедушки!

— Еще бы! — сказал Маленький Ослик.— Мой дедушка — самый лучший на свете!

— Да, пожалуй,— согласилась Рыба.— Уж я-то в дедушках толк понимаю. У нас дедушками пруд пруди.

— Как это — пруд пруди?! — ужаснулся Маленький Ослик.— У вас, что же, в пруду есть дедушки?

— Да сколько угодно,— ответила Рыба.— Но такого прекрасного, как твой, до сих пор не было. Я очень довольна сегодняшним уловом.

— Как это! — закричал Маленький Ослик.— Как это вы довольны уловом?! Это дедушка доволен уловом, а не вы! Ведь это он вас поймал!

— Ты ошибаешься,— невозмутимо ответила Рыба.— Это я его поймала. Я вообще очень люблю ослиную ловлю. Я выплываю чуть свет и ищу какой-нибудь хороший крючок. Покрепче. Да чтоб червяк был потолще. Как увижу подходящий крючок с подходящим червяком, так и думаю: пора хватать! Не иначе на том конце крупный ослик! Да еще, чего доброго, чей-нибудь дедушка! И глотаю червяка. Так что твой дедушка — моя добыча.

— А он знает об этом?! — спросил Маленький Ослик в ужасе.

— Конечно, знает. Как это можно не знать, кто кого поймал! Вот он и пошел проститься с друзьями. А потом я отведу его в пруд. Не бойся. Ему там не будет скучно. У нас там сколько угодно дедушек! И почти всех я поймала!

— Но ведь там мокро! И холодно! — в отчаянии закричал Маленький Ослик.

— Ничего. Жить можно,— ответила хитрая Рыба.— Вы дадите ему с собой теплую пижаму, купальную шапочку и галоши — вот и все дела.

«Надо спасти дедушку!» — подумал Маленький Ослик.

В этот миг он даже забыл, что это и есть его заветная мечта! Он так волновался за дедушку, который вот-вот вернется, наденет пижаму, купальную шапочку, галоши и пойдет с Рыбой в пруд, что позабыл обо всем на свете.

— Знаете что,— предложил он Рыбе.— Давайте я отнесу вас в пруд. Вы там дедушку и подождете!

— Нет,— сказала Рыба, подумав.— Пожалуй, не стоит. Уж лучше я здесь подожду.

— Там вам привычнее! Вы не беспокоитесь, дедушка придет. И не один! С друзьями!
— Ну, разве что с друзьями...— сказала Рыба.— Тогда согласна. Неси. Только чтобы непременно с друзьями!

Маленький Ослик радостно потащил ведро с Рыбой к пруду.

Он выпустил Рыбу в воду, и она на прощание крикнула ему:

— Так, значит, договорились? Непременно с друзьями!

Маленький Ослик побежал домой. Ему так хотелось поскорее увидеть дедушку, которого он чуть не потерял! По дороге он понял, что сбылась его заветная мечта. Он спаситель! И не какого-нибудь там лягушонка или Ящерики, а своего собственного дедушки!

Дедушка бродил вокруг дома и искал ведро с Рыбой.

— Куда же оно девалось?..— бормотал он.— Пора варить уху... Нет, куда же оно девалось?..

— Дедушка! Не бойся! Рыба в пруду!— закричал Маленький Ослик.— Я ее выпустил! Я тебя спас! Эта ужасная Рыба тебя ждет, но ты ведь не пойдешь к ней в пруд, правда?

Когда Маленький Ослик все рассказал дедушке, тот долго молчал, а потом сказал вот что:

— Маленький Ослик, сам посуди. Даже твоему дедушке редко удается поймать такую большую рыбу. А уж чтобы рыба поймала такого большого дедушку— этого вообще не бывает.

— Выходит, я никого не спас?— спросил Маленький Ослик.

— Отчего же,— сказал дедушка.— Твоя мечта сбылась: ты спас Рыбу!

— Выходит,
я никого
не спас?

Эмма МОШКОВСКАЯ

ПОДЪЕМНЫЙ КРАН

Подъемный Кран
вставал по утрам,
начинал в тиши
поднимать этажи.

И опавший лист
поднимал он ввысь,
и веселый смех—
вон до тучек тех!

Тополинный пух
поднимал он вдруг,
и у всех вокруг
поднимал он дух!

Подъемный Кран
по вечерам
поднимал в высоту
и плиту и звезду...

Поднимал
звезду,
опускал
темноту.

С ночных дорог
поднимал ветерок
и прохлады час
опускал на нас.

И ночной
покой
опускал
рукой.

Уходя
ко сну,
поднимал
луну...

Шевченковский сад

К. ТКАЧЕНКО

В Советском Союзе живут ребята более ста национальностей. О дружбе украинских и казахских школьников рассказывает этот очерк.

Представьте себе безводную, сухую, выжженную солнцем степь. Ноги вязнут в песке. Идут солдаты. Среди них высокий человек с пышными запорожскими усами. Солнце раскаленным утюгом жжет его рубаху, пропыленную, вылинявшую от пота. Человек смотрит тоскливо на выгоревшее добела небо, на бесплодную землю.

Этот человек — Тарас Григорьевич Шевченко. Я думаю, в какой бы республике вы ни жили, вы слышали это имя, знаете стихи великого украинского поэта. Столько музыки и столько чувства в этих стихах, что в народе называют их песнями.

Прислушайтесь к этим стихам-песням, и вы услышите в них безмерную любовь к украинскому народу, огромную жажду свободы и воли, неистовую ненависть к царю и царскому строю, который угнетает народ, не дает ему жить свободно и счастливо.

Царское правительство боялось стихов Шевченко, боялось его рисунков. Поэта сдали на двадцать пять лет в солдаты. И вот он идет по казахским степям, на пустынный полуостров Мангышлак, к Каспийскому морю. Долгие годы проведет он здесь. Ему запретили писать и рисовать. Вместо друзей и род-

ных — тяжелое одиночество, вместо вишневого садочка возле хаты — унылая степь.

В письме к художнику Осипову Шевченко рассказывает, как по дороге на Мангышлак, в городе Гурьеве, подобрал он на улице свежую вербовую палку, привез ее в укрепление, на гарнизонном огороде воткнул в землю, и она принялась. Шевченко пишет: «...правда, я на нее и воды немало вылил: зато теперь, в свободное время и с позволения фельдфебеля жуирую себе в ее густой тени». И дальше: «Вот вам один-единственный отрадный эпизод из моей монотонной безотрадной жизни». «Вербонька», «сестрица» ласково называет в письмах к друзьям поэт свое дерево.

Форт, где провел годы ссылки украинский поэт, назван теперь в его честь фортом Шевченко. В память об украинском поэте сохраняют здесь землянку, в которой он жил, каменный стол, табурет, колодец возле землянки и громадное дерево — «вербоньку», которой уже сто двадцать два года.

Старики казахи вспоминают, как рассказывали им в детстве отцы об ученом. Тарезикальне. «Тарезы» по-казахски — весы. Казахи считали: Тараса Григорьевича зовут так от-

того, что он честен и правдив, как самые точные весы. Однажды пришли к Шевченко девятнадцать казахов. Долго беседовали, говорили с поэтом. На прощанье он им сказал: «Верьте, что когда-нибудь для бедных настанет счастливая пора, все люди, кто только трудится, казах ли он или русский,— все будут жить свободно и весело!» И эти слова хранятся в памяти народной.

Несколько лет назад в мангышлакской земле советские геологи обнаружили нефть. В пустыне вырос город нефтяников. Его назвали городом Шевченко. Жители города не страдают от жажды и зноя: опреснители превращают соленую воду Каспия в пресную, питьевую, дома заслоняют от солнца щитами. Только нет пока в новом городе зелени. На мангышлакской почве — древнем ракушечнике, покрытом песком,— трудно вырастить деревья и цветы. Нужны тонны плодородной земли и много воды.

Но Шевченко же вырастил свою «вербоньку»! И казахские пионеры написали письмо пионерам Украины — предложили вместе посадить на берегу Каспия сад. Так началась операция «Шевченковский сад».

Ребята собирали семена, выращивали саженцы и посылали их на Мангышлак. Два года продолжалась работа.

Посадили сад на берегу Каспия 17 апреля, в день коммунистического субботника.

В гости к шевченковским ребятам прилетели двадцать восемь украинских пионеров. Еще в воздухе командир самолета АН-24 получил радиограмму: казахские пионеры при-

ветствовали своих друзей с Украины. Гости знали, что их ждут, но когда распахнулась тяжелая дверь самолета и в глаза ударило жаркое солнце Мангышлака, все-таки удивились: столько вокруг красных галстуков и столько улыбающихся лиц!

Они сразу нашли верные и нужные слова, как люди, которых связывает одно общее дело.

Таню Голубь из села Шевченко, Черкасской области, встретили девочки из 6-й школы имени Гайдара. Это им послала она саженцы калины, в которой, по преданию, прятался от злой мачехи маленький Тарас Шевченко. Первый вопрос: «Как наши саженцы?» Девочки замялись: «Зимой такие морозы были... Весна нынче поздняя. Стоят пока деревья голые». Вдруг померзла калина?.. Таня достала самодельную коробочку с украинской землей, сказала: «Бросим под каждое деревце по щепотке, оживут».

Валя Черкасова из Днепропетровска думала, что на Мангышлаке только серые пески, ядовитые пауки и кривые стволы саксаула. А увидела светлый и красивый современный город. Только земля вот... разве сравнишь ее с украинским черноземом. «Мы везли вам сувениры,— сказала Вера,— а увидели вашу землю и поняли: лучше бы семян с собой побольше взяли. Вернуть, пришлем вам еще семян, чтобы ваш город стал таким же зеленым, как наш».

Ребята с Херсонщины, из Винницкой и Житомирской областей, украинские, казахские и русские ребята — все вместе вышли на берег Каспия. И посадили сад. Деревца еще слабы и тонконоги, и казахским пионерам придется много потрудиться, чтобы их вырастить. ★

Украинские, казахские и русские ребята — все вместе вышли на берег Каспия 17 апреля сажать деревца.

С. ЛУНГИН

Без трех минут ровно

ПРОЛОГ

РОМЕО. Семь лет тому назад, ровно пол нашей жизни тому назад, нас привели в школу. Сейчас это трудно себе представить, но мы были тогда друг с другом незнакомы. Кроме меня с Джульеттой. Наша фамилия Козловы. Меня зовут Ромео, а ее, конечно, Джульетта. Так нас назвали, и тут уж ничего не поделаешь. Да мы привыкли, и ребята уже не смеются. Вообще класс у нас очень дружный. 32 человека, как один. В кино идем — 32. На день рождения — 32. Отрядный вечер самодеятельности — все 32 участвуют, смотреть некому... Слышите, играет гитара? Это Луневи́ч Стасик. У него абсолютный слух, он даже на рояле играет. На гитарах у нас играют практически все. Ну, а слух, конечно, у кого какой. Я сейчас включу магнитофон, и вы сами услышите.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА

День уходит за днем,
 День уходит за днем,
 Мы взрослеем.
 Мы пока что не пашем,
 Пока что не жнем
 И не сеем.
 Мы на школьной скамье,
 Словно в птичьей семье —
 В стае.
 Что учение — свет
 Неучение — тьма,
 Знаем.

Музыку сочинил Стасик Луневич, а слова — я. Я вообще разные песни пишу, и стихи тоже иногда получают. Вот, например, один шуточный стишок:

Что такое дружба?
 Дружба — это слон.
 Он таскает бревна
 Деток нянчит он.
 Он могучий, сильный,
 Добрый и живой.
 Он с огромным сердцем,
 С ясной головой,
 Только ест не сено
 И не воду пьет.
 Мужество и верность —
 Вот чем он живет.

Этот стих я посвятил Валерке Минаеву. У него первый юношеский по прыжкам в высоту. И на гитаре играет и по физике, если и хуже Рустама Шарафутдинова, то ненамного. И вообще у него все получается на пять баллов... Да... А сейчас мы отправились в байдарочный поход по речке Выпи. Есть такая прекрасная речка на севере нашей области.

На заднике — карта. На карте — чуть извилистая, почти прямая голубая полоска, и вдоль нее мелким шрифтом: «р. Выпь».

Поехало всего девять человек. Вернее, десять. Десятый — наш учитель по географии Александр Александрович. Мы его зовем Сан Саныч, а еще проще Санек. Он когда-то тоже в нашей школе учился, а теперь нас учит. Байдарок мы достали только четыре и еле-еле разместились. Сказать вам, кто едет? Пожалуйста. Сперва девочки, их три. Моя сестрица Джульетта, Гаяна Тер-Григорян и самая длинная в нашем классе Оля Безик. Мальчишек шестеро: Валерка Минаев, Стасик Луневич, Кирилл Антошкин — он самый сильный, — Женя Ильченко, великий мастер рыбной ловли, его у нас «заврыбой» назначили, Рустам Шарафутдинов — изобретатель коротковолнового приемника, и я. Пять дней мы плыли хорошо. Пльвем, отдохнем, опять пльвем. А на шестой перевернулись. Правда, не все. Только одна байдарка — Рустам Шарафутдинов, Стасик Луневич и, конечно, моя сестрица Джульетта. Не заметили стремнины и верзались в поваленное дерево...

ЧАСТЬ I

Сцена I

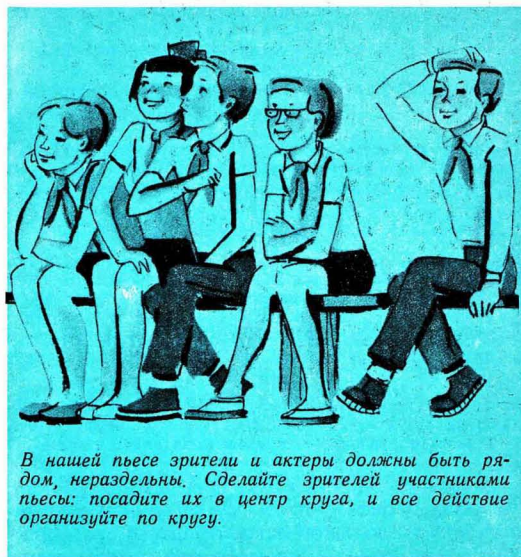
После крушения

На берегу сушатся байдарки, на траве под солнцем разложены вещи, и команда судна, потерпевшего аварию, ходит в трусах.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (*нервно*). Скоро стемнеет, а палатки еще не стоят, костра нет, продукты вымокли... Да, кстати, как выглядят наши запасы? Минаев, ты все проверил? Как хлеб?

МИНАЕВ. Хлеб пропал. Нет хлеба. Разбрюзг весь.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ. Так. А картошка?

В нашей пьесе зрители и актеры должны быть рядом, нераздельны. Сделайте зрителей участниками пьесы: посадите их в центр круга, и все действие организуйте по кругу.

ДЖУЛЬЕТТА. Ой! Она в корме лежала. Я забыла про нее... Она, наверно, выпала, когда мы перевернулись. Она... наверно... утонула.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ. Молодцы, все продукты в одну байдарку погрузили!.. Ну, ладно, давайте поедим вашей вермишели, раз больше ничего не осталось.

КИРИЛЛ АНТОШКИН принес ведро с варевом. Девочки быстро роздали миски, и все молча принялись есть. Солнце село. И в густое журчание черной воды влетали какие-то тонкие крики, колючие нотки, посвист и хлопанье чего-то мокрого.

РОМЕО. Будто водолаз в ладоши бьет.

Ребята обступили костер, закутавшись в спальные мешки.

ОЛЯ БЕЗИК. А куда Сан Саныч делся? (*Шепотом.*) Давайте позовем!
— Сан Саныч! Сан Саныч!

ГАЯНА. И-и-и! И-и-и-и! Меня... змея... за ногу тронула. И-и-и! Ой, делайте что-нибудь!
ОЛЯ. Ой, убейте ее, мальчишки, убейте!
МИНАЕВ. Да не орите вы, как полоумные. (Козлову.) Зажги чего-нибудь! В руках что держишь?

РОМЕО. Тетрадку.

МИНАЕВ. Жги тетрадку!

РОМЕО. Там стихи.

МИНАЕВ. Черт с ними, со стихами! Рви! Жги! Свети!

РОМЕО пригнулся к блокноту, судорожно перелистывая его, выбирал, что менее жалко, и, найдя, вырвал лист. Кинул на уголья. Ярко вспыхнул бумажный клочок, вспыхнул и тут же погас.

МИНАЕВ. Еще рви! Жги! Свети! (Минаев командовал жестко. И Ромео Козлов поддался этому энергическому напору). Жги! Рви! Свети!

РОМЕО потерял контроль над собой и истово выполнял Валеркины приказания. Он варварски вырывал странички из заветной тетради, кидал их в костер и, когда они вспыхивали, пытался схватить, обжигая пальцы...

РОМЕО (хрипло выкрикивая). И правда. Черт с ними! Черт с ними!

Наконец, комок бумаги, быстро пожираемый пламенем, удалось дотащить до ГАЯНЫ. Левая нога ее была обернута мокрым шнуром от байдарки.

МИНАЕВ. Вот припадочная навязалась.

Он деловито с ладошки на локоть сматывал шнур. РОМЕО гнул картонную обложку изуродованного блокнота и вдруг с маху швырнул ее в костер.

СТАСИК ЛУНЕВИЧ. Ой, глядите! Вон там огонь мелькает.

И тут все услышали далекое фырканье и вроде бы лязганье железа. И чавкающие звуки. Видно, кто-то шагал по трясине, с трудом вытаскивая сапоги.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ. Не пугайтесь, ребята. Это я! (Он закричал еще издалека.) А со мной тракторист. Я услышал, как он работал, он копает ров в лесу, и пошел на звуки.

ГАЯНА. Ой, чай выкипает! Кирка, снимай ведро.

ОЛЯ (трактористу). Будете с нами чай пить?

ТРАКТОРИСТ. Угощайте.

Чай разлили по кружкам. А ГАЯНА выскребала остатки вермишели из ведра и громоздила в миске высокий белый конус.

ГАЯНА. На утро. Кто больше всех проголодается, тот слопают.

РОМЕО (наигрывает на гитаре).

Факелы, факелы,
Огоньки сосновые.
Прогорели факелы
Темень-темнота.
Девочки, девочки,
Платьвица шелковые...

РУСТАМ. Не шелковые, а шелковые...
РОМЕО (печально). Точно. Шелковые, но шелковые — прекраснее.

Все в цветах-буточках,
Просто красота!..

Бессмысленно, но мило.

Мило, но бессмысленно,
раз мило, то осмысленно
в некотором смысле, но
это мило все равно.

СТАСИК ЛУНЕВИЧ. Дай-ка.

Он взял гитару, и что-то ритмичное загремело над полянкой. Все принялись подхлопывать. Даже АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ бил в ладоши, а ДЖУЛЬЕТА сорвалась с места и в дрожащем свете костра выдала такое танцевальное соло, что дух захватило.

ТРАКТОРИСТ (восторженно). Гляди, чего делают!

СТАСИК. А на обед-то что варить будем?
ГАЯНА (деловито). Вермишель.

СТАСИК. А на ужин?..

ГАЯНА. Вермишель, что с обеда останется. Что же делать! Ничего нет другого.

ВАЛЕРКА (Гаяне). Слушай, а на сколько этого самого вермишеля хватит?

ГАЯНА. Дня на два, если так есть.

СТАСИК. Красота. Ешь — вода, пей — вода, сыт не будешь никогда!

ВАЛЕРКА. А сколько нам пилить до какого-нибудь культурного центра?

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ. Я подсчитал: до Знаменки по прямой 30 километров.

ТРАКТОРИСТ (усмехаясь). Это по карте, а как жизнь показывает, так все 50. По реке, считай, больше ста. И учтите, до Знаменки ни кола, ни двора. Давайте я одного из ваших до нас доведу, а завтра в ночь мой сменщик назад доставит, только не до места, а до пикета. Это от вас километров 15. Я вам ружьишко дам: здесь медведи балуют. Привезете чего надо из нашего магазина. А то без хлебушка-то скучно...

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ. Так. Нужно ехать. Поеду я и кто-нибудь поздоровавее. Кирилл Антошкин. Старшим по лагерю назначаю Минаева Валерия.

МИНАЕВ (без тени улыбки). Хорошо. Только пусть все мне подчиняются.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ. Замполитом назначаю Джульетту Козлову. Утром проведешь политинформацию. Ну, до встречи. Пошли, Кирилл!

Сцена II

Утро

Солнце только вставало из-за леса. Еще лежал туман. Лягушки отпели, запели птицы. Вдруг раздался звон будильника, и из палатки выползла, зябко ежась, ДЖУЛЬЕТА КОЗЛОВА.

ДЖУЛЬЕТТА. Рустик, вставай... Рустик... Без пяти шесть. Заводи свою машину. Будем «Последние известия» слушать.

Приемник собственной конструкции РУСТАМА ШАРАФУТДИНОВА наполнил тихую утреннюю полянку на берегу Выпи множеством чуждых природе писков, скрежетов и каких-то сигналов. И вдруг, словно родившись из пены хаотических звуков, послышался далекий отрывистый голос.

РАДИО. В зоне циклона... шторм десять баллов. Скорость ветра — больше тридцати метров в секунду.

РУСТАМ (*восхищенно*). Во дает! Тридцать метров!.. Это ураган, самум...

РАДИО. Мэйдей! Мэйдей! Я СРТ-248, приписанный к рыбному порту Мурманск. Вышел из строя гребной винт и тяги руля, судно без управления, в свободном дрейфе, в зоне циклона, шторм — десять баллов. Судно в опасности. Команда ждет помощи. Внимание, мое местонахождение 71 градус 20 минут северной широты 24 градуса 29 минут восточной долготы. Мэйдей! Мэйдей!

РУСТАМ. Который час?

ДЖУЛЬЕТТА (*поглядев на часы*). Двадцать минут седьмого.

РУСТАМ. Ровно?

ДЖУЛЬЕТТА. Ну, без трех минут ровно! Какая разница?

РУСТАМ. Огромная. Есть такой международный закон: каждый час от пятнадцати до восемнадцати минут и от сорока пяти до сорока восьми минут до ровного часа все работающие на определенных диапазонах радиостанции прекращают свои передачи — освобождают эфир для всяких важных сообщений.

ДЖУЛЬЕТТА. А что с этим кораблем?

РУСТАМ. Ты же слышала, авария... Тонет он, понимаешь?

ДЖУЛЬЕТТА. Ну, и что будет?

РУСТАМ. Кто-нибудь спасет, наверно. Кто услышит.

ДЖУЛЬЕТТА. А вдруг никто не услышит?

РУСТАМ (*сердито*). Услышат. Есть специальные радисты. У них работа такая: слушать и принимать меры.

ДЖУЛЬЕТТА. А вдруг никто не слышит? Они кричат, и никто не отзывается. А вдруг мы одни во всем мире это услышали? Они тонут, а мы никак проснуться не можем. Эй! Вставайте! Вставайте все!

СТАСИК (*поет*). Вставайте все! Вставайте все! Вставайте, люди доброй воли! (*Вылез из палатки, жмурится и принимается бегать — и лаять, как пес.*)

ГАЯНА. Ой, солнышко!

Появляется ОЛЯ БЕЗИК — длинная, худая, в синем тренировочном костюме в обтяжку.

РОМЕО (*высовываясь из палатки*). Ух, до чего же красиво! Вода, вода и плавают цветы. Не видел я подобной красоты! А вы давно встали?..

ЛУНЕВИЧ. Я есть хочу по-страшному.

МИНАЕВ (*уже одетый и даже в сапогах, подходит к палаткам, заглядывает в каждую*). Убрать не могут. Ладно. Давайте построимся.

СТАСИК (*с изумлением*). Чего?

МИНАЕВ (*хмуро*). Отставить смех. Давайте построимся без шума.

ДЖУЛЬЕТТА. Ты что, обалдел? Зачем это надо?

МИНАЕВ. Затем, что мы лагерь, а не шарашкина контора.

ОЛЯ. Валерочка, да лагерь-то всего раз-два — и обчелся.

МИНАЕВ. Так вот, чтоб не обсчитываться, давайте стройтесь!

СТАСИК. Ты что, серьезно?

МИНАЕВ. А разве я на тебя похож?

РОМЕО. Ребята, а правда, давайте построимся. Ну что, нам жалко? Мы ведь в первый раз, а он бывал в походах, он знает.

МИНАЕВ. Так. Еще раз прошу построитьсь. (*Он поднял левую руку на уровень плеча, показывая направление линейки. Ромео пошел и встал под руку Валеры. И получилось, что Минаев обнимает Ромео.*)

СТАСИК. Мы два брата, два птенца, мы недавно из яйца. Я так буду строиться. (*Он встал на руки. Все расхохотались.*)

МИНАЕВ (*мрачно*). Ну, не хотите, не надо, но по-настоящему построиться надо.

ГАЯНА. Ну давайте построимся! Подумаешь!

ГАЯНА встала рядом с РОМЕО. К ней пристроилась ОЛЯ. Потом поднялся со своей кочки ШАРАФУТДИНОВ и, кивнув ДЖУЛЬЕТТЕ: пойдем, мол, — подошел к ОЛЕ. ДЖУЛЬЕТТА по-лягушачьи припрыгала к шеренге и присела рядом с РУСТАМОМ на корточки, уперев руки в траву.

МИНАЕВ. Равняйся! Смирно! Рассчитайся! Первый.

РОМЕО. Второй.

ГАЯНА. Третья.

ОЛЯ. Четвертая.

РУСТАМ. Пятый.

ДЖУЛЬЕТТА (*громко*). Ква-ква!

МИНАЕВ (*не посмотрев в ее сторону*). А где Ильченко? Вот видите. (*Взволнованно.*) Я как чувствовал. «Не будем строиться! Зачем строиться?» Вот не построились бы, фиг бы мы заметили, что Женьки нет. Куда же он делся? Следов не видно? В общем, так. В лагере — спокойствие. Гаяна и Ольга готовят завтрак. Ты, Луневич, обеспечь их дровами. Мы с Ромкой пойдем искать в эту сторону, а Шарик с Джулей в ту. Пройдем по тысяче шагов и вернемся, если, конечно, не найдем. Каждый двадцать шагов будем громко кричать: «Женька!» Понятно? Пошли.

В этот момент кусты раздвинулись, и показался ЖЕНА ИЛЬЧЕНКО. На ивовом прутике у него были елочкой нанизаны штук пятнадцать неплохих рыбок.

ИЛЬЧЕНКО. Встречайте! Уха идет!

ГАЯНА (*оторопело*). Вот он!

МИНАЕВ (строго). Где был?

ИЛЬЧЕНКО. На речке.

МИНАЕВ. Почему не спросился?

ИЛЬЧЕНКО. А чего спрашиваться? Я же рядом. Я чуть свет встал и пошел.

МИНАЕВ. Вот так, Женя, за то, что ты без спроса пошел на рыбалку, я запрещаю тебе два дня...

ЖЕНЬКА. А я все равно пойду. Я перемены поставил и донки. Меня Санек заврыбой назначил? Назначил. Ну и помалкивай, начальник.

МИНАЕВ (устало). Ладно. Кончайте! Не хотите, чтобы я был начальником лагеря, и пожалуйста — не буду! Что мне, больше всех надо? Валяйте сами командуйте. Меня Санек назначил, ну, я и стал... Давайте есть, что ли!

СТАСИК. Да брось ты, Валерка, чего зря обижаться? Никто к тебе ничего не имеет. Просто ты тоном каким-то чудным стал разговаривать, только и всего.

РОМЕО. Правда, Валер, покажи всем пример. А то наша земля велика и обильна, а порядка в ней нет. Валяй — управляй.

ВАЛЕРКА (буркнул). Голосуйте. Без голосования не буду.

РОМЕО. Давайте. Кто за Валеру?

Все подняли руки.

МИНАЕВ (капризно). Что за Валеру?

ДЖУЛЬЕТТА. Ух, ты и формалист! Кто за то, чтобы товарищ Минаев стал начальником лагеря? Поднимите правую руку. Считаю. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. А я воздержусь, я за бюрократов не голосую.

МИНАЕВ. А так, Джульетта, тоже нехорошо. Чего ты не как все, почему у тебя по всякому поводу свое особое мнение?

ДЖУЛЬЕТТА (печально). А что мне делать, Валера, если оно у меня есть? Врать, да?

ИЛЬЧЕНКО. Ладно. Семь за, одна воздержалась, демократия соблюдена. Валера — начальник.

МИНАЕВ. Тишина. Пока будем вставать, Джульетта сделает информацию.

ДЖУЛЬЕТТА (помрачнев и заволновавшись). В общем, так, где-то в Северном океане жуткий циклон. Ветер страшный, сколько-то там метров в секунду.

РУСТАМ. Более тридцати. Шторм жуткий... Десять баллов, волны высотой с пятиэтажный дом, даже больше.

ГАЯНА. Ой, кошмар!

ДЖУЛЬЕТТА. Точно. И во всем этом кошмаре плавает маленький рыболовный кораблик... А жуткие волны качают его, как щепку. И руль не работает. А матросы кричат: «Мэйдей!»

РУСТАМ. Это на международном морском языке значит: «Я гибну! На помощь!»

ОЛЯ. Джульетточка, это ты нам кино рассказываешь?

ДЖУЛЬЕТТА. Какое кино! Мы вот сами, своими ушами слышали.

МИНАЕВ. А когда все это было?

ДЖУЛЬЕТТА. Да это не было, это есть. Вот сейчас есть! Мы едим вермишель, а это все происходит... Рустик, а может быть, что на всем свете мы одни это услышали?

РУСТАМ. Может-то может, но вряд ли.

ДЖУЛЬЕТТА. Но может?!

РУСТАМ. Вероятность такая есть.

ОЛЯ. Ну, и что же нам делать?

И все вдруг замолчали.

РОМЕО. Знаете, я считаю, что мы не имеем права ничего не делать. Этот матрос кричал, надеясь, что кто-нибудь услышит и побежит куда-то и кому-то скажет, чтобы пришли на помощь. И если мы... порядочные люди, мы должны... все, что можем...

ВАЛЕРА. А что мы можем?

РОМЕО. Бежать. Бежать в деревню, на почту и звонить. (Почти крича.) Надо бежать!

Бежать? Спасать корабль? Ждать?.. Зрители тоже решают, как бы поступили они.

бежать всем! Как гонцы в старину бежали... Добежали, сообщали важную весть и падали замертво...

ЛУНЕВИЧ. И ты хочешь замертво?

РОМЕО (медленно). Нет, не хочу! Не хочу, но... готов!

ВАЛЕРА. В общем, так. Нам что приказано было? Сидеть и ждать, пока Кирка и Сан Саныч с хлебом вернутся. Вот и будем ждать! Приказ есть приказ.

Тут все заголосили, закричали.

ГОЛОСА. Надо! Не надо! Ромка прав! Нет, не прав!

МИНАЕВ. Вы это новгородское вече бросьте! Сказал — не пойдете, и не пойдете! Пусть их спасают, кому положено. А нам не положено.

РОМЕО. Ну, ты и гад...

И вдруг РОМЕО поднялся и пошел к лесу. Никто сначала не понял, что он уже пошел. Ребята стояли молча, глядя ему в спину.

МИНАЕВ *(не своим голосом)*. Козлов, стой! Стой, тебе говорят! Не пойдешь!.. Стой!

Он оглянулся и увидел, что ребята, схватив куртки, молча идут вслед за РОМЕО.

МИНАЕВ. Вы куда?
РУСТАМ. Кончай, Валера.

МИНАЕВ вдруг побледнел и как-то осел.

МИНАЕВ. Но надо кому-то остаться в лагере и охранять наше имущество.

ДЖУЛЬЕТТА. Давайте тянуть жребий.

МИНАЕВ. Да ладно. Все, что ль, идут?

Зажали в кулак восемь спичек, у одной отломали кончик. Короткую вытащил ИЛЬЧЕНКО.

МИНАЕВ. Ладно, Женька. Давай оставайся. Рыбу ловить можешь, костер жги, дров не жалей... Ну, будь...

ЖЕНЯ ИЛЬЧЕНКО стоял и смотрел, пока все не скрылось за кустарником. Одиноко лежали на траве перевернутые черными обшивками вверх сухие и гладкие как тюлени, байдарики.

ЧАСТЬ II

Сцена III

Лес

В лесу душно, раскалено все. От стволов пышет жаром. Впереди, не разбирая дороги, идет РОМЕО.

За ним, поотстав шага на два, — ВАЛЕРКА МИНАЕВ.

Идет легко, разборчиво, знает, куда ступить.

Своим путем идет ДЖУЛЬЕТТА. Сбежит в овраг, оглянется — никого не видно, и: «Ау!» «Ау!» И первым ей откликается СТАСИК ЛУНЕВИЧ.

— Ромка прав!
— Нет, не прав!
— А я говорю: надо бежать!

СТАСИК идет быстро, насвистывает, подбирает из-под ног крупные черничины.

СТАСИК. Джу-уля-а-аа!

«Ку-ку!» — слышится издалека.

ЛУНЕВИЧ, просияв, срывается с места, несется на это «Ку-ку». ШАРАФУТДИНОВ за ним.

ДЖУЛЬЕТТА стоит под высокой сосной и причесывается. Обычно подобранные в хвост волосы раскинулись по плечам. Самые длинные и густые пряди занавесили лицо.

СТАСИК (*деланным голосом*). Закрой глаза, открой рот! (*Прямо из пригоршни заталкивает Джульетте в рот все черничины-гиганты.*)

ДЖУЛЬЕТТА (*шепеляво*). Ой, здорово, ой, подавилась!

СТАСИК, пригнувшись и прячась за кустами, помчался прочь.

ДЖУЛЬЕТТА откинула назад волосы и огляделась. Рядом с ней, едва переводя дух от быстрого бега, стоит РУСТАМ ШАРАФУТДИНОВ.

ДЖУЛЬЕТТА. Рустик! Рустик, спасибо!

И вдруг потемнело. Подул ветер, заколыхался, зашелестел осинник. И лес, только что такой жаркий и веселый, превратился в мрачное обиталище сквозных ветров. Ребята уже устали. Разом, не сговариваясь, оставались и принялись надевать куртки.

ГАЯНА. Только бы дождь не пошел.

И в этот момент ударили первые неторопливые капли дождя.

СТАСИК (*ежась*). Так. Пошел-таки.

РОМЕО. Давайте, давайте. Ничего же не сделаешь. На ходу лучше мокнуть.

РУСТАМ. Надо бы на дерево залезть и поглядеть, куда же дальше идти. Выбрать самое высокое и залезть.

— Ой, я по колено провалилась...

РОМЕО. Вон, глядите, какая соснища...

ДЖУЛЬЕТТА. Ну, как на нее залезешь?

МИНАЕВ. А вот как... (*Скинул сапоги и, упираясь пятками, быстро пополз наверх.*)

РОМЕО (*восхищенно*). Канатоходец Тибул над площадью Звезды!

СТАСИК. Законно!

ГОЛОС МИНАЕВА. Эй-эге-гей! Красота! Как с самолета! Ой, знаете, там справа какая-то поляна, и за ней вроде крыша. Точно! Крыша! Маленький домик, и лес кругом. Все! Пошел вниз... Ой, ой!

ГАЯНА. Валера! Что там? Что там?

Раздался треск. Потом наступила тишина.

ГОЛОС МИНАЕВА. Ой! Ой!

ДЖУЛЬЕТТА. Лезьте, лезьте же кто-нибудь!

СТАСИК скинул кеды и подскочил к сосне.

СТАСИК. Ромка, Шарик, кто-нибудь один, сюда.

РОМЕО. Я! Я! Подсадите меня, я легче.

Все остальные остались ждать внизу, и вот наконец появился ВАЛЕРКА, которого СТАСИК И РОМЕО бережно спускали, держа под мышки. ВАЛЕРКУ положили на мокрую траву. Лицо его было сильно исцарапано.

ОЛЯ. Господи, на кого он похож!

ГАЯНА. Валерочка, Валерочка!..

ДЖУЛЬЕТТА. Ну, Валерка, что с тобой?

МИНАЕВ. Вот сук, я думал — крепкий... Неужели сломал? (*Он рассматривал свою неподвижную ногу и попытался прикоснуться к земле больной ступней*). М-м-м! Ко-нец! Пропала нога...

ДЖУЛЬЕТТА. Ничего не пропала! Вывихнул, это да, а кожа цела.

РОМЕО. Ну, что же делать?

ВАЛЕРА (*болезненно морщась*). Идти. Всем идти, а я вас тут дождусь. Эх, на черта пошли. Без толку.

РОМЕО (тихо). Нет, с толком... Тут дом не-
подалеку. Иди туда и жди нас. Кто с ним ос-
танется?

Все поглядели на ГАЯНУ.

ОЛЯ (смутившись). Оставайся, Гаяночка.
СТАСИК. Гаянка, будь ему родной ма-
терью...

ГАЯНА. Ладно. Хочешь?

ВАЛЕРА (не глядя на Гаяну). А мне все
равно. Стась, давай мне твои кеды, а то в са-
пог больно залезть. А сапоги сам надень.

СТАСИК надел сапоги и кинул кеды ВАЛЕРКЕ.

РОМЕО. Надо идти. Нельзя больше ждать.
До свидания, Валерка, до скорого! Понял?

Сцена IV

Болото

И лес вдруг кончился, словно обрубил его. Перед ре-
бятами лежала ровная ярко-зеленая поляна. А на том
конце ее виднелся маленький домик.

ГОЛОС ДЖУЛЬЕТТЫ. Ой! Я по колено
провалилась!

ГОЛОС РОМЕО. Давай руку, Джулька. Ну,
давай скорей...

ГОЛОС СТАСИКА. Смотрите, земля тря-
сется.

ГОЛОС ОЛИ. Ой, ой! Вся нога ушла.

ГОЛОС РОМЕО. А я почему-то не прова-
ливаюсь. Ой!

ОЛЯ. А вдруг это болото?

СТАСИК. Ну и что? Мы легкие. (И про-
пал.)

ОЛЯ. Стасик!

ДЖУЛЬЕТТА. Стаська-а-а! Где он?

— Бабушка! Мы не черти болотные, мы пионеры.

РУСТАМ (с ужасом). Его засосало.

РОМЕО. Вон, видите, рука, ну вот, за коч-
кой, не подойти, там топь.

ДЖУЛЬЕТТА. Стасенький, не шевелись...

РОМЕО. Сейчас... Сейчас. (Он снял штаны,
схватил конец одной брючины, а второй ки-
нул Стасику.) Хватайтесь за меня...

СТАСИКА засосало крепко, и тащили его долго. Но на-
конец с громким «шлюп» он вывалился на дрожащую
травяную подстилку. Снова заморосил дождик. Ребята
взялись за руки и пошли дальше, страхуя друг друга.

СТАСИК. Стойте! Я же босиком иду... Где
Валеркины сапоги? Все! Сапог нет... Кран-
ты!.. Ну, ничего, можно и босиком.

Кое-как добрались до домика. Это была избушка лес-
ника. На пороге стояла столетняя морщинистая стару-
ха. Она со страхом глядела на грязных, вымокших,
измученных ребят и крестилась.

СТАРУХА. Тьфу, нечистая сила!

ОЛЯ. Бабушка, мы не черти болотные, мы
пионеры.

СТАРУХА (недоверчиво). Пионеры! А из
болота повыскакивали. Там тропка идет на-
битая, где люди ходят, а вы из трясины —
прыг-прыг — нечисть!

СТАСИК. Бабушка, а нет у вас чего-ни-
будь на ноги?

СТАРУХА. Есть-есть, лапотки.

СТАСИК. Колоссально! Никогда в лаптях
не ходил!

Старуха вынесла из сени здоровенные лапти.

СТАРУХА. А может, заночуете?

РОМЕО. Нам нельзя. Корабль тонет, а мы
идем спасать...

СТАРУХА. А где он, корабль-то?

ОЛЯ. В море, бабушка.
 СТАРУХА. А море-то где?
 ДЖУЛЬЕТТА. Далеко, это на севере, где льды, где зима сейчас.
 СТАРУХА. Это вы, значит, туды?..
 РОМЕО. Нет, нет, мы в Знаменку.
 СТАРУХА. Так какое же там море?
 СТАСИК. Мы звонить. Ясно? Звонить. Дрын-дрын-дрын! Тут можно еще год разговаривать. Мы пошли.
 СТАРУХА. С богом, милые, с богом! Тут до Знаменки близко, верст пятнадцать, и то не будет.

Сцена V

В дороге

Сумерки. Кочки. Кусты. Ребята идут цепочкой.

СТАСИК. Стойте. Я не дойду... Я все ноги стер.
 РУСТАМ. Да сними ты эти лапти. Иди босиком.
 СТАСИК (*послушно скинул лапти*). Босиком хорошо... Ой!
 РОМЕО. Ну, что?
 СТАСИК. Что! Иглы впиваются. Больно невозможно как. (*Сел на землю, стал выковыривать занозу.*)
 РОМЕО. Стаська, знаешь, скоро стемнеет... Мы не можем ждать... Стаська, ты не обижайся... Иди к бабке... А мы быстро пойдем. Ну что поделаешь? Я бы тоже остался.
 СТАСИК. Так ты и оставайся, дай мне свои кеды и оставайся.
 РОМЕО (*грожащим голосом*). Нет, Стаська, не могу... Что хочешь обо мне думай... Я никак не могу. Ну, если бы со мной что случилось... тогда. А вот так...
 ЛУНЕВИЧ (*с отчаянием*). Ну, что же делать?
 ДЖУЛЬЕТТА. Может, правда, останешься, Стасенький?
 РОМЕО (*твердо*). Конеч! Стасик остается. А мы идем дальше.

И побежал. А за ним все. Бежали долго, пока не выбились из сил. И вдруг РОМЕО остановился как вкопанный. Слева и справа лес перерезал широкий дренажный ров.

ОЛЯ. А может, перепрыгнем? Сколько тут?
 РУСТАМ. Метра три будет.
 ОЛЯ. А я три сорок прыгаю.
 РОМЕО. А я — нет! Я и трех не прыгаю. Я плохо прыгаю... Эх! Надо было Стаське кеды отдать. Но придется прыгать. Другого пути нет.
 ДЖУЛЬЕТТА. Видали психа? Ты же три метра никогда не перепрыгнешь!
 РОМЕО. Оляка, попробуй первая, ты длинная...

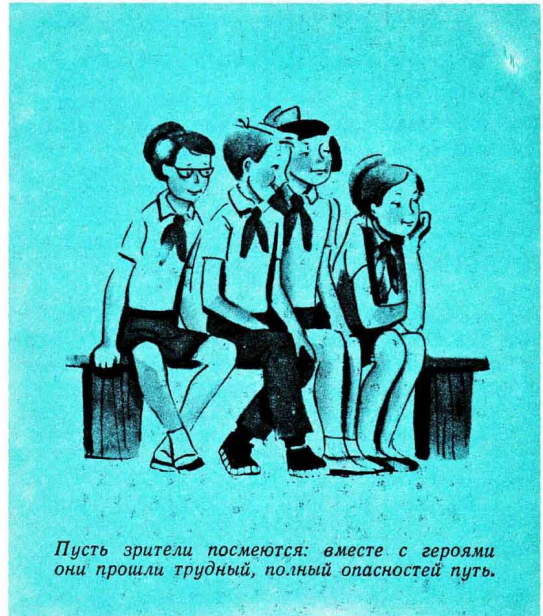
ДЖУЛЬЕТТА (*вздыхая*). Стаськи нет. Он бы сейчас чего-нибудь сказал. Тоска какая!.. У, ров проклятый!

ОЛЯ отошла шагов на пятнадцать и вдруг побежала, на последних шагах разогналась... Удар ноги о землю... Толчок... Полет в воздухе, надо рвом, и приземление на четвереньки на той стороне.

РОМЕО. Ура! Оляка, ты гений! Прыгаем, прыгаем все! Скорей! Скорей!
 ОЛЯ. Прыгайте! Я страхую!

РОМЕО отбежал шагов на десять, потом еще шагов на десять, и еще немного. Зажмурился, заставляя себя начать разбег, потом яростно закричал: «А-а-а!» — побежал, оттолкнулся, прыгнул и упал животом на кромку, а ноги заелозили по намокшему скату. ОЛЯ схватила его за куртку и, как мешок, выволокла на край рва.

РОМЕО. Два есть! Джулька, давай!

Пусть зрители посмеются: вместе с героями они прошли трудный, полный опасностей путь.

ДЖУЛЬЕТТА стала очень серьезной, тихой и не спеша пошла на разбег. Она носком провела черту, приготовилась и побежала. Она бежала все быстрее и быстрее и вдруг, когда оставалось только оттолкнуться, разом застопорила бег и резко повернула в сторону.

ОЛЯ. Не бойся, не страшно!
 РОМЕО. Джуля, ну еще разок.

И снова ДЖУЛЬЕТТА вернулась к своей стартовой черте и помчалась вперед, упрямо наклонив голову, и снова, не добежав двух шагов до прыжка, свернула в сторону.

ДЖУЛЬЕТТА. Не могу!
 РОМЕО. Почему?
 ДЖУЛЬЕТТА. Боюсь.
 РОМЕО. Преодолей.

Но ДЖУЛЬЕТТА только качала головой и вдруг заплакала.

ДЖУЛЬЕТТА. Иди, Ромик, идите одни!

РОМЕО. Вы с Рустиком бегите к бабке. Бегите скорей! Скоро темно будет.

Сцена VI

У озера

Когда подошли к озеру, было уже совсем темно. У самого берега лежали старые бревна, застрявшие здесь, должно быть, от весеннего сплава.

РОМЕО (*невесело*). Эх, Оля! Где наша не пропадала! Попробуем на бревнах?

ОЛЯ (*доверчиво*). Конечно, давай.

РОМЕО. Оля, ты Верная Рука, друг индейцев. Давай свяжем два бревна вместе, и будет устойчиво. Только чем?

ОЛЯ. Моими тренировочными.

РОМЕО. Ты, Моцарт — бог, и сам того не знаешь. Я знаю, я...

ОЛЯ. Что?

РОМЕО. Ничего... Пушкин. Поплыли?

ОЛЯ. А чем грести?

РОМЕО. Ладощками. Вот так. Ну, Кон-Ти-ки, вперед. Я буду «Кон», а ты «Ти-ки».

ОЛЯ. А я и не знала, что ты такой веселый, даже веселей Стасика.

РОМЕО. А я тоже не знал, что ты такая...

ОЛЯ. Какая?

РОМЕО. Просто... такая...

И вдруг откуда-то донеслись тихие стучащие звуки.

РОМЕО (*шепотом*). По-моему, это моторка?

ОЛЯ. Вот она! Эй, эй, стойте...

Ребята увидели лодку, которая шла прямо на них.

ГОРДЕЕВ (*хрипло*). Тонитя?

РОМЕО. Нет.

ГОРДЕЕВ. А чего делаитя?

РОМЕО. Пльвем. В Знаменку.

ГОРДЕЕВ (*с подозрением*). А чего на бревнах? Чудно чтой-то.

РОМЕО и ОЛЯ (*вместе*). Дядечка, миленький, пожалуйста, отвезите нас в Знаменку. Нам, понимаете, на почту нужно.

ГОРДЕЕВ. Да уж спит она!

ОЛЯ. Кто она?

ГОРДЕЕВ. Лидка!

РОМЕО. Ну, мы попросим, чтоб открыла. Нам очень нужно позвонить.

— Дядечка, миленький, пожалуйста, отвезите нас в Знаменку. Нам на почту нужно.

Сцена VII

Почта

В тесном помещении сельского узла связи сидели четверо: РОМЕО с ОЛЕЙ за деревянным столом, у двери на скамье курил рыбадзор ГОРДЕЕВ, а над главным

— Але... Але... Мурманск, Мурманск.
Рыбный порт? Начальника!

почтовым столом с черным телефоном наклонилась молодая женщина в пальто поверх рубашки. Она терпеливо крутила пластмассовую ручку на аппарате.

ЛИДА. Але... Але... Девочка, ты кто?.. Марина? Мариночка... Это Лида из Знаменки... Дай-ка город... Дай, милая, поскорее. Да тут не поймешь что. Тонет кой-то... Да нет, не у нас... В море где-то... Люди какие-то тонут... Дай поскорей. Я тогда тебе тоже чего-нибудь хорошее сделаю. Вот спасибо... Город... Город. Я — Знаменка. Девочка, миленькая... Мурманск надо по-быстрому... Значит, надо, миленькая, раз звоню. (И, оглянувшись на Ромео, зашептала.) Номер?.. Номер какой?

РОМЕО. Я не знаю... Рыбный порт... наверное. Начальника там, кого-нибудь...

ГОРДЕЕВ. Постарше — верней.

ЛИДА. Але... Але... Мурманск, Мурманск. Рыбный порт? Начальника! Начальник...

РОМЕО растерянно взял трубку.

РОМЕО. Да! Здравствуйте. Это кто? А! Вот... Слушайте, пожалуйста. Внимательно. Траулер СРТ-248, там шторм, у него сломался винт и руль тоже, их надо спасти. Сде-

айте, чтобы их спасли... 71°22' северной широты и 20°00' восточной долготы. Мы по радио услышали, утром, в шесть... Нет, не я, другой мальчик, но это неважно... Да... Да... Моя фамилия — Козлов. В седьмом классе. Передам... Спасибо...

ГОРДЕЕВ. Ну, что там?

РОМЕО. Все в порядке. Все живы, всех спасли! Вертолеты послали и спасли. Хорошо!

Они вышли на пустынную улицу. Светало.

РОМЕО. Он сказал, что если бы не звонок из Североморска, не радиограмма из Ленинграда от одного коротковолновика и не сигнал с Новой Земли, наше сообщение было бы первым.

ОЛЯ. А все-таки обидно, что мы не первые.

РОМЕО. Да брось ты, Олька! Если бы мы были первыми, их бы только сейчас начали спасать. А так они уже четыре часа дома.

ОЛЯ. Но выходит, мы зря шли. Выходит, Валерка был прав?..

РОМЕО. Нет, не прав! Не зря... Все равно

это... это было... Если бы я был петухом, я бы закукарекал...

ОЛЯ. Ну и кукарекай на здоровье!

РОМЕО набрал полную грудь воздуха. «Ку-ка-ре-ку!» — разнеслось по деревне. И все знаменские петухи закукарекали в ответ. Видно, решили, что уже утро.

КОНЕЦ

Итак, вы прочитали пьесу, ознакомились с действующими лицами. Вы ее поняли. Поняли, что, если в пьесе четырнадцать персонажей, их должны играть четырнадцать актеров. Поняли, что действие происходит главным образом в лесу, где-то между рекой, болотом и Знаменским почтовым отделением. Но не спешите. Все это ни в какой мере не решает вопрос: каким образом ровные, отпечатанные типографским шрифтом буквы превратить в объемное, жизненное, правдоподобное действие в условиях театра.

Вот вы и задумались. Перед вами возник простой на первый взгляд вопрос — как? Я несколько не сомневаюсь, что вы справитесь с этой проблемой. Итак, как?

Во-первых, я бы разобрался в том, что происходит между персонажами пьесы. Взял бы, например, первую сцену и попытался определить в ней самое главное событие и те, то самое событие, которое больше всего волнует действующих лиц, и не просто волнует, а не дает им покоя на протяжении всей сцены.

Конечно, это — крушение. Как бы ребята ни старались его забыть, оно будет напоминать им мокрой одеждой, «разбрызганным» хлебом. Будь моя воля, я бы актера, играющего Ромео, просто заставил бы страдать от неустойчивости посреди холодного леса и именно в этой сцене вложил бы в его уста текст Пролога.

Вы только представьте, как зазвучат тогда слова о дружбе, о коллективе. А песня!

М-м-мы в-н-на ш-ш-школьной скамье,

С-с-словно в п-п-птичьей семье... — поет Ромео. И ребята подхватывают, дрожа от холода, зуб на зуб не попадая:

В-в-в с-с-стае...

Уверю вас, сцена получится живой и искренней.

Ведь хуже всего, когда актеры говорят слова только потому, что они существуют в пьесе.

Перечитаем третью сцену: «Солнце уже высоко. Впереди, не разбирая дороги, идет Ромео»... Идут по лесу ребята, движимые желанием спасти СРТ-248. Ну, с Минаевым случилось несчастье: ногу вывихнул. Ну, Стасик угостил Джульетту черникой, а Джульетта решила, что это Рустам... Все это как будто легко увидеть, изобразить, проиграть. А жизни, живой сцены не получится. Почему?

Мы оказались невнимательными. Мы забыли, как это с нами бывает, что происходит со Стасиком, что движет им? Почему повсюду за Стасиком следует Шарафутдинов? Это очень важно. Это и наполняет придуманную драматургом сюжетную линию признаками настоящей, непридуманной жизни.

Таким образом, мы убедились, что поставить пьесу — это значит прежде всего избежать досадных ошибок в логике поведения наших героев.

Но жизнь оказалась бы нам невыносимо скучной, если б мы видели в ней только логику, и спектакль наш очень скоро утомил бы зрителей. Я смело могу заявить, что четвертая сцена дает нам возможность поразить самого искушенного зрителя и заставить его долго вспоминать спектакль.

Болото... Сомневаюсь, что найдется на свете человек, для которого это слово было бы чем-то исключительно притягательным. Мы просто обязаны заставить нашего зрителя поволноваться за судьбу штурмующих трясины героев. Если наши актеры по-настоящему поверят в нарисованное болото, они — я по опыту знаю — забудут, что болото нарисовано. Обманите зрителя тем, что вы очень точно изображаете свою реакцию на болото. Вам будут сочувствовать. За вас будут переживать.

Здесь-то и наступает самый интересный момент. Не давайте зрителю опомниться. Смело делайте старуху...

бабой-ягой, уставшей и доброй. Больной и одинокой. Мы же договорились, что это театр. Уверю вас, зритель останется благодарен. Мы заставили его волноваться, мы его рассмешили. Он внимательно следит за действием, а значит, с ним можно уже говорить всерьез.

Ромео и Оля добрались до деревни, они позвонили и дозвонились. Навянный зритель думает: это — главное. А главный вопрос в пьесе другой: зря они шли или не зря? Даже если шли напрасно и люди сняты с тонущего корабля. Очень важный вопрос. Настоящий.

Ясно, что в споре между Валерием и ребятами, Валерием и Ромео побеждает Ромео. Уставший и изможденный, вдруг поняв, что с ним произошло, на деревенской ночной улице Ромео... кукарекает. И пусть в этой сцене не будет пафоса, утверждающей правоты героя. В общем, ребята совершили то, что обязаны были совершить по написанному закону человека. Пусть в этой сцене у зрителей и у героев наступит физическое расслабление. И смех. Зрители ведь тоже прошли вместе с героями трудный путь.

Вы думаете, мы ответили на вопрос, возникший в самом начале разговора: как поставить пьесу? Ни в коем случае! Все только начинается. Начинается с того, что я не советую вам ставить «Без трех минут ровно» на сцене. Я не знаю, как ставить ее на сцене.

Разыграйте ее в лагере! В настоящем лесу. Действие организуйте по кругу, в центре которого рассядутся зрители. Переходите от сцены к сцене совету по часовой стрелке. Актеры при этом могут углубляться в лес, проходить через зрителей. Если понадобится, можно пройти круг несколько раз. В первой сцене предлагаю вытащить настоящую лодку, разрисовать, расписать ее, по траве разбросать рюкзаки. А на роль тракториста можно пригласить настоящего тракториста. Я не обещаю вам, что он согласится. А вы рысните! Или же придумайте, как сделать спектакль совершенно другим, не похожим на то, что я предлагаю. Что поделаешь, ведь мы с вами творческие люди!

Олег КИСЕЛЕВ, режиссер школьного «Театра на улице Достоевского», г. Москва

МОРСКАЯ ПОЧТА*

Шкипер, бросивший в море бутылку,
Снятый с острова в жарком бреду
Кораблем, проходящим впритирку
К мели, на самом малом ходу,
Шкипер, море на ферму сменивший,
В Новой Англии домик купивший,
На песке подбирает, шутя,
Ту бутылку три года слустя.

Не люблю я морские рассказы.
Но зачем в ленинградском окне
Сквозь дворовые липы и вяза
Этот шкипер мерещится мне?

Пол-литровая почта морская
На руке его сохнет, сверкая,
И в чужом, нелюбимом краю
Он читает записку свою.
На виске надувается жилка,
Плачет он среди белого дня.
И до смертного часа бутылка
Утешает его...

* В основу этого стихотворения легло подлинное происшествие с одним английским моряком.

ПЕРЕПИСКА С ДРУГОМ

Прельщусь ли облаком летящим, —
Помечу крестиком его.
И друг, из дома выходящий,
Гонца узнает моего.

Он удивится: что за способ
Писать? Летающий привет
Посеребрен, и сбоку розов,
И ослепителен на свет!

Пойдет туда, где волны плещут,
Из многих выберет одну,
Других и выпуклей и хлестче,
Поставит метку на волну.

Найдет волна меня морская,
На ней — лиловое клеймо.
И буду думать, отступая,
Как мне прочесть его письмо?

ПОЛДЕНЬ

Ровно в полдень, как из пушки,
Над Невой палят из пушки.
Вы болтаете? — Ба-бах!
Гибнет слово на губах.

Не поднимется. Готово!
Ленинград глядит сурово.
Ровно полдень. Бой часов.
Больше дела. Меньше слов.

ГИМНАСТКА

В упражненьях на бревне
Столько ловкости и блеска!
Ты скользишь по всей длине,
Как по нитке занавеска.

Этот белый узкий срез,
Эта скользкая полоска —
Твой простор, твой край небес,
Твой приятель мягче воска.

На одной стоять ноге,
Широко раскинув руки,—
Все равно, как нам в реке
Плавать медленно на круге.

Мы в конце концов пойдем,
Разглядим под ярким светом:
Не везет тебе во всем
Остальном, но в этом, в этом...

Кто над рифмой, кто во сне,
Кто за флейтой, кто над бездной —
Ты всех лучше на бревне.
Это тоже дар небесный!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ВЕСНА

Без шляпы, в пальто нараспашку
По кромке гранитной пойдешь,
Поймаешь чужую фуражку
И чью-то косынку спасешь,
И тут же вприпрыжку шагает
Нева на нетвердых ногах,
И ветер весенний гуляет
В широких ее рукавах.

ИМЕНА

Потому и возможна на свете
Жизнь, в несметности всей и красе,
Что тайфуны, и звезды, и дети,
Даже бабочки названы все.
Потому и проснуться не страшно.
Ночь как ночь. И метели метут.
И Кремля безымянную башню
Безымянная — так и зовут.

Шпага командора

ВСЕ стрелки уже крепко спали, кроме одного, латавшего обувь при свете костра. Услышав шорох, он насторожился: кто это бродит ночью в глуши? Наверно, с горы, осыпая на ходу камешки, спускается медведь.

Стрелок вскинул ружье, но его остановил спокойный голос:

— Стреляй не надо! Моя — люди!

К огню подошел человек. Узкие, с монгольским разрезом глаза остановились на подымавшемся ему навстречу начальнике.

— Здравствуй, капитан!

Следуя таежному обычаю — прежде, чем спрашивать гостя, надо его накормить, — начальник пригласил незнакомца поесть. Тот поблагодарил: «Моя шибко хочу кушай».

Так семьдесят лет назад у истоков реки Лефу на всю жизнь завязали узелок дружбы русский офицер Владимир Арсеньев и следопыт уссурийских лесов нанаяц (гольд) Дерсу Узала.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Тогда они еще не знали, что от этой ночи родится книга, свежая, как лесная роса, что при свете походного костра с котомкой за спиной, в оленьей куртке, загорелый, скуластый, с огрубелыми, исцарапанными руками охотника в литературу войдет новый герой.

Тогда они еще только познакомились, но наутро отряд Арсеньева повел новый проводник — Дерсу Узала.

Он шагал рядом с Арсеньевым и в его последующих экспедициях 1906 и 1907 годов. Вместе они мокли под дождем, вязли в болотах, вместе, когда кончились запасы продовольствия, голодали, подбирая медвежьи объедки — рыбы головы, пробуя на зуб жесткую, как подошва, кожу изюбря, вынутую из котомки Дерсу.

Вместе они охотились. Еще не видя зверя, Дерсу чуял запах кабанов за полтора шагов. Стрелял он так метко, что мог на спор несколько раз вспенить выстрелом воду под уткой, не причинив птице вреда. Охотился Дерсу не для корысти, а чтобы прожить, и признавал за зверем равные охотничьи права. Однажды Дерсу застрелил оленя, но тут появился тигр, явно претендующий на добычу. И Дерсу, оставив Амбе добычу, ушел, извинившись перед тигром за то, что охотился на его участке. Но как он стыдил другого тигра, который коварно начал обходить отряд: «Что тебе нужно, Амба? Наша дорога ходи твоя мешай нету. Как твоя сзади ходи? Али в тайге места мало?»

Как никто умея читать следы, Дерсу был для отряда живой таежной газетой. По брошенной, стоптанной обуви он определял возраст ее владельца: молодой ступает на носок, старик протаптывает пятку. По сломанным сучкам мог составить целый рассказ: когда, куда и в каком строении следовал неизвестный охотник. Охотник весел, если возвращается с добычей. Тогда он не петляет, а спешит домой напрямик.

Дерсу был для отряда бюро погоды. Его корреспонденты — гуси и утки — предсказывали приближение бури раньше, чем стрелка барометра. Ведь птицам надо было вовремя укрыться, от этого зависела их жизнь. И не случайно ворона садилась на сук носом против ветра, иначе ветер задувал бы ей под перья. Но какой нужно было иметь зоркий глаз, чтобы в зеленом сумраке леса заметить, куда повернут вороний нос!

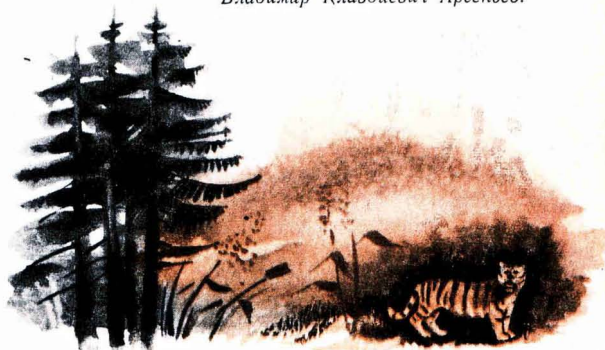
И гусь, и ворона, и кабан, и тигр были для Дерсу «все равно люди, только рубашка другой». Он уважал все живое, за исключением крота. За кротом никто не охотился, мясо его не ели, значит, крот никчемный, никому не нужный зверь.

Быть нужным, помогать людям — вот что служило компасом для не знавшего зависти и корысти сердца Дерсу. Про бесстыдно жадного возчика Дерсу сказал: «У него лица нет», — считая, что человек, потерявший совесть, потерял лицо.

В котомке умещалось все имущество Дерсу: полотнище от палатки, две старенькие рубашки, пороховница, ружейные гильзы, веревки, нитки, иголки, чай, табак, копытца кабарги, когти мед-

Владимир Клавдиевич Арсеньев.

ведя и рыси и редкость в тайге — пустая бутылка, которой Дерсу очень дорожил. Но и эту бутылку он отдал знакомому китайцу с той же щедростью, с которой подарил Арсеньеву дорогостоящий корень женьшень.

Дерсу последним оставил плот, который несло к водовороту. Дерсу не раз выручал отряд из беды. Арсеньев считал себя в неоплатном долгу перед другом, который во время пурги спас ему жизнь. Свой долг Арсеньев уплатил сполна, но уже после смерти Дерсу.

Честь охотника запрещает удэгейцу нарушить «закон тигра». Если животное, которое выследил охотник, спит, охотник обязан разбудить его криком, так же как тигр предупреждает рычанием. Стрелять в спящего зверя позор.

Что же сказать о негодяях, поправших не только «закон тигра», но и закон человека! Польстившись на убогую котомку, эти «убийцы без лица» застрелили Дерсу в то время, когда он спал.

Но Дерсу — герой повести Арсеньева — живет и будет жить. Написав о погибшем друге книгу, Арсеньев подарил ему жизнь на века, всемирную славу и любовь миллионов людей. В эту книгу влюбился, по его собственным словам, Алексей Максимович Горький. Мужественный и трогательный образ охотника нанайца Горький поставил выше «Следопыта» из романа Фенимора Купера.

И в «Дерсу Узала», и во «Встречах в тайге», и «В горах Сихотэ-Алиня» — во всех книгах Арсеньева есть еще и другой герой — сам Уссурийский край.

Читая эти книги, мы словно видим, как распускаются лиловые ирисы, дикие орхидеи, желтые и красные лилии, как из дупла огромного дерева выглядывает белогрудый медведь; как колышутся травы, настолько высокие, что человек тонет в них, будто в зеленом море, ничего не видит, кроме неба над головой; как на птичьей базаре непуганая кайра продолжает насиживать яйцо, хотя ее спины коснулась человеческая рука.

Читая книги Арсеньева, мы слышим грохот океанского прибоя, клочкотание воды в реках, которые запрудили рыбы косяки, шум дремучей тайги, крики перелетных стай, чьими силуэтами, словно гигантской паутиной, заштрихован горизонт в осенние дни.

И хочется по-птичьи сорваться с места и лететь туда, где север соседствует с югом, где растут и дикий виноград и ель, где живут и соболь и тигр, — на сказочно богатый и прекрасный Дальний Восток.

Этой осенью исполняется 100 лет со дня рождения Владимира Клавдиевича Арсеньева. Он прожил 58 лет, из них 31 на Дальнем Востоке.

Сын петербургского железнодорожного касира, Володя Арсеньев в детстве мечтал стать путешественником. Целеустремленный, настойчивый, он и выросши не изменил своей мечте. В 1899 году молодой офицер получил назначение на Дальний Восток, край тогда еще мало изученный.

Сперва Арсеньев был начальником охотничьей группы, которая ловила диких лошадей и отстреливала одичавших быков. Потом в его руках появился планшет топографа. Дважды он возглавлял экспедиции Русского географического общества, в труднодоступных районах Сихотэ-Алиня наносил на карту извилины рек и отроги гор.

На собственном опыте молодой начальник узнал, что путешествие по тайге — труд и тяжелый и опасный, суровая проверка таких человеческих качеств, как мужество, смелость, стойкость и терпение.

Путь преграждали трехметровые баррикады из навалившихся друг на друга мертвых стволов. При попытке пробиться через опутанные лианами заросли одежда превращалась в лохмотья. Врача в экспедиции не было, нарыв на ноге Арсеньев вскрывал сам перочинным ножом. Досаждали клещи и еще больше мошка — гнус. Она падала в чай, набивалась в ружейные стволы, вилась над лицом серым облачком.

Но если перетерпеть, не расчесывать, опухоль на лице от укусов гнуса исчезала дня через три, а записи в дневнике оставались: о крыжовнике с колючками на ягодах, о встрече с тигром уже не во сне, как в юности, а наяву, о пляске светлячков, о траве, ради которой изобрели летом лезут в реку, о шаровой молнии, о филине-рыболове, о том, как кабаны оттачивают клыки. Арсеньев неутомимо пополнял свои знания по ботанике, зоологии, географии. В его книгах точность описаний и наблюдательность ученого сочетаются с талантом писателя.

Горький говорил, что талант — это любовь. Арсеньев сроднился с Дальним Востоком, полюбил этот край, его природу, его людей.

Он познакомился с удэгейцами, нанайцами, эвенками еще при старом режиме, когда в стойбищах не было ни школ, ни больниц, когда целые семьи вымирали от голода. Чтоб оправдать свою нерадивость, царские чиновники пытались изобразить народности Дальнего Востока как неспособных к культурной жизни дикарей. Но честный глаз будущего писателя сумел оценить одаренность и душевное благородство людей, одетых в грубые оленьи куртки, в шапочки с беличьим хвостом.

Не обученные грамоте и другим наукам, они могли до мельчайших подробностей со слов запомнить маршрут на шесть дней вперед.

Они жили в суровых условиях: в стойбище не было мужчины, не отмеченного шрамом на теле от медвежьих когтей или кабаньих клыков. Мать, чтоб успокоить младенца, окунала его в снег, над колыбелью ребенка вместо погремушек вешали ружейные гильзы и копытца кабарги от дурного глаза. Пусть мальчик растет смелым и сильным, пусть понимает зверя, как тот охотник, что без аркана привел к своему дому из леса живого лося.

Они жили бедно, но делились всем, что имели, с попавшим в тайге в беду. Две удэгейские семьи обули, одели, выходили оборванных, обесилевших после шестидневной голодовки людей из отряда Арсеньева. В книгах Арсеньева, кроме главного героя Дерсу, есть и другие охотники, рыбаки и рыбачки. И обо всех о них автор рассказывает с любовью и уважением.

У жителей тайги хорошая память. Они могут показать место, где несколько лет назад опрокинулись нарты. И особенно они внимательны к доброму. Удэгейцы называли Арсеньева «чжанге» — начальник. Слух о чжанге-друге прошел через всю тайгу до берегов океана.

В 1927 году Арсеньев совершил свою последнюю в жизни экспедицию, описанную им в книге «Сквозь тайгу». Он побывал на Командорских островах, названных в честь начальника двух знаменитых экспедиций Витуса Беринга, выходца из Дании, для которого Россия стала второй родиной. Местные жители алеуты передали Арсеньеву старинную шпагу с выгравированными на ней инициалами «В. Б.». Это была шпага командора.

Что общего между шпагой и книгой, между человеком, чье имя носит пролив, разделяющий Чукотку и Аляску, и писателем Арсеньевым? Они из одной породы открывателей. Книги Арсеньева открыли миллионам читателей не только богатства природы Дальнего Востока, но и духовные богатства народностей, влившихся как равноправные в братскую семью народов великой Советской страны.

НИНА

ПЛЫВЕТ

НА

Олимпиаду

М. АЛЕКСАНДРОВ

фотографии А. БОЧИННА.

В плавательном бассейне шла обычная тренировка. Трибуны для зрителей были пусты, гулко раздавался голос тренера:

— Приготовиться... Пошли!..

Четыре загорелых фигуры устремлялись с белых стартовых тумбочек в зеленоватую воду. Вынырнув,плыли до конца дорожки, поворачивали и снова плыли... Я насчитал четыре способа плавания: дельфин, на спине, брасс, кроль. Пловцы непринужденно меняли стили, стремительно преодолевая четырехсотметровую дистанцию: тренировались в комплексном плавании.

После каждого поворота впереди неизменно была голубая шапочка. Кто же это такой быстрый и неутомимый?

Наконец тренировка, похожая на соревнование, завершилась.

— Первой пришла Нина!— объявил тренер.

Нина Петрова.

Значит, среди пловцов была девушка? Трое ребят, широкоплечих, рослых, вышли из воды, подшучивая друг над другом:

— А где ты барахтался, Олег?

— Тебя-то вроде я тоже не заметил впереди!..

Я подошел к тренеру Нине Фоминичне Крюковой, в недалеком прошлом известной пловчихе. Она о чем-то разговаривала с невысокой большеглазой девочкой. Та согласно кивала головой: «Понятно... Постараюсь...»

— Познакомьтесь,— ска-

зала Нина Фоминична,— это Нина Петрова... Готовится к двадцатой Олимпиаде, поедет в Мюнхен. А ребята, с которыми только что она тренировалась,— мастера спорта международного класса...

Мы разговорились с Ниной. Она рассказала мне немного о себе.

Учится Нина в девятом классе. Учится хорошо, хотя приходится часто ездить на разные соревнования.

— Я очень люблю спорт,— сказала Нина.— Начала я с лыж. Мы жили рядом с Тимирязевским парком, и

родители всегда брали меня на лыжные прогулки. Потом отец купил как-то абонемент в плавательный бассейн. Вместе с подружками занимались мы в «лягушатнике». Думала ли я стать когда-нибудь рекордсменкой? Конечно, не думала. Но занятия мне нравились. Больше всего любила плавать брассом и в двенадцать лет стала мастером спорта. А вот на спине не любила плавать. Почему-то все время вода лезла в нос, я задыхалась. Нина Фоминична помогла мне понять, в чем дело: голову я слишком зарывала в воду... Знаете, как трудно овладеть техникой плавания! Каждое движение должно быть точным, оправданным. Часами бьешься. Мне кажется, многие не становятся хорошими пловцами только потому, что у них не хватает терпения. Но зато какая радость, когда вдруг почувствуешь: пошло дело! В испанском городе Барселоне на чемпионате Европы мне удалось установить всеобщий рекорд в комплексном плавании... Сколько мне было тогда лет? Уже четырнадцать. Мне тогда присвоили звание мастера спорта международного класса.

Теперь вот еду на Олимпийские игры. Конечно, волнуясь. Очень хорошо плавают американские и японские спортсменки, это сильные противники.

...Раз в четыре года торжественно открываются очередные Олимпийские игры. Вы, конечно, знаете, что на олимпийских знаменах и значках изображены пять разноцветных, сплетенных вместе колец. Это символ дружбы спортсменов всех пяти континентов Земли.

Известно, что сто пять стран заявили уже о том, что они пришлют свои команды на XX Олимпиаду! Вы, наверное, слышали о замечательном африкан-

ском бегуне из Найроби, олимпийском чемпионе Кипчого Кейно? Да, африканские и австралийские спортсмены тоже приедут в Мюнхен. Для двенадцати тысяч гостей построена олимпийская деревня, целый городок. Улицы его названы именами героев прошлых Олимпиад.

Около тридцати видов спорта будут представлены на Олимпийских играх 1972 года. Какое же это будет великолепное соревнование самых сильных, быстрых и смелых!

Даже за четыре года, прошедших со времени Олимпийских игр в Мехико, изменились представления о пределах человеческих возможностей. Стремительно растут рекорды. Скажем, еще лет десять назад казалось фантастикой, что человек может поднять полтонны (в сумме троеборья). А теперь, говоря о возможном рекорде будущей Олимпиады, называют цифру — шестьсот пятьдесят килограммов. Наш силач Василий Алексеев заставил вполне поверить в это.

А спринтер, преодолевающий 100 метров за 9,8 секунды, бегущий почти со скоростью электрички, разве не фантастика? Именно такой рекорд предсказывают специалисты по легкой атлетике.

Ждать осталось совсем недолго. Скоро прозвучат на весь мир олимпийские фанфары, вспыхнет олимпийский огонь. Телевизор и радиоприемники позволят всем нам следить за интереснейшей спортивной борьбой.

Мы все, конечно, будем очень волноваться, будем болеть за наших лучших спортсменов. И особенно за тех, кто первый раз принимает трудный олимпийский старт, как московская школьница Нина Петрова.

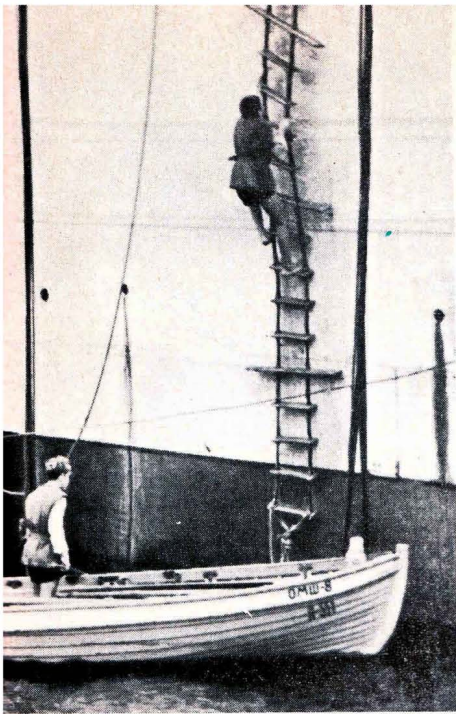
Фотографии В. АРСИРИЯ.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Хочешь стать

Эти ребята — воспитанники речного училища. Все они полюбили реку, флот, развеселую и строгую одновременно флотскую жизнь... Но окончат они училище, кем станут? Профессий у речников много.

Вот шлепает по Волге судно. На самом верху, на мостике, «мастер» — капитан. Он прокладывает курс. А внизу, в машине, «дед» — старший механик. Он слушает сердце корабля. А этот факир, что входит в дверь, на которой нарисован череп и кости, электрик. А в радиорубке напряженно слушает эфир «марконя» — радист. Сейчас минута молчания, не раздастся ли тревожного: «SOSISOSISOS!!!» И радист, и механик, и капитан, и электрик — все они окончили речное училище! И шлюзовой диспетчер, и начальник порта, и строитель канала там же учились. Даже геолог, что с теодолитом и планкой шагает по жаркой степи, тоже выпускник речного. По степи пойдет канал. Только специалист-речник сможет правильно выбрать для него трассу...

Ну, а девочкам в училище можно? Пожалуйста! Без плановых работников, без строгого учета вряд ли какой порт проработает хоть день. А капитаны просто не будут знать, куда им плыть!..

Девочек на наших фотографиях, правда, нет. Но это неважно! Каждый будущий речник проходит хорошую флотскую школу: учится управлять шлюпкой и ялом, ходить под парусами. Речник должен быть крепким и смелым. Обезьяной промчатся по подвесному трапу — это совсем не просто!

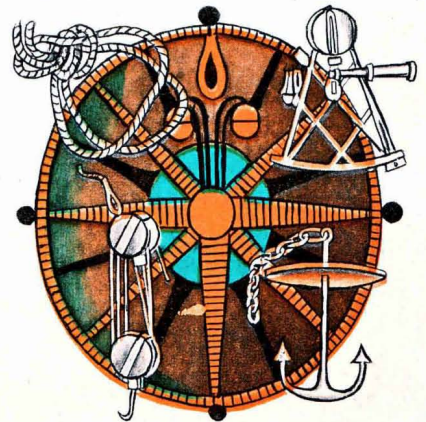
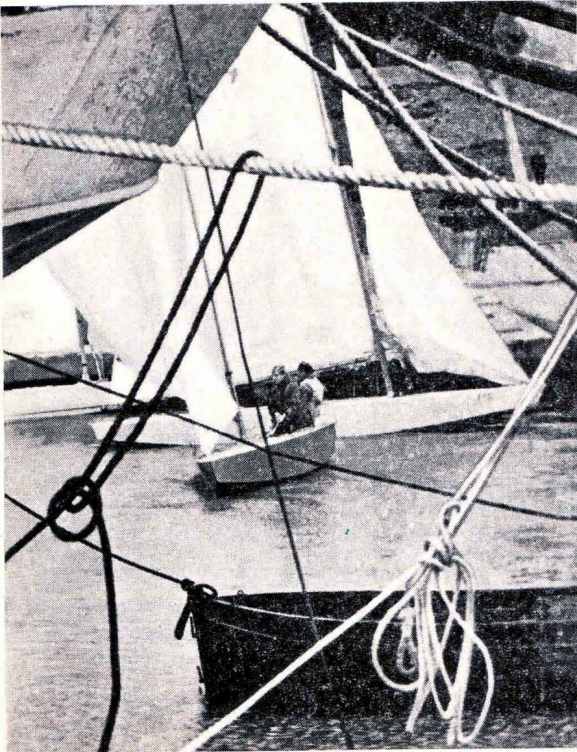
Поступить в речное училище можно после восьмого класса. Такие училища есть в Горьком, Благовещенске, Ростове, Перми, Ленинграде и многих других городах Советского Союза...

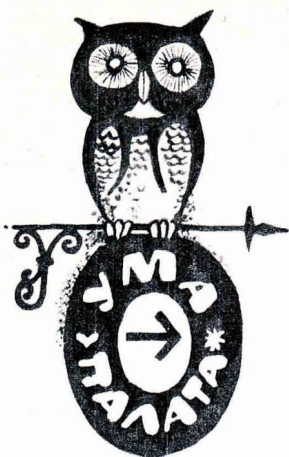
Кто-нибудь прочитает эту замет-

ку и скажет: «Пусть речником хорошо быть. А моряком лучше!» Нет, погоди! Знаешь, куда идет судно, на котором вся команда из речного? В порт Неаполь! Теперь строят особый тип судов — «река — море». Вот погрузили на него в Ярославле партию автопокрышек и пошли вниз по Волге, по Волго-Дону, по Азовскому, Черному, Средиземному морям — прямо в Неаполь. Раньше перегружали на океанские лайнеры, а теперь прямым ходом. Это куда быстрее, экономней... Да ведь страшно, небось, на крохотных суденышках по морю ходить? Кому как! А в речные училища берут только смелых ребят. Понял? Вот они какие, речники!..

СЕРГЕЙ ИВАНОВ.

речником?

Начнём с хвоста

По тропинке вдоль кустов
Шло одиннадцать хвостов.

Сосчитать я также смог,
Что шагало тридцать ног.
Это вместе шли куда-то
Петухи и поросята.

А теперь вопрос таков:
Сколько было петухов?

И узнать я был бы рад,
Сколько было поросят?
Срочно вышлите ответ.
До свиданья, всем привет!

ЖИВЖИВКА.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Похищение Буратино

На нашей киностудии снимается фильм «Похищение Буратино». Перед вами один из его кадров: шесть разбойников обсуждают план похищения.

Притаившийся в кустах капитан Перо-86 знает, что золотой ключик у Ди Валли Эзю. Но как его узнать? Никаких примет у капитана Перо нет. Он только знает, что разбойник Росси Марно близорук, Бьянчи Джулио молчалив, никогда не открывает рта. Камши Пьеро норовит всегда держаться рядом с Росси Марно. Ги Карло всегда ходит в шляпе. Нери Дино всегда становится позади Ги Карло.

Пораздумав, капитан Перо определил, где стоит Ди Валли Эзю. А вам удалось отыскать разбойника?

Кто болтает?

Кто молчит?

В этих с виду простых квадратах спрятались буквы А, Б, Р и еще с десяток букв, наложенных друг на друга.

Постарайтесь найти эти буквы и составить из них как можно больше «слов-болтунов» и «слов-молчунов». О чем говорят «слова-болтуны», вы прочитаете в стихотворении, оно-то и поможет вам отыскать «болтунов». А «слова-молчуны» попробуйте найти без подсказки.

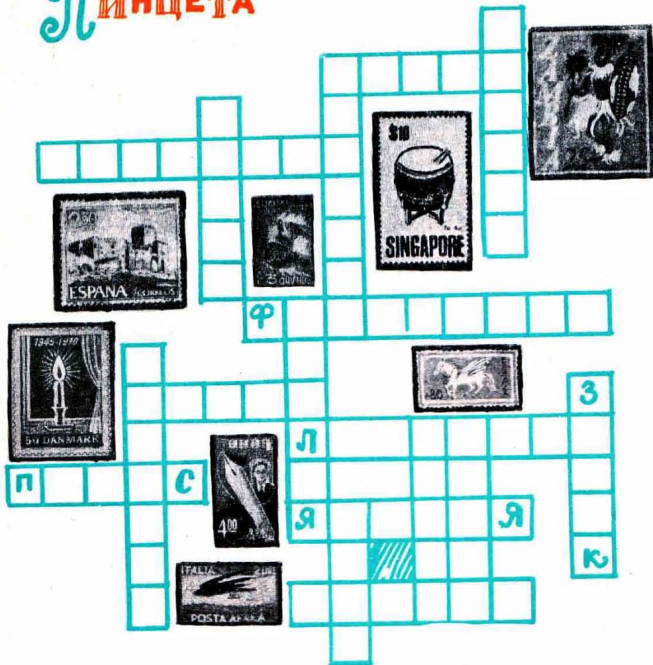
Дед Буквоед.

- Я не ворона и не галка,
- А я не рейка и не палка.
- А я утес в Долине Щек,
- А я попала на крючок.
- Я из муки, дрожжей
и соли.
- А я и днем и ночью
в школе.
- А я люблю колоть
дрова.
- А я цветок на букву «а».

- Во мне всю зиму спал
сурок.
- Меня не пустишь на
порог.
- А я люблю мою Сибирь.
- А я ушастый богатырь.
- Я приютил карандаши,
- А я живу в лесной
глуши.
- А мной любуются
рассвет.
- А на меня башмак надет.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Перед вами восемь марок. На каждой из них — рисунок и надпись, название страны, выпустившей марку. Прочитайте эти названия, а потом заполните наш марочный кроссворд. В него входят названия стран и тех предметов, которые изображены на марках.

Буквы, стоящие в клетках, — «подсказки». Они помогут тем, кто еще не очень хорошо разбирается в марках.

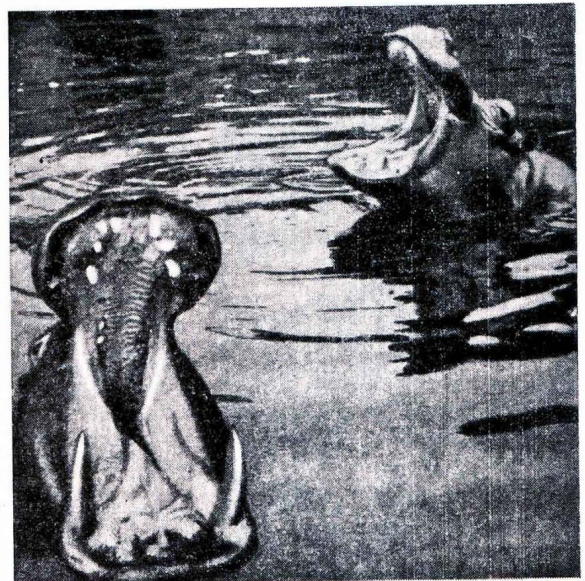
ПРИМЕЧАНИЕ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА.

Дорогие друзья, не огорчайтесь, если вы не сразу определите страну. Ждите ответов в следующем номере. Запомните эти ответы: они вам пригодятся для Больших игр, которые мы будем проводить в ноябре.

Рисунки А. Вовиковой.

Вот что сообщил Живживка

Два упрямых бегемота
Всполошили все болото,
Между ними спор идет:
Кто страшней разинет
рот?
Ваше мнение, друзья?
Я считаю

ДОЗЕП — 00
КЛИСЕН — 00
ШИЛЬКНОК — 000
ЧЕМОЛЬ — 00
БРЕСЯТ — 0

Хотите узнать, что думает Живживка? Тогда расставьте буквы в клетках слева так, чтобы из них получились слова, и впишите их в клетки справа. Из тех букв, которые окажутся в кружках, и составьте мнение Живживки.

**ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 7
ГДЕ БЛИЗНЕЦЫ?**
Близнецы на портретах под номерами: 1—10; 2—15; 3—12; 4—14; 5—17; 6—13; 7—16; 8—18; 9—11.
Задачи «Кто они? И где они? Общщи и не спугни!», «Волшебник Цифиркин» и «Уточните адреса» все ребята решили правильно.

О том, как сорок сорок попали в плен к четырем разбойникам, подслушали ужасную тайну и тем не менее спаслись на радость читателям

— Тише сороки,— прошептала бабушка Белобок.— Нам грозит страшная опасность! Слышите? Сорок сорок испуганно прислушались. Откуда-то издали, из-за деревьев, до них донесли хриплые голоса:

**Ты разбойник, я разбойник,
Нос—морковкой, хвост—трубой.**

Разбойники что-то задумали...

**Мой покойник — твой покойник,
Все свое беру с собой...**

— Да это разбойники! — ахнула Всезнайка.

— Мы пропали! — залилась горячими слезами Несмеяна.

— А может быть, это совсем не разбойники, просто кто-то поет разбойничью считалку,— сказала Соберика-Разберика.— В моей коллекции нет еще ни одной разбойничьей считалки.

— В ее коллекции! — возмутилась Ворчалка.— Да из нас самих, того и гляди, сделают коллекцию — коллекцию чучек! Самое лучшее — это убраться отсюда подобру-поздорову, пока не поздно.

— Нет-нет,— запротестовала Белобок.— Мы не можем улететь. Разбойники что-то задумали, и нам надо вывести их на чистую воду! ...Тем временем на лесной поляне четыре разбойника горланили:

**Мы отомстим негодным тварям.
Кого — простим, кого —
зажарим...**

— Кого это они хотят зажарить? — шепнула Белобок.

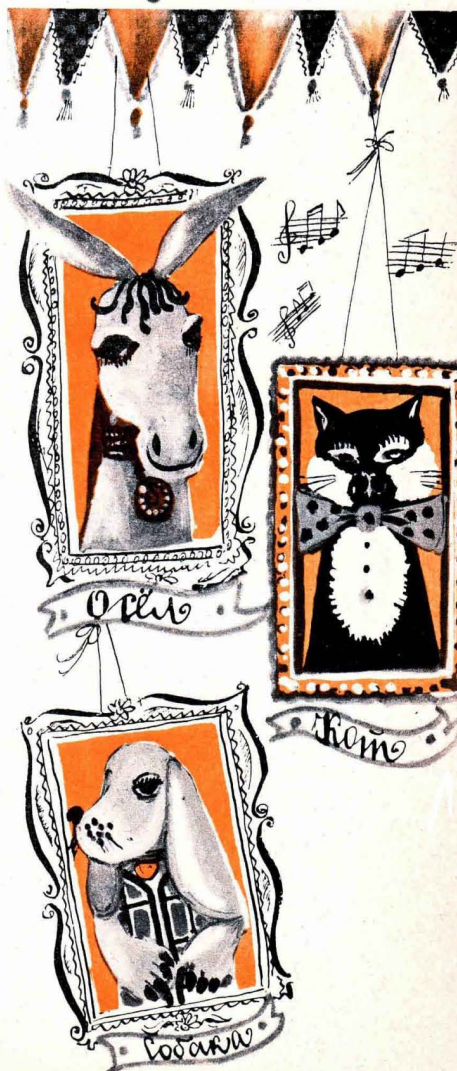
— Помолчи,— прервал ее Всезнайка.— Может быть, они сами проговорятся.

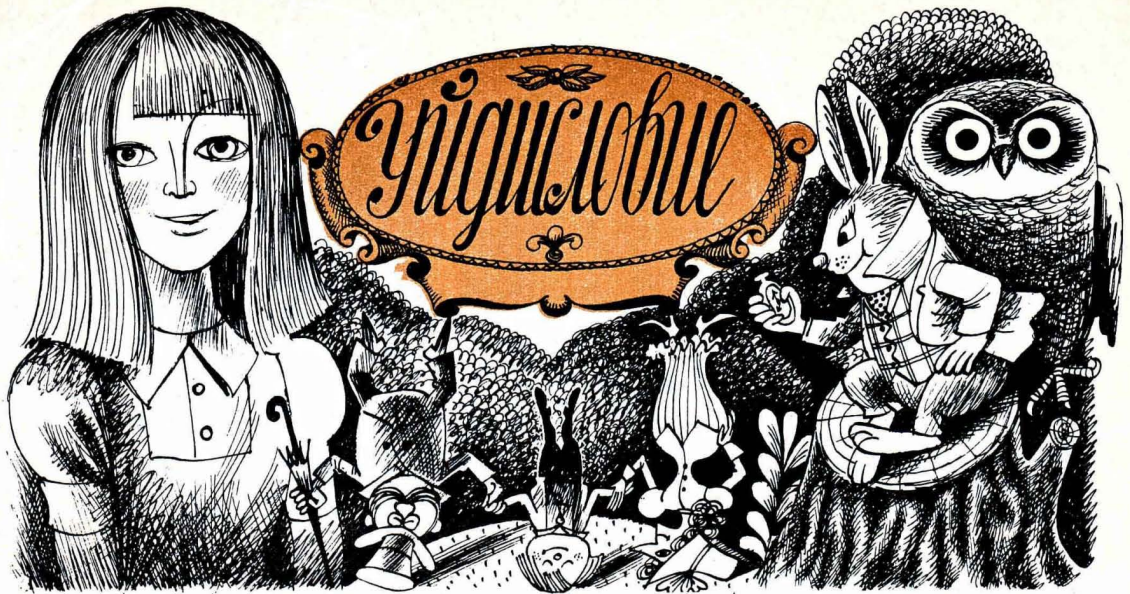
И тут разбойники, перебивая друг друга, закричали:

— Зарезем петуха, зажарим петуха!

— Бедный петух...— захныкала Несмеяна.— Мне его так жа-а-а-а-а-а-а...

— Тс! — зашикали на Несмеяну сороки.— Ты погубишь нас, плакса несчастная!

— Почему в книжках бывают ПРИДисловия, а УИДисловий не бывает? — спросил меня один маленький мальчик. — Ведь Придисловие — это вроде «Здравствуйте!», значит, нужно и «До свидания» — Уйдисловие...

Вот вы смеетесь, а, по-моему, он, по сути дела, прав!

Сейчас, во всяком случае, мне без уйдисловия не обойтись. Кончил я рассказывать про Алису. Поставил последнюю точку. Отнес рукопись в редакцию. Ее напечатали.

Кажется — все. Работа окончена.

Нет, не тут-то было!

Ведь вместе со всеми и я стал ее читать, хоть, сами понимаете, знаю эту сказку почти наизусть. Читаю и своим глазам не верю. Что такое? Писал я одно, а напечатано совсем другое! Да еще так хитро, что кто не знает, как надо, ни за что не догадается, что тут ошибка.

Ну, например, напечатано: «Все их так и звали — бедные сиротки». Как будто все правильно, верно?

А надо-то чтобы было: «...бедные сиропки». Ведь они питались, если верить Соне, одним сиропом...

Как же, думаю, так могло получиться?

Потом догадался.

В «Алисе» слова, как вы помните, играют в разные игры, показывают фокусы, превращаются одно в другое и вообще валяют дурака. А кому-то строгому это не понравилось. Он решил призвать их к порядку. Взял и исправил. И получилось... правильно, но неправильно!

Я тоже хорош: недоглядел, не успел вовремя за эти озорные слова заступиться.

Помните, Деликатес рассказывает Алисе свою историю и говорит: «Учителем был суший Змей Морской! В душе — Удав! Между собой его мы называли Питоном». Алиса удивляется, конечно, зачем его называли Пи-

тоном, если он не был Питоном, и слышит в ответ: «Он был Питон, ведь мы его питомцы».

Кажется, все верно, а надо: «Он был Питон, ведь мы его питонцы».

А когда Алиса жалуется, что пыталась прочесть стихотворение, а слова выходили совершенно не те, и Грифон с Деликатесом сочувствуют ей, поддакивают:

«— Да что, очень странно.

— Очень близко, и дальше ехать некуда!»

В этом случае Деликатес и Грифон тоже говорят совсем не те слова, что им полагается.

«— Да, это очень странно.

— Очень близко к дальше ехать некуда».

Вот что они должны сказать.

Вот прошу, если у вас еще сохранились журналы с «Алисой», исправьте, пожалуйста.

А самое главное исправление вот какое.

Есть в пятой главе место, где Алиса читает Синею Червяку стихи. Про папу и сына. Сын задает папе глупые вопросы и получает на них абсурдные ответы. Это очень смешное и очень знаменитое английское стихотворение. Мне очень хотелось его сохранить. И я его добросовестно перевел. И как будто получилось не так уж плохо.

Но такая уж коварная наша писательская работа: перечитываю я напечатанную сказку и с ужасом вижу, что это стихотворение («Милый папа») никак, ну просто никак сюда не годится! Ведь Алиса там сама признается, что путает все слова и все стихи! Читателю английской сказки это сразу понятно, потому что стихотворение — и само по себе смешное — вдобавок пародирует, передразнивает одно довольно известное в те годы в Англии нравоучительное стихотворение.

А для русского читателя никакой путаницы нет. Стишок и стишок. Словом, дал я маху!

И лишний раз убедился, что переводить «Алису» нельзя, — как и говорил, помните, в «Главе никакой»!

И пришлось мне написать совершенно другое стихотворение. Вот оно:

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Папа маленького сына
Терпеливо просвещал.

И хотя он (папа) вскоре
Посинел и весь дрожал,
Задавать ему вопросы
Сын упорно продолжал:

— Заяц белый, куда бегал?
— Чижик-пыжик, где ты был?
— Аты-баты, что купили?
(Даже это не забыл!)

Очень он хотел поставить
Старика отца в тупик!
Но, увы, на все вопросы
Отвечал шутя старик!

Сын спросил: — Скажи, на сколько
«Ре» трещит сейчас мороз?
Но отец и тут нашелся:
— На два «ре», молокосос!

— Ладно, — проворчал малютка, —
Вот тебе вопрос такой:
— Кто зовется Второпяхом?
Ах, попалась, птичка? Стой!

— Рано радуешься, мальчик, —
Осадил старик юнца, —
Как известно повсеместно,
Второпях — зовут отца!

И поняв, что все пропало,
Закричал отцу сынок:
— Что ты ржешь, мой конь ретивый?
(Лучше выдумать не мог...)

— Как же ты не постеснялся
Мне задать такой вопрос?
Ты ответишь мне сейчас же!
И не в шутку, а всерьез!

Да! Хотя довольно громко
(На два «ре») мороз трещал,
Все прохожие слышали,
Как малютка отвечал!..

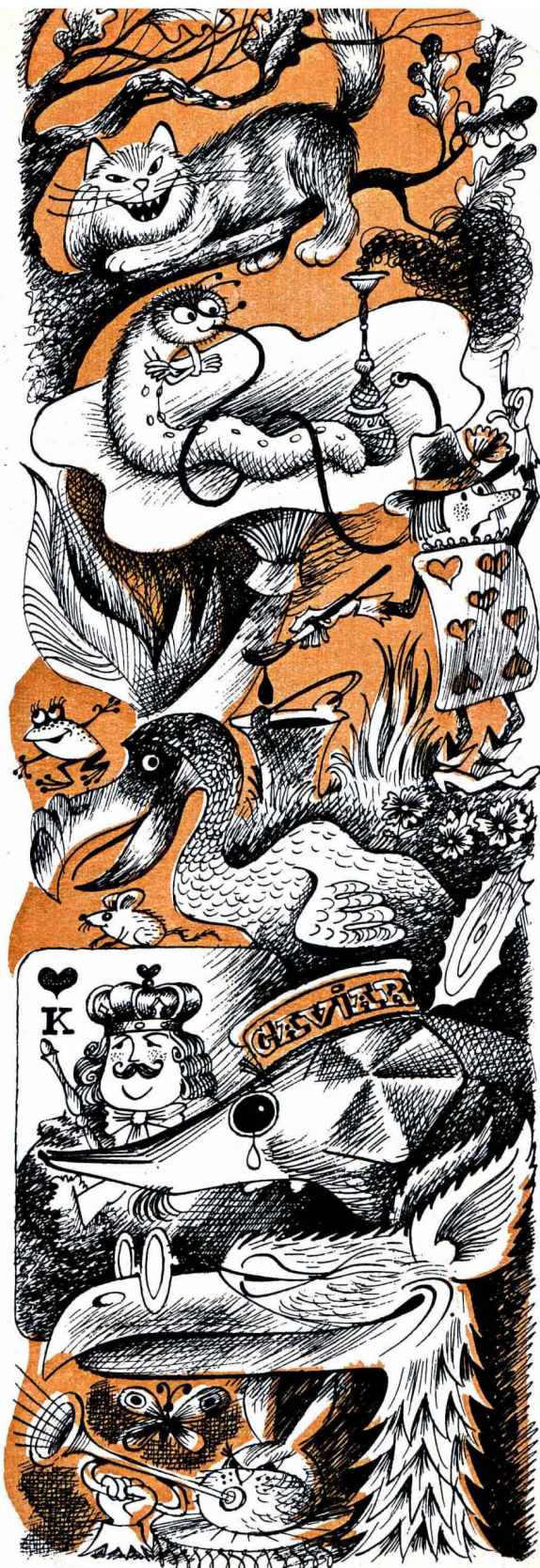
Интересно было бы узнать: согласны ли вы, что это стихотворение больше подходит, чем «Милый папа», или нет?

Во всяком случае, могу вас заверить, что тут уж Алиса побила все рекорды путаницы: она перепутала не одно, не два, а целых восемь стихотворений. Кто их все узнает, тот молодец!

Ну, на этом я могу со спокойной совестью закончить свое — очень длинное! — «До свидания!».

Ваш старый товарищ

Борис Заходер.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА.

Знай повадки рыб!

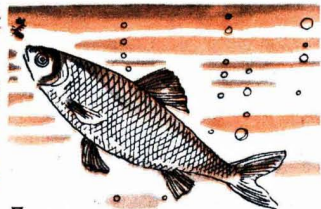

Окунь

Обитатель тихих и проточных вод. Держится во всех слоях воды, однако в летнюю пору отдаёт предпочтение верхним, прогреваемым солнцем. Он хищник, без усталости гоняется за мальком — маленькой рыбешкой. Окунь-горбачи любят пескариков, льцов, подъязков, ершшков.

Ночью спит, уткнувшись носом в подводную травинку или коряжину. Но чуть забрезжит рассвет, спешит к местам кормежки: в прибрежные травы, полузатопленный кустарник, к захламленным отмелям.

Стайная рыба. Подцепил на крючок одного, знай, тут их десятка два-три, а то и больше. Но долго на одном месте не задерживается.

Плотва

Как и окунь, водится почти везде: в озерах, прудах, реках, речках, старицах, протоках. Весь день-деньской проводит в поисках пищи: личинок насекомых, различных червячков, зелени (водяной шелк). Не отказывается от хлебных крошек, хорошо пропаренных зерен пшеницы, овса, ячменя.

В ветреную погоду держится ближе ко дну, в тихие солнечные дни любит порезвиться в теплых верхних слоях воды.

Ни за какой мелкой рыбешкой не охотится, зато сама частенько становится жертвой хищников: щуки, судака, налима, жереха, окуня-горбача.

Выметывает икру в конце апреля — начале мая. В это время ее не соблазнишь никакой насадкой. После икромета аппетит у плотвы отменный.

Щука

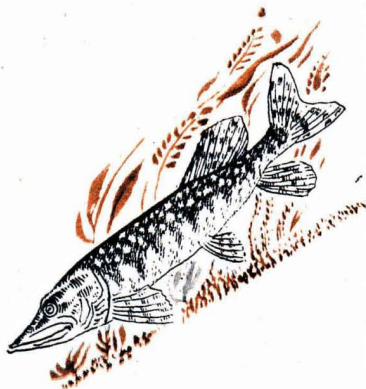
На редкость прожорливый хищник. Не щадит даже своего брата

щук, слопает и не поперхнется. Охотится с раннего утра до позднего вечера. Особенно свирепствует на зорьках. Не брезгует лягушатами. Может схватить и крупного земляного червя.

Где бы ни была стоянка щуки — в глубокой яме, под разлапистой корягой, — на кормежку хищница всегда устремляется в прибрежные травы, где она менее приметна и где держится мелкая рыбешка.

Весьма чувствительна к переменам погоды. За сутки до грозы, затяжного дождя, сильного морящего ветра залегает под колодником и выходит оттуда, когда вновь выплывает солнышко, стихнет ветер.

Нерестится ранней весной вблизи берегов, на мелководье. После нереста болеет, отказывается от

всякой пищи. Переболев, вновь разбойничает, наводя страх на водных обитателей.

Налим

Тоже хищник, но не такой свирепый, как щука.

Ведет ночной образ жизни. В суму темень выходит из-под коряги и нападает на стаи сонных рыбешек, хватая зазевавшихся. Ему все равно, кто подвернется: плотвичка, окунек, елец или ерш. Попадай нет никому.

Любит полакомиться кусочком мяса не первой свежести, куриными потрохами, крупным земляным червем, лягушонком.

Ленивая, малоподвижная рыба. Далеко от своей стоянки не уходит, держится вблизи дна.

В то время как большинство рыб нерестится весной и летом, налим выметывает икру в лютые январские морозы.

— У налима все наоборот, — говорят бывалые рыболовы.

В. Боронин

АКАДЕМИЯ

Марина, Лёка и Алеша вернулись из пионерского лагеря такие загорелые, крепкие, веселые, что мама и бабушка все ходили вокруг них и ахали:

— Ах, как выросли!

— Ах, как поздоровели!

Прилетела Калинка и, поглядывая с большим удовольствием на их круглые щеки, спросила:

— И «во-первых», «во-вторых» выполнили?

— Конечно! Бежали, спектакль ставили, в теннис соревновались, Алеша нарисовал сто картинок.

— И кулинарничать не разучились?

— Нет. Повар Василь Васильич говорил, что даже он сам кое-чему у нас научился.

— Неужели? Так и говорил?

— Не смейся, Калинка! Мы с Алешей помогли ему готовить торт ко дню рождения трех Наташ из нашего отряда. Торт украсили черносливом с орехами. Василь Васильич и не знал, как этот чернослив готовится. Вот!

— Ну, ну, не спорю. Молодцы! Придется устроить экзамен. Выдержите — переведем вас на третью ступень «Академии». Сегодня экзамен кулинарный!

Подвизывая фаргук, Лёка подумала: «Хорошо, что, приехав из лагеря, все вещи сейчас же разобрали, все постирали и перегладили. Хитрая Калинка не только кулинарный экзамен устроила!»

Калинка строго оглядела экзаменующихся. Фартуки глаженные-переглаженные, руки вымыты на славу, почти как у хирургов; кухонные полотенца сияют белой, а полотняные и ситцевые кухонные рукавички, прекрасные заменители кухонных тряпок, весело выглядывают из карманов фартуков.

— Скажите мне, пожалуйста, хорошие люди! Вам приятна вот такая собранность и чистота или вы просто немного боитесь, что я буду сердиться?

Ребята переглянулись, а Марина ответила:

— Нам, Калинка, очень неприятно, когда мы тебя чем-то расстроим. Но не это главное. Мы просто не сможем быть неряхами, не получимся. Очень противно, когда рюкзаки, привезенный из лагеря, разбираешь спустя неделю. Ужас, что в нем творится: сырые от летней росы носки всю неделю пролежали вместе с любимым платьем, и платье поиняло. Кеды после последнего волейбола в песке заскорузлые, как коряги...

— Мы потратили полдня, зато все сразу привели в порядок. Даже туфли отнесли в починку, — гордо добавила Алеша.

Вперед шагнул Лёка.

— Мы готовы к переходу на третью ступень «Академии».

Домашних Вкусных Блюдов

— Мне это очень приятно. Очень, — сказала Калинка. — Все вы умеете хорошо готовить, а что вам кажется самым трудным?

— Ой, Калинка, знаешь, как я мучаюсь с белками, чтобы сбить крепкую пену! — сказала Лёка. — Сбиваешь? Сбиваешь!

— Держи белки в холодильнике до последнего момента и сбивай ритмично, без рычков, да помни, что посуда должна быть холодной. Ты нетерпелива и быстро отчаиваешься. Знаешь поговорку «Торопиться надо медленно»?

Марина подумала и сказала:

— По-моему, труднее всего каждый день готовить вкусно. Даже самую простую еду, но каждый день и вкусно.

— Верно, — подтвердила Калинка. — Трудно каждый день вкусно готовить, никогда не забывая, что соли нельзя переложить даже чуть-чуть, что супу нельзя дать перекипеть. Прекрасно, лучше некуда, надо делать все, за что ни берешься.

Вот смотрите, какие крупные, красивые картофелины «лорх». Если вместо двадцати минут их варить сорок минут, то эти прекрасные картофелины превратятся в мочалку. Или вкуснейшую апельсиновую морковь каротель вместо десяти минут кто-то умудрился парить час, а потом удивляется: «Почему дети не любят моркови в супе?» Понятно почему: переварена она, противная. Ну, не обидно ли было бы тому, кто вырастил эти вкуснейшие овощи, узнать, что их испортили?

— Как это я раньше не подумала, — удивилась Лёка. — Если пригостишь невкусно, значит, испортишь и свой и еще чей-то труд.

— Вот мы и устроим экзамен. Задание такое: приготовить самый простой летний обед: суп овощной без мяса, кабачковую икру, компот из свежих фруктов и ягодный мусс.

— Чур, я готовлю суп, — сказала Лёка.

— А я кабачковую икру, — сказала Марина.

— Значит, мне остались компот и мусс, — сказал Алеша. — Сладкое, если оно холодное, готовится всегда в первую очередь. Пустите меня к плите.

Компот

Алеша промыл холодной водой в дуршлаге полкилограмма кисельной алычи и положил ее в кастрюлю. Добавил стакан сахарного песка, два литра воды и поставил на сильный огонь. Довел до кипения, попробовал, досыпал ложку сахара, снял пену, положил резанные дольками два яблока и горсточку вишен. Дал разок закипеть. Закрыв крышкой, снял с огня и поставил кастрюлю в таз с холодной водой.

— Компот готов, — сказал Алеша, — но если бы я варил его утром, то сразу бы не студил, а сначала завернул бы кастрюлю часа на два в теплое одеяло — пусть настоится. Компот можно приготовить из любых фруктов и ягод. Чем нежнее продукты, тем меньше их надо варить. Например, компот из клубники или голубики даже не кипятят, а заливают кипящим сахарным сиропом, в меру сладким.

Мусс из свежих ягод

Взбить два белка, постепенно добавляя стакан сахарного песка, а потом стакан растертых ягод. Получится пышная, не оседающая масса. Для этого мусса подходит земляника, клубника, малина, любая смородина и даже очень спелые абрикосы и персики (кожицу снять) или тертые на терке яблоки рыхлых сортов. Мусс вкусно запитать холодным молоком.

— Молодец, — сказала Калинка. — И компот приготовил отличный и все хорошо рассказал. Около плиты не сутулится, действовал разумно и точно.

— Между прочим, — сказала Лёка, — я смогу сразу сто супов приготовить. И все за тридцать минут. Смотрите!

Суп за тридцать минут

Наливаю в кастрюлю столько стаканов холодной воды, сколько надо тарелок супа. Сейчас готовлю для нас четверых, значит, четыре стакана и еще полстакана на выкипание. На это количество надо: одну луковку, две петрушки, три средние картофелины, две столовые ложки риса, одну большую морковку, два помидора, укроп, сливочное масло. Все овощи моются, чистятся, еще раз моются и режутся только перед тем, как запускаются в суп, а не ранее. Это очень важно.

Режу крупно луковку и два корешка петрушки, опускаю в кастрюлю с водой, ставлю на сильный огонь. Закипит, огонь прикручу и дам кореньям повариться десять минут. Видите, они стали развариваться, теперь выужу их шумовкой до единого кусочка, а бульон посолю (треть столовой ложки) и посахарю (половина чайной ложки) и опущу резанную соломкой картошку и рис (промытый холодной водой). Пока не закипит, крышкой плотно не закрываю, рис при закипании пенится, и суп может убежать. Через десять минут после картошки и риса опускаю тертую морковку. После этого через пять минут рубленые помидоры (вначале ошпаренные и очищенные от кожицы), горсточку резаной зелени петрушки и укропа и полторы ложки сливочного масла. Пробую. Чуть добавляю со-

ли и через три минуты снимаю с огня. Попробуй, Калинка!

— Душистый, замечательный суп! Собирай, Лёка, на стол, такой суп надо есть сразу, разогревать его не годится. В тарелку, кто любит, можно добавить сметану.

— Но я еще не рассказала про остальные девяносто девять супов! Я соберу на стол и расскажу.

Рис можно заменить другой крупой. Гречневой или пшеном (взять столько, сколько риса), а манной — всего ложку на три тарелки. Крупу можно заменить лапшой (опускается после картошки) или вермишелью (опускается с помидорами). И то и другое по горстке на две тарелки. Крупно резанная белокочанная, или цветная капуста, или зеленый горошек тоже могут заменить крупу. Вместо сливочного масла можно положить консервы. Еще...

— Достаточно, Лёка! Уже десять супов. Ты у нас королева супчиков-похлебочек. Марина пусть расскажет, как приготовила кабачковую икру.

Кабачковая икра готовится просто

Один средний кабачок, две луковицы, три болгарских перца, пять-шесть помидоров, зелень укропа, подсолнечное масло. Сковороду разогреть, влить ложку подсолнечного масла и последовательно обжарить мелко шинкованные овощи — вначале лук, потом кабачок, перец, помидоры с зеленью. Масло подливает по мере необходимости. Потом все смешать, добавить соли и чуть сахару и потушить все вместе еще минут десять. Охладить — и на стол.

— Молодцы! Кулинарный экзамен выдержали. Поздравляю.

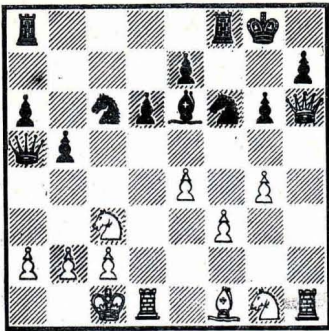

Диаграмма 1

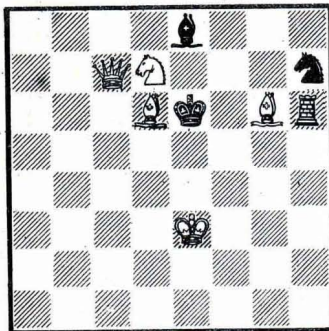
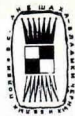

Диаграмма 2

Шахматные турниры

В латвийском городе Лиепая завершилась «Белая ладья». Сюда приехали из всех наших республик сборные команды пионерских дружин, чтобы в поединках за шахматными досками определить сильнейших.

На Всесоюзной спартакиаде школьников в Киеве тоже соревновались сборные команды из всех республик, Москвы и Ленинграда. Среди ее участников немало первокурсников и кандидатов в мастера.

Всем рыцарям шахмат Пешкин желает большого успеха!

Новые друзья

В этой школе не бывает каникул, тренировки и соревнования проводятся круглый год.

Уже двадцать пять лет существует шахматная школа Дома пионеров Закавказской железной дороги. В ней занимались и чемпионка мира Нона Гаприндашвили, и чемпион Грузии гроссмейстер Бухути Гургенидзе, и многие другие известные шахматисты.

Поэтому Пешкин и поехал туда. — Сколько ребят занимается у вас? — спросил Пешкин у руководителя школы Михаила Васильевича Шишова, заслуженного тренера СССР.

— Сто двадцать любителей шахмат, от семи до пятнадцати лет.

— Чем они занимаются?

— Знакомятся с теорией игры, решают задачи, разбирают партии мастеров. Занятия бывают два раза в неделю. И обязательно теоретические знания проверяются на практике. Проводим турниры, матчи, командные встречи, — сказал Михаил Васильевич. — И еще у нас есть такое важное правило: наши ребята обязательно должны помогать шахматным кружкам своей школы, они участвуют в соревнованиях «Белой ладьи» и заботятся о том, чтобы все больше шахматистов было на борту «Белой ладьи».

Теперь у Пешкина прибавилось друзей. За большие успехи в шахматах и активную общественную работу в школьных кружках Пешкин награжден «Грамотами ферзя и

Содержание

Ключ к номеру	1
Пароль — Надежда. — Повесть З. Воскресенской. Рисунки С. Трофимова	2
Школа умелых хозяев. — Рисунки Б. Гуревича	15
«Кораблин»	18
Артековская клятва. — Песня. Музыка В. Боганова. Слова А. Ануфриева	19
Пять тысяч матросских миль. — Сергей Иванов. Окончание. Рисунки П. Вагина	20
Международный пионерский клуб «Товарищ»	29
Билибинская атомная. — А. Некрасов. Рисунки А. Борисова	33
Похождения хитрого Соленописца. — О. Кузнецов. Рисунки И. Краулина	34
Я люблю вас. Кто что заметил. Подъемный кран. — Стихи Э. Мошковской	42, 49
Роденные воображением. — В. Валашов. Фотографии автора	43
Тыходишь в лес...	45
Сказка о том, как маленький ослик мечтал кого-нибудь спасти. — Т. Макарова. Рисунки Е. Медведева	46
Костер дружбы	
Шевченковский сад. — К. Ткаченко. Фотография Т. Гуцевой	50
Театр «Фонарик»	
Без трех минут ровно. — Пьеса С. Лунгина. Рисунки В. Гуревича	52
Морская почта. Переписка с другом. Полдень. Весна. Имена. Гимнастка. — Стихи А. Кушнера. Рисунки А. Вовиковой	64
Шпага командора. — Н. Надеждина. Рисунки А. Борисова	66
Нина плывет на Олимпиаду. — М. Александров. Фото А. Вочинина	69
Хочешь стать речником? — С. Иванов. Рисунки В. Гуревича	70
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой	72
Клуб «Сорок сорок». — Н. Халатов. Рисунки А. Вовиковой	74
Что нам читать?	76
Зорьки рыбацкие. — В. Воронин. Рисунки Н. Доброхотовой	78
Академия домашних волшебников	78
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунки Н. Доброхотовой	80
На обложке:	
Мы подружились на слете. Рисунок А. Борисова.	

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Редакционная коллегия:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ (заместитель главного редактора), С. В. МИХАИЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРАЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник), Э. С. СОКОЛОВА.

Адрес для писем: 101459, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Макет Г. МЕТЧЕНКО и Э. УРМАНЧЕ.

Технический редактор
В. В. ВАНТРУСОВ.

Сдано в набор 31/V 1972 г. А 00706. Подписано к печати 4/VII 1972 г. Формат бумаги 84×60%. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1597. Заказ № 3032.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

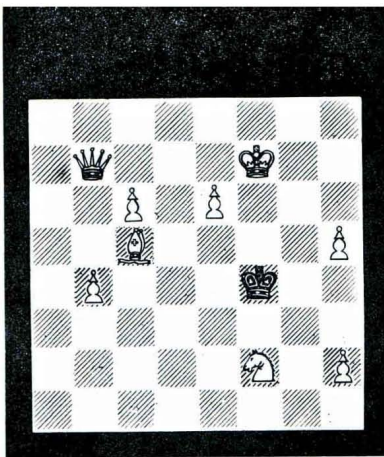

Диаграмма 3

ладьи» юных грузинских шахматистов: Зазу Мегрелишвили, Карена Бабаханова, Игоря Ефимова, Мишу Габескария, Нону Чхаидзе, Гарри Овакова, Володю Петухова, Манану Вацейшвили, Датыко Иренадзе, Гарри Чорголиани, Паату Чхеидзе.

Партия первенства

Посмотрите, как уверенно и сильно провел атаку двенадцатилетний перворазрядник **Игорь Ефимов**.

(Диаграмма № 1)

Позиция возникла в его партии с Геннадием Зайчиком, игравшим черными. Эта встреча лидеров определила победителя чемпионата школьников столицы Грузии.

Игра продолжалась так: 17. g4—g5 Kf6—h5 18. Ah1:h5! Lf8—f7 19. Ah5—h2 b5—b4 20. Kc3—b1 Fa5:a2 21. Cf1—h3. Kc6—a5 22. Ch3:e6 + Fa2:e6. 23. Фh6—h3 Фе6—a2 24. b2—b3 La8—a7 25. Фh3—c8 + Kpg8—g7 26. Kg1—e2 e7—e5 27. Lh2:h7+! **Черные сдались.**

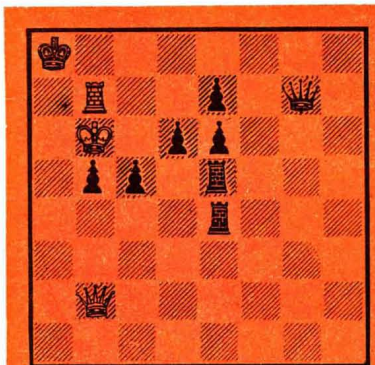

Диаграмма 4

Пешкин советует всем вам, ребята, внимательно разобрать эту партию.

Конкурс спринтеров

Пешкин даже представить себе не может, что его друзья забросят шахматы во время каникул.

Поэтому он предлагает новые задания вам, ребята. Они завершат заочный конкурс, победители которого получат спортивные разряды. Эти три задания входят в самостоятельный, каникулярный конкурс, так сказать, конкурс

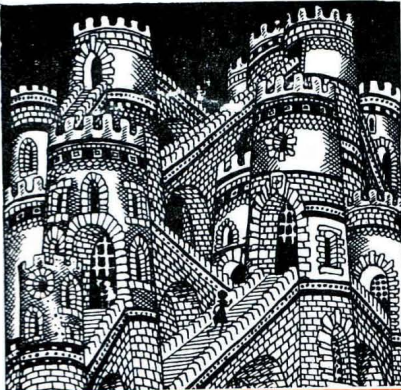

Все на одного

Посмотрите, сколько белых фигур атакует одинокого черного короля.

(Диаграмма № 3)

Но у него немало свободных полей, и он пока не боится угроз. И все же черный король обречен. Найдите, как белые могут заматовать его в три хода.

Роковой угол

Третья конкурсная задача. У черных лишние ладья и пять пешек. Но и эта армада не спасет черного короля от мата в четыре хода, если белые будут вести нападение сильно и остроумно. В роковом углу на a8 черный король не сможет отразить атаку.

Вы, конечно, не забыли, друзья, что во всех задачах игру, как обычно, начинают белые.

Пешкин ждет ваших решений. Он уже приготовил грамоты для победителей шахматного спринта.

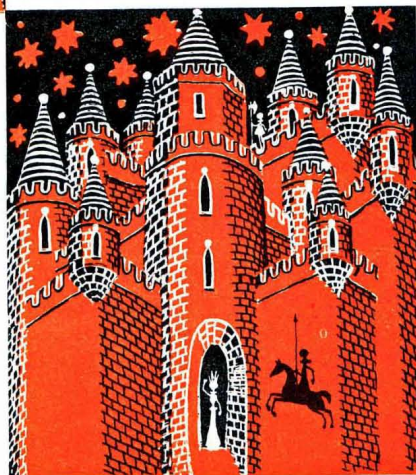
спринтеров, бегунов на короткую дистанцию. Те, кто пришлет Пешкину правильные решения трех заданий, будут награждены «Грамотами ферзя и ладьи». Итак, за дело, юные шахматисты!

Под прицельным огнем

В этой позиции под прицельным огнем белых фигур находится черный король.

(Диаграмма № 2)

Есть один-единственный путь к мату в два хода. Пешкин надеется, вам удастся найти его.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

